

МОЛОДЫЕ НАЧИНАЮТ
И ВЫИГРЫВАЮТ!

С «ЖИТЕЙСКИМИ
МЕЛОЧАМИ» —
к прокурору

ИСТОРИЯ ОРДЕНА
№ 2297

«Я ПОНЯЛА,
ЧТО ОН МЕНЯ
В ЖЕНЫ
НЕ ВОЗЬМЕТ...»

НАШИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

ISSN 0130-2647.

Крестьянка

10'88

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

Крестьянка

10'88

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ КОМИТЕТА СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН И ВСЕСОЮЗНОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ.

ОСНОВАН В ИЮНЕ 1922 ГОДА.

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА».

КОМСОМОЛЬСКИЙ ВОЗРАСТ

На наших глазах растет и формируется новое поколение — поколение перестройки. Какое оно? Конечно, все разные. И отношение к жизни разное. И все-таки... Большинство молодых — люди грамотные, энергичные, трудолюбивые. Они не любят ничего принимать на веру, во всем хотят разобраться сами. Они категоричны и самостоятельны в суждениях, как и все молодые. Но сегодня этого мало. Сегодня нужны самостоятельность поступков, конкретные дела. А вот самостоятельности поступков многим как раз и не хватает...

Мы начали перестройку, но самые сложные задачи предстоит решать тем, кто сейчас совсем юн. Бесценной была бы здесь помощь комсомола, 70-летие которого мы отмечаем. Но не заорганизованного и бюрократившегося, а живого, инициативного, каким задумывался, создавался союз молодых. Такого, который действительно стал бы школой демократии и новаторства, чтобы, пройдя ее, юноши и девушки смело смогли бы взять в свои руки дела общественные и государственные.

ПОД ЛЕЖ

В колхозе имени Бадаева выбрали нового председателя. Как выбрали? Секретарь райкома партии предложил кандидатуру. Проголосовали за нее быстро и единогласно, как привыкли голосовать многие годы, равнодушно полагая, что начальству виднее. Таким образом дипломник дневного отделения зооинженерного факультета Орловского сельскохозяйственного института Виктор Киреев два с половиной года назад стал председателем одного из самых отстающих хозяйств Хотынецкого района.

В это хозяйство я приехала в самый разгар жатвы. Рабочий день в колхозной конторе начинался в шесть утра. Поступали оперативные сводки с тока: сколько переработали зерна за ночь, сколько вывезли на элеватор. В шесть тридцать включалась «радионяня» — так местные остроумцы прозвали селекторное сове-

щение. Его проводил первый секретарь райкома Михаил Георгиевич Михайлов. Проводил с блеском: хлестко распекал нерадивых, точно определял маневр с техникой, быстро обозначал главные направления и умудрялся решать множество сопутствующих жатве проблем.

После «радионяни» в кабинете председателя главные специалисты и руководители производственных подразделений определяли задачу на день. И — по коньям. Так что разговаривать с журналистом всем было некогда, а журналисту хотелось понять, как удалось «лежачему» хозяйству за весьма короткий срок сделать резкий рывок вперед.

С семи центнеров до двадцати выросла урожайность зерна, в два раза — картофеля, возросли надои, снизилась себестоимость мяса, почти на две тысячи рублей выросло количество валовой продукции на одного работника.

Кроме того, за два с половиной года в хозяйстве были отремонтированы все коровники и свинарники, заасфальтирован ток, построены сушилка, теплица. Сданы в эксплуатацию 26 жилых домов, медпункт, проложено пять километров дороги, отремонтирован школьный спортивный зал.

...В первый день работы нового председателя мужики, распивавшие самогонку на конторском крыльце, пригласили его присоединиться и обмыть «назначение». Так Виктор Александрович Киреев встретился с первым своим врагом — пьянством. В колхозе имени Бадаева пили и по престольным праздникам, и по совет-

ским, и каждый день. Пили и специалисты, и рядовые колхозники.

Следующий бич — хроническая нехватка рабочих рук, которые утекли из колхоза в достопамятные времена, когда многие деревеньки были объявлены неперспективными. На семь с половиной тысяч гектаров сельхозугодий в колхозе приходилось всего 182 работника. Кроме того, жуткая нехватка техники. Запутанная бухгалтерия. Засоренные, неухоженные поля. Полное отсутствие того, что мы называем соцульбытом. Но главное и самое страшное — апатия и равнодушие людей и к жизни, и к работе.

Итак, с чего начать? Начал Киреев с привлечения специалистов, готовых организовать производство, наладить режим технологии. И здесь молодому председателю здорово помогло то, что он был в институте секретарем комитета комсомола, то есть знал всех и все знали его.

Кирееву, а значит, колхозу нужны были отличные специалисты, энтузиасты, способные работать сколько нужно, а не сколько положено, люди, обладающие здоровым честолюбием, умением не раскисать в трудной ситуации. И таких он нашел. Сокурсника Константина Мещерякова пригласил на должность зоотехника-селекционера, а через год тот стал главным зоотехником. «Выпросил» в родном институте на практику лучшего дипломника агрономического факультета Владимира Голенцова. Так в колхозе имени Бадаева появился новый главный агроном. А Юрия Бакулина, выпускника того же института, по счастливому сте-

КАЧИЙ КАМЕНЬ

«Лежачим камнем» считался колхоз имени Бадаева. Приподнять этот «камень» взялись молодые... Дорога, которую они прокладывают, ведет земляков к большому хлебу, к достойной жизни.

чению обстоятельств распределили в колхоз за год до прихода сюда Киреева. Он был назначен главным инженером.

Так сложилась «команда» специалистов. По свидетельству учителя Михаила Александровича Сумарокова, «парни врубались в работу, как ледоколы в торосы». Что, скажем прямо, удивляло колхозников, привыкших к другому стилю руководства, когда начальство не очень-то баловало своим посещением бригады и фермы.

Задачи между собой «команда» распределила с максимальной конкретностью, хотя каждый в любой момент мог заменить товарища на «горящем» участке. Виктор Голенцов разрабатывал севообороты, подыскивал наиболее эффективные сочетания культур, улучшал семенной фонд и совершенствовал технологический цикл, стараясь по мере возможностей обходиться без ядохимикатов. Константин Мещеряков мотался по фермам и летним лагерям, давал рационы, отбирал наиболее перспективный молодежь, до тошно подсчитывал расход кормов и гасил очаги скандалов, так легко вспыхивающих в еще не устоявшихся коллективах. Юрий Бакулин брал в оборот бросовые грузовики, жатки, тракторы и ставил их на колеса. А председатель добывал стройматериалы, выяснял отношения с шабашниками, отписывал бумаги в РАПО, выклянчивал по начальникам технику и делал еще сотню нужных и ненужных дел, из которых, собственно говоря, и складывается рабочий день председателя колхоза.

Но, захлебываясь в текучке, они выкраивали время, чтобы наметить и обсудить свою программу-максимум, перспективу хозяйства. Она рождалась в спорах до хрипоты, но выстраивалась в четкую систему. Хозяйство виделось им семеноводческим. При местных почвах и погодных услови-

ях это наиболее выгодный экономический вариант. Хозяйство должно иметь подсобные промыслы — это свободные деньги, а значит, средства на постройку соцкультбыта. Потом все вместе они пришли к выводу, что нужно строить МЖК — молодежный жилищный комплекс. Вначале идея показалась фантастической, потом единственно разумной и захватывающей привлекательной. Ведь все они были молоды, все прошли школу стройотрядов, и идея общего дела, общей жизни была им близка. МЖК сулил стабильные кадры, а это главное...

Было им трудно? Да, очень. Из-за нехватки рабочих рук сами грузили пенсионерам зерно и сено, сами выходили сеять картофель, садились на жатки, работали на току, ремонтировали школьный спортзал.

И тут доброе слово обязательно нужно сказать их женам, терпеливо разогревающим ужин за полночь и не устраивающим скандала, если муж всю ночь до утра остался кидать зерно на току. Честно говоря, именно на жен и падала самая большая нагрузка: семья, дом, дети, работа. И неустойчивый быт. И парикмахерская за двенадцать километров в райцентре, и отсутствие товаров первой необходимости в магазине. Они терпели неудобства, учились работать в огороде и отказывались быть сторонними наблюдательницами колхозной жизни. Жена председателя Люба Киреева стала заведовать детским садиком, из-за недостатка кадров совмещая обязанности и заведующей, и воспитательницы, и няни, успевая при этом обихаживать и своих четырех сыновей. Галина Мещерякова вылезала работать в отделение кадров и навела замечательный порядок в запущенных картотеках, потом ее выбрали еще и председателем профкома. Алла Бакулина стала работать диспетчером.

Они были нежными

и внимательными, и когда им казалось, что мужья на грани нервного срыва, выпроваживали их играть в футбол или быстренько организовывались, стряпали пельмени и собирались у кого-нибудь на посиделки: попеть.

Допускали ребята ошибки? Да, и очень серьезные, это им теперь самим видно. Главная была та, что сделали ставку на переселенцев, отдавали приезжим лучшую технику, наделяли каждую семью новеньким домом, сильно обижают при этом местных.

Когда же переселенцы, хлебнув напряженной работы и весьма неустойчивого быта, стаями стали срываться с еще не насиженных мест, колхозные вожаки поняли, что пошли не той дорогой. Значит, надо было по-другому. Значит, нужно было достучаться до совести, до ума, до души своих, здешних, живущих в Ляновке, в Том Поле, в Девяти Дубах, в Холчевке. Вытряхнуть из людей пьяный угар, обнажить в каждом сокровенную суть — хозяйина и человека, подстегнуть профессиональный интерес. К кому-то применяли санкции — штрафовали, заставляли отработать прогулянное время. С кем-то говорили по-дружески. Если человек старался «наладиться», прощали даже срывы. И люди приподнимались, потому что видели, как надрываются эти молодые на их кровной земле, как выкладываются, как стараются приподнять их родной колхоз, который был весь в долгах как в шелках. Многие поверили в будущее, глядя на плотно новенькой асфальтовой дороги, на ажурные переплетения теплицы, на стояки, на которые в скором будущем ляжет крыша крытого тока. В общем, главным своим достижением пока председатель Виктор Александрович Киреев считает тот факт, что в колхозе пить стали меньше.

...Хлеба подошли дружно и как-то сразу, Владимир Голенцов аж

светился от удовольствия: на овсах можно было взять по тридцать — тридцать пять центнеров с гектара, удались кормовой горох, вика. Крутилась, вертелась жатва. Днем и ночью работал ток. За дымовыми завесами пыли от поля к току сновали машины. Ночью возили зерно на элеватор. Усилия, затраченные людьми за год, материализовались в хлебе. Убрать его нужно было быстро и без потерь. И я свидетельствую, что хотя в колхозе имени Бадаева крепко не хватало механизаторов — ну что такое 23 человека на 4 тысячи га, — тем не менее было ощущение налаженности действий. И не было суеты, не было истерики, хотя, чего скрывать, председатель сильно сорвал голос, «воспитывая» молодых механизаторов, что «на рысях» двинули комбайны по ячменному полю, теряя на каждом гектаре по восемь центнеров зерна.

Но вот однажды по «радионяне» Михаил Георгиевич Михайлов поздравил коллектив колхоза имени Бадаева с выполнением государственного задания по продаже зерна. Вторым в районе.

Наверное, легче сделать первый рывок, первый шаг, но вот удержаться на достигнутом, пойти дальше — насколько же больше требуется сил. Главное, однако, сделано: прорвано кольцо равнодушия. А значит, нужно думать и работать. И, похоже, придет день, когда им станет не нужна «радионяня», когда они будут способны все вместе, коллегиально принимать самые ответственные решения. Но это придет лишь тогда, когда все, кто живет и работает в колхозе, все до единого, будут деятельными участниками сотворения своего будущего. И, видимо, будет это не так скоро. Но лед тронулся...

Ирина НОРКИНА
Хотынецкий район,
Орловская область.

Фото Т. МАКЕЕВОЙ.

— Сетовать на молодежь было привычным во все времена, а вот ругать комсомол — это привычка новая. Но и здесь стереотипы определились: мы непременно формалисты, функционеры, бюрократы... И вот что меня особенно задевает: почему вокруг так громко кричат о рокерах, металлистах, панках и редко, очень осторожно, даже как-то вскользь говорят о тех молодых, кто берется за самые сложные дела? А легко ли идти председателем колхоза или директором крупного совхоза в 26—30 лет? Да еще сейчас, когда все вместе думаем, думаем и никак не придумаем, как сельское хозяйство из провального состояния вытащить. А ведь идут. Только у нас в области за

**Татьяна
ВОЕВОДИНА,
первый секретарь
Костромского
обкома комсомола:**

Пок бу

последние полтора года обновилось больше трети руководителей хозяйств. И почти все они пошли в отставку с той самой, как теперь любят повторять, бюрократической комсомольской работы. И бьются изо всех сил, и поднимают хозяйство. И поднимут!

а есть формализм, дут и „неформалы”

Сашу Беспалова, бывшего первого секретаря Шарьинского горкома комсомола, год назад выбрали председателем колхоза «Восход» в своем же районе. Оттуда люди бежали, проблем и сейчас невпроворот. Саша начал со строительства жилья, дорог, организации досуга молодежи — опыт такой у него есть. Он делает все, чтобы людям жить стало легче, лучше, интереснее...
Вовсе не хочу оправдываться — да, мы сами многое упустили, провалили, многие свои права отдали. И восстанавливать их непросто: недоверие,

часто недоброжелательность к молодежи сильны, да и сами молодые поутратили боевитость.

— Так, может быть, нам с этого и надо было начинать разговор — с того, что утратили?

— Нет, не согласна. Вот вам типичный пример не из прошлых десятилетий, а уже из времен перестройки. У нас в Павинском районе есть колхоз «Большевик». Ребята здесь дружные, живые. Разговоры им давно надоели, хотят дела, но так, чтобы это дело было в их руках — это же понятно! Но с чем бы они ни

пришли к председателю колхоза, ответ один: «Не морочьте голову, идите и работайте там, где поставили». Знакомая формулировка, не правда ли? Прошлой зимой лопнули трубы в детском саду, сад закрыли, дети и соответственно родители сидят дома. Комсомольцы опять пришли к председателю: «Дайте трубы, мы за один вечер бесплатно отремонтируем!» И разговаривать не стал — «Без вас обойдемся».

В райкоме партии мне сказали: «Ну, что поделаешь, такой у него тяжелый характер». Да при чем

здесь характер? Это амбиции неумелого, недальновидного, а значит, и ненужного руководителя. Ведь он не только отбивает желание работать, но и разрушает чувство хозяина и ответственность за свой дом, он калечит характеры молодых людей, делает их аморфными и равнодушными. А потом нам говорят: где инициатива, чем вы занимаетесь, не зря от вас молодежь уходит в неформальные организации...

— А мне кажется, правильно говорят. Даже вот этот случай показывает: не сумели по-

стоять за свои права, за дело, за своих детей, наконец. Очень знакомая ситуация: отказ, окрик — и сразу взяли «под козырек», безропотно ушли ни с чем. Похоже, это в значительной степени относится к самим комсомольским работникам. Видится карьеризм, желание быть послушным и, стало быть, хорошим. И не секрет, что долгое время отметка в анкете о комсомольской работе служила как бы пропуском на следующую, более высокую служебную ступень: ведь молодой человек показал, что он удобен, поскольку приказы исполняет беспрекословно. Настоящие же заводы оставались в стороне и, что называется, варили свою кашу. Недаром в молодежной среде особенно широко бытует сейчас понятие «неформальный лидер». Вот и получается: комсомол сам по себе, а молодежь сама по себе.

— Получалось! Теперь мы стараемся искать, узнавать лидеров, а это, конечно, сложнее, чем узнавание по анкетам.

Год назад в Свердловском районе встал вопрос о замене первого секретаря. Собрали актив, предложили обсудить кандидатуру Александра Мищенко, который уже работал вторым секретарем райкома. Хороший парень, в деле себя не жалеет, но не жоак! И ребята сидят, молчат, смотрят по сторонам и в пол. Думаю — надави чуть-чуть, и проголосуют. Ведь призывки!

Спрашиваю:

— А сами вы никого предложить не можете?

— Можем, — отвечают, — да не пройдет он у вас: образование — средняя школа.

Слышите: «у вас» не пройдет. А у них проходит. «Кто?» — спрашиваю. И чуть ли не хором выкрикнули тогда Сергея Хренкова, токаря, бригадира комсомольско-молодежной бригады. А ведь были на том активе секретари более чем ста организаций. Значит, в районе, несмотря на разбросанность, знают друг друга.

Я, честно сказать, с Сергеем была мало знакома. После актива несколько раз побывала в бригаде, поговорила с ребятами. Искренность и деловитость — вот что притягивает в нем. Добросовестная работа во благо всего коллектива — это само собой. Но он еще сумел создать такие отношения в бригаде, что живут в ней действительно семьей. Крышу дома кому-то починить надо — и это все вместе.

— Так что же больше всего привлекает сегодня в комсо-

мольском лидере? Чисто человеческие качества?

— В первую очередь они. Я сама родилась и долго работала на селе, знаю, что сельские больше, чем городские, боятся отчуждения, одиночества, остро осознают, когда такие отношения надвигаются, как стена, и срывается чувство самосохранения — нам этого не надо! Поэтому на селе в лидерах чаще всего люди, способные понять любую ситуацию и помочь, даже просто создать настроение. У молодых очень сильно желание приходить в коллектив, как к близким, даже родным людям, чувствовать себя нужным, уважаемым, равным.

Одним словом, все дружно выкрикнули Сергея Хренкова. Владимир Иванович Торопов, первый секретарь обкома партии, сказал мне тогда: «Попробуйте!»

Прошел всего лишь год, о результатах говорить пока рано, но работа в районе оживилась, пошла каким-то другим руслом. Мне, привыкшей уже к тому, что бюро, активы ведутся по определенной схеме, протоколу, в Свердловском райкоме бывает интересно. Не знает Сергей никаких схем и, мне кажется, не хочет знать. Он просто разговаривает с ребятами по существу дела, и они прекрасно друг друга понимают.

— В последние годы устоялся совершенно определенный образ комсомольского работника: аккуратный костюмчик, белая рубашка, галстук, стрижка — и неременный кейс в руке. Образ молодого бюрократа?

— Да разве костюм и галстук определяют бюрократа? Дело в другом. Нас выбирают и — как в воду бросают не умеющего плавать человека. А ведь мы же молодые, не очень уверенные, со своими слабостями, если хотите, комплексами. Многие, особенно на первых порах, просто боятся идти в незнакомые коллективы, разговаривать по душам не с одним человеком, а с целой группой совершенно разных людей. Этому же надо научиться! Хорошо, если есть талант быть открытым, естественным во всех ситуациях. А если нет? Вот и надевает молодой человек маску такого начальничка. Подражает! Ребятам, пришедшим на работу в комсомол, в первую очередь надо учить психологию, умения вести разговор, разбирать, анализировать конкретные ситуации. И еще — навыкам самообразования, самовоспитания.

— И тогда, вы надеетесь, у вас получится разговор и с «неформалами», и с неблагополучной молодежью?

— Научимся. Хотя у нас эта проблема стоит не так остро, как в городе. Молодежь у нас открытвеннее, у нее в большей степени сохранились доброта, простодушие, даже наивность. Ну что такое наши рокеры или панки? Это же в большинстве своем совершенно наивные ребята, но с характером, им хочется как-то особенно самовыразиться. Очень хочется, чтобы у них все было так, как в городе. И это не случайно. Десятилетиями в воздухе витало — в селе остаются те, кто не может устроиться в городе. Это неправда! Причины ухода молодежи в город мы уже знаем, их много, и одна из главных — село обделено культурой. У нас в области, например, есть проблема невест. Думаете, девчонки уезжают в город за легкой жизнью? Нет. Девчонка — это будущая мать. Девчонка, еще и незамужняя, в первую очередь думает о том, как детей воспитывать будет, в каких условиях. Она хочет для них того, чего сама не имела. И права, конечно. Вот и нам о ее будущих детях думать надо. И о ней — сейчас, сегодня. А что касается рокеров, металлистов, панков — я не считаю их появление трагической неожиданностью. Я уже сказала: они подражают! Узнают себе цену, узнают иные ценности — пройдет и потребность кому-то уподобляться. А нам, конечно, необходимо искать какие-то совершенно нестандартные формы работы с этими ребятами. Стандарт отталкивает, унижает, обесценивает личность. В Костроме рокер человек двадцать. Да, выстраиваются колонной, демонстративно тархтят по улицам. Мы им предлагали: «Давайте лучше устроим соревнования». Пришло всего пять человек. Видимо, это им неинтересно, потому что традиционно. Попробовали другое: «Ну, что вы бензин зря расходуете, развозите заодно и почту. По крайней мере подработаете». Оскорбились: они «для души», гоняют, а мы с таким сугубо практическим предложением.

В том, что у нас нет взаимопонимания, виноваты в большей степени мы, а не они. Ну хотя бы потому, что мы опычнее и старше и понимаем, что по сути своей нормальные они ребята. Недавно на молодежный праздник притархтели всей своей командой, демонстративно сложили в круг на площадке свои шлемы и начали танцевать. Как все, на них и внимания-то никто не обратил.

Или как-то во время учебы по гражданской обороне уселась группа панков на площади — протестуют. «Против чего?» — спрашиваем. «Советский народ

против войны, а вы здесь к войне готовитесь». Ну что, они виноваты, что им вразумительно не объяснили: мы учимся обороняться, а не нападать?

Нельзя отторгать своих ребят, нельзя все, что нам не нравится, запрещать.

— Мы говорим о «неформалах». Не ими ли стали молодые кооператоры? Они сейчас не в поле зрения комсомола, во всяком случае, не в центре его внимания.

— Верно. Чаще всего мы узнаем о молодежных кооперативах, когда они либо уже организовались, либо начали действовать. И на данном этапе я не вижу в этом греха. Вы помните кампании по организации комсомольско-молодежных коллективов? Значит, должны знать, сколько их было создано формально и как быстро они превратились в фикцию. Если мы сейчас опять начнем организовывать, даже разумно, продуманно, все равно будет реакция отторжения.

Я считаю, что главная наша задача — заметить, толково, практически поддержать инициативу, вызвать к себе доверие. Чтобы и молодежные кооперативы, и подрядные, арендные звенья уже на начальном этапе организации твердо рассчитывали на нашу помощь.

— А каково сейчас комсомольским работникам говорить на равных с хозяйственными всеми уровнями?

— Значительно легче. Особенно после XIX партконференции. Но тенденция эта была обозначена значительно раньше. По крайней мере у нас в области. На прошлогодней комсомольской конференции поступила в президиум записка от первого секретаря Шарынского горкома партии Валерия Петровича Арбузова. Подумайте, писал он, как помочь молодым руководителям, недавним вашим комсомольским работникам, которые ушли на хозяйственную работу, да и вообще молодежи — почувствовать уверенность в себе. Как бы на первых порах они не отчаялись и не опустили руки.

Вскоре Арбузов стал председателем облагопрома. Вот тогда мы ему и напомнили о его же записке. Собрали за круглым столом всех молодых руководителей и поговорили по делу и по душам. Более 90 процентов их просьб агропром удовлетворил. Это реальная помощь. А потому именно в обком комсомола приехал за помощью Алексей Водов. Он и еще три его товарища организовали в колхозе имени Ленина Кологривского района кооператив по откорму молодняка. Сами отремонтировали разру-

шенную ферму, колхоз им дал технику, какую мог. Не хватало косилок, пресса, а планы у ребят большие: решили взять в аренду 200 га пашни, чтобы самим выращивать корма, наладить севооборот. Мы помогли достать им эту технику, и уверены, что теперь многие к нам пойдут за помощью.

— Не грозит ли вам в таком случае опасность стать хозяевами, снабженцами, «выбивалами».

— Думаю, нет. Мы просто станем помощниками, соучастниками той реальной жизни, которая идет в молодежных коллективах.

— Как вы считаете, вас хорошо знает молодежь области — именно вас, комсомольских работников?

— С горечью признаюсь — плохо. Часто просто не представляют нашей работы.

В конце прошлого года мы опубликовали в газете «Молодой ленинец» так называемый «Талон доверия». Это такая анкета, через которую мы попросили комсомольцев оценить работу членов выборных органов: что устраивает, что кажется малоэффективным или ненужным, над чем надо серьезнее поработать и в конце концов кого заменить. Если б вы знали, с каким волнением мы ждали ответов! Надеялись на массу предложений и замечаний. Но... ответов было очень мало.

Тогда сделали другой ход: поместили в газете портреты всех четырех секретарей обкома и рассказали, за что отвечает каждый из нас, какие существуют проблемы в работе, изложили программу самого секретаря. Опять же попросили прокомментировать эти направления, дать свою оценку.

На этот раз молодежь откликнулась охотнее. Суть главных замечаний: побольше демократии, больше заботы о закреплении кадров на селе.

Мы организовали общественную приемную обкома комсомола, которая на несколько дней выезжает в район, и тут уж мы стараемся побывать везде, поговорить не только с молодыми, но и с теми, от кого зависит успех их дела. Стараемся помочь практически.

Молодые довольны, что им дают возможность высказаться, поспорить, отстоять свою точку зрения. А от уверенности в том, что твое мнение интересно, до полезного дела путь вполне преодолимый. Многие его преодолели. Одолеют и другие.

Беседу вела
Наталья ГОРШКОВА.

Фото Б. ЗАДВИЛА.

Наталья ПАРАЩЕНКО

Наташа живет в селе Покровское Днепропетровской области. Первое стихотворение написала, когда ей было 8 лет. Мечтала стать, как и ее родители, ветеринарным врачом. Но пошла работать в колхозную многотиражку. Сейчас она режиссер сельского Дома культуры, готовит вечера, к которым сама пишет сценарии. Выступает со своим агитколлективом перед колхозниками. Искренняя и открытая, она тянется к людям, стараясь понять каждого. И стихи ее такие же искренние. Публикация в «Крестьянке» — литературный дебют Наташи Паращенко.

* * *

Голубая птица прилетела
в край лесистый к деревянным хатам,
Проча возвращение убитым
и пропавшим без вести солдатам.
Поросли быльем воронки в поле,
слезы улеглись на дно криницы,
Но живет с надеждою и болью
сказ о голубой вещунье-птице.
Верит мать седая, верит свято,
радуясь проказливим мальчишкам.
Так же вот ее сынок когда-то
наживал царяпины да шишки.
...Долго ночью шурилась хатенка
мутновато-желтыми глазами,
Рвал петух затишье трижды звонко.
Под луной, как перед образами,
Мать седая до утра молилась,—
голубая птица ей приснилась.

* * *

Крадется тихо листопад,
Меняя мир вокруг,
И дремлет старых яблонь ряд,
Ровесниц и подруг.

Войду, как в храм,
Под свод ветвей,
Замечу не спеша,
Что мне все сущее родней,
Где Вечность — госпожа,

Где льется листьев водопад
И яблук слышен стук...
Где много лет хранит наш сад
Тепло отцовских рук.

* * *

Я — из вдовьего дома, может быть,
потому
Так сиротски глядятся его окна
во тьму.
Мне — особые счеты и особая
боль,
Я — из вдовьего дома, перекатная
голь!
Ни гроша за душою, а завистников —
тьма!
Говорят, не умею жить с большого
ума.
Я — из вдовьего дома, где заплата
в цене,
Где с наценкою горе, ну а гордость —
вдвойне!

ЯНВАРСКОЕ

Зима подзапоздала, не спешит,
Морозом жестким в горле не першит,
От сырости, от слякоти разбух
Промокший мир насквозь,
И нем, и глух,
Упорно не внимает недовольству,
Что от такой зимы, мол, нету пользы!
И сонны лица, и тревожны взгляды.
Ах, надо бы метелей, снегу б надо,
Прикрыть, укутать, выбелить земную
Действительность суровую, нагую...

Но, может, это снисхождение и
милость,
Что время чьей-то осени продлилось?

Рис. М. БОЙЦОВОЙ.

В читательских письмах нередко прорывается горький вздох: культурные блага сыплются на город и деревню не в равной

мере, начинаем стирать грани в быту, а до культуры дело не дошло...

Одно такое письмо из Ставрополя мы получили больше двух лет назад.

«Когда же будет налажен досуг нашей молодежи в сельском ДК? На работу сюда принимают случайных людей. Директор получает зарплату, а на дверях ДК почти все время замок. Начальству совхоза до этого дела нет. А чем наши дети хуже, чем в городах, где есть кружки, клубы по интересам, дискотеки? Молодежи в свободное время заняться нечем, отсюда текучесть, пьянство».

Письмо, хоть и подписанное, оказалось анонимным, автор поставил не свою фамилию. Тем не менее мы получили официальный ответ, факты подтверждались, были намечены обнадеживающие меры: назначен новый директор ДК, за счет хозяйства три человека отправлены на учебу в культурпросветучилище, приобретены музыкальные инструменты, усилительная аппаратура, выделено 8 тысяч рублей на пошив 37 женских и 12 мужских костюмов.

Два года — срок немалый, мы решили посмотреть, что изменилось в селе Владимировка Туркменского района.

НА ОКРАИНЕ ВЛАДИМИРОВКИ возвышаются странные железные фигуры — бывший «луна-парк», ныне поржавевший, сломанный, забытый... Одноэтажному облупленному зданию не удивляешься, уже зная, что мясосовхоз «Владимировский» — хронический должник, из года в год не окупаются

здесь затраты на производство мяса. Откуда взяться дворцу? Хорошо хоть есть его скромная копия, состоит, как и положено, из зала и фойе, которые работают по праздникам. А для будничных нужд имеются две боковые комнатухи. В одной теннисный стол, в другой под сенью громадного портрета среди запыленных знамен и откровенного хлама репетирует хор Виктора Кравцова.

О Кравцове я слышала еще в райцентре — Летней Ставке: «За троих работает!» Преподает музыку в школе, собрал из ребятшек ансамбль, учит их играть на гармониках и балалайках, а еще взрослым хором в сорок человек руководит. Один из участников хора гордился:

— Нам на гастролях говорят: за вашего баяниста ничего отдать не жаль!

Сам Виктор Васильевич работает, как умеет, вот уже много лет. Детей любит, считает, что умение играть на народных инструментах когда-нибудь да пригодится. Взрослый ансамбль, для которого действительно красивые костюмы сшили, притягивает людей в возрасте, для них хор — и радость, и отдых, и общение.

— Даже молодежь нас хвалит, — усмехается Кравцов. — Душевно поете, говорят, хоть и не то сегодня нужно.

— А что им нужно? — размышляет он. — Рок, конечно, тяжелый «металл», все, что так или иначе мелькает на экране. Но рока они не знают. От своего берега отплыли, а к чужому не пристали.

Кравцову ребят жаль, знает, что, кроме спорта, заняться им нечем. Совхоз не поспешил: купил инструменты, усилительную аппаратуру для ВИА, а просуществовал ансамбль недолго — сгорели от неумелого обращения динамики. Сам Кравцов и рад бы ребятам помочь, да сердце не лежит к модным ритмам, к тому же не разорваться ему — один все-таки человек.

Один на 1350 живущих на территории совхоза. А как же новый директор, чье призвание — вдыхать живую жизнь пусть

и в старенные стены? Наталья Гусева присутствовала при разговоре, но сказать ей было нечего, уже написала заявление об уходе. Говорит, согласилась на эту должность, потому что дома трое малых детей, всегда можно повесить на клуб замок и сбежать за ними присмотреть. А творческих наклонностей никаких у нее нет и не было, она этого и не таила...

В редакцию сообщалось

о «трех единицах работников культуры», которым предстоит работать в совхозе. Но не было этих единиц. Просто назвали тех, кто уехал учиться в Ставрополь. То ли пять, то ли семь человек получалось, никто толком не знал, но по разным причинам они на ниву культуры пока не вернулись. Так что жизнь в ДК ключом не бьет. Репетирует Кравцов, жалу-

ясь на тесноту комнатухи, щелкает теннисный мячик, по вечерам крутят кино.

СРАВНИМ С ГОРОДОМ? Но как сравнить многотысячный город с селом, пусть даже большим? В Ставрополе в одном Дворце профсоюзов работают 24 любительских объединения, театр, опер-

Экран телевидения приблизил молодежную жизнь со всеми ее взлетами и конфликтами к окнам сельского дома: чего только не происходит на свете!.. А у нас? Ребята не хотят быть только слушателями, только зрителями. Сами не знают чего хотят? Знают!

Пожалейте гармонистов или «МЕТАЛЛ»

М" НА СЕЛЬСКОЙ УЛИЦЕ

Снимки на наш фотоконкурс прислали Н. СМИЛЬЕК и С. ПОДЛЕСНОВ.

ная и цирковая студии, камерный хор. А дискотеки! Деревенские ребята, когда танцы устраивают, тоже стараются — притаскивают в фойе ДК свой маг, «коробочку» с цветозвуком, сваливают на подоконники пальто и танцуют под страхом, что того гляди им скажут: «Марш по домам!» Но только ли в этом различие?

В разных краях, разной степени удаленности от малых и больших городов приходилось слышать от молодых вопрос: «А куда у нас пойти?» В вопросе сам собой заключался ответ: некуда! При этом местный ДК может быть украшен колоннами с лепниной, может висеть расписание работы кружков, но в просторных помещениях витает нежилой холодок, и кружки на поверку оказываются все сплошь детскими. Помню, как в известном на всю

страну подмосковном колхозе директор Дворца культуры жаловалась: «На праздник урожая бабки пирогов напекут, цветов нанесут, по ведру яблок из сада, песню грянут — душа радуется, а молодежь хоть бы глазком одним заглянула! И чего им надо?»

Во Владимировке старшеклассники прямо сказали нам, чего им «надо»:

— В конторе подвальчик есть для заседаний, пусть его нам под дискотеку отдадут. А то из фойе гонят, танцуйте, говорят, в проулках, а там грязь по колено!

Больше никаких толковых требований из разговора с ребятами не всплыло. Говорили с обидой:

— Пока клуб построят, я дедушкой стану!

— Ничего у нас не случается. Разве напьется кто из старших, идет по селу, сам с собой на всю улицу разговаривает — все событие...

— Или по пьянке в качели заберутся и качаются, пока не вывалятся.

И это говорили не скептики, не разочарованные в жизни нытики, а живые, смелые и смешливые ребята. Но чего им не хватает, они выразить не могли. Завидовали молодежи в Летней Ставке, у которой есть хотя бы свой ВИА «Успех». Что уж о Ставрополе говорить — все глаза были устремлены туда. Но дело, видимо, не только в количестве увлекательных мероприятий. Дело в среде, в том нематериальном воздухе, которого или хватает на полное дыхание, или нет.

Ведь не жалуется деревня на свою бедную послевоенную молодость. А какой был досуг? Кино да танцы под гармошку, и дворцов с колоннами еще не отгрохали, и патефон был в диковинку. Но тогда девчонка не стеснялась выйти на пятачок и подразнить парня наскоро сочиненной частушкой. Тогда своя, крестьянская, из глубины веков идущая культура и для молодежи была кровной. Русло ее, хоть и обмелевшее, несло все еще живую воду. Остатки этой культуры мы

(Окончание на стр. 20.)

И ПОКУПАЕМ ТО, ЧТО НАМ НЕ НАДО

«Почему это у нас в магазине, какую вещь ни спроси, никогда не купишь?» — написала в редакцию жительница села Ключи Бийского района А. М. Красильникова. И дальше следовало перечисление «дефицита»: кирзовых и резиновых сапог, галош, ватных и меховых жилетов, хлопчатобумажных платьев, шапок, валенок, белья...

— Ну а если нет нужных селу товаров в достаточном количестве, где их взять? — удивился, узнав о содержании письма, заместитель председателя райпо А. А. Голенко.

Пожалуй, на такой вопрос не сразу ответишь. Однако, начиная разговор со специалистом, я все же рассчитывала на то, что он будет более осведомлен о проблемах торговли. В барнаульском ЦУМе видела я, к примеру, трехрублевые галоши, о которых в каждом письме из сел Алтайского края в столицу — стон. Там же обнаружила кирзовые и резиновые сапоги. Успехом у городских покупателей эта обувь не пользовалась. А ведь редкий товар следовало бы отправлять туда, где он больше нужен. Пусть даже невелика та партия резиновой обуви, весь Бийский район не обеспечила бы, но, скажем, в Ключах, где 400 жителей, проблему сняла, отнесись Бийское райпо к обеспечению подведомственных ему магазинов — формально. Думаю, и горожане не возражали бы, переключив к ним поближе излишние запасы весьма дефицитных мужских шерстяных брюк, которыми вдруг оказался затоварен магазин в Ключах.

А кроме брюк, в магазине в Ключах пылилась синтетическая шубка 44-го размера — покупателя на такой товар тут не сыскалось. И еще модные, но тоже маленькие сорочки, да белорозово-голубые элегантные ботики. Дорогие, потому что из поливинилхлорида, и, согласно приложенной к ним инструкции, в особо сыляющую погоду носить их не рекомендуется.

«Ничего, поеду в город, там свой товар продам», — успокаивает себя завмаг Н. А. Корнакова. Первое воскресенье каждого месяца — свой законный выходной, а то и следующий, если план «горит», — тратит она на поездку в город. Там на базаре расходятся не востребованные на селе брю-

ки, сорочки, ботики... Так путешествует товар с Бийской межрайбазы в сельский магазин, а потом обратно в город. Таких, как Корнакова, вынужденных превращать свои законные выходные дни в трудовые будни, в районе немало. Похоже, в Алтайском крае ни времени, ни денег считать не принято. Вместо того, чтобы хорошо распорядиться тем, что есть, 1000 работников одной госторговли, не считая потребкооперации, истратили в прошлом году 150 тысяч рублей на командировки в другие республики в поисках нужного товара. Накладно? Зато просто.

Судя по рассказам, в Ключах, в Доме быта, чего только не шьют: и полушубки из овчины, и шапки меховые, и платья на детей и взрослых, телогрейки ватные, пальто, валенки вяжут... Да при налаженной работе 400 жителей Ключей здесь с ног до головы оделись бы, да еще родственников в городе обеспечили, порадовалась я. Но, увы... Историй про сельский Дом быта рассказали мне множество, и все — то ироничные, то злые. Вот местная жительница К. В. Сергина заказала пальто в апреле, да только в октябре получила. Заказ на валенки до года ждут. Да разве только в долгих сроках дело! Полушубки эти от холода, может, и защитят, но красоты облику своего хозяина не прибавят. А платья... «Я недавно справила выходное. 80 рублей заплатила за работу, а как увидела, что получилось, — спрятала, чтобы муж не нашел», — рассказывала А. М. Красильникова, кстати, председатель местного женсовета. «Да что делать, — бессильно развела руками Красильникова, — квалификация у мастериц низкая». Стоит ли этому сочувствовать? Из соседнего Бийска тот же женсовет конструктора бы пригласил, чтобы показал, как кроить надо.

Кооперативы, производящие нужные людям товары, сегодня стали появляться повсюду. Ну а в Ключах?

На каждом подворье здесь в среднем до семи овец. Но не сыскать ни носков шерстяных, ни свитеров, ни кофт, ни жилетов ни в магазинах, ни на рынке. «Где же ваши умельцы да

рукодельницы?» — спрашивала я людей в деревне. Только никто толком не ответил, ни одного адреса не назвали. Пошла я тогда к председателю сельсовета В. П. Иванилу: он всему голова, не может эту проблему не считать своей. «Прежде в дефиците были ковры и хрусталь, — начал издали председатель. — Теперь ими все магазины завалены. Так и с шапками будет, с валенками». Правда, когда будет, Иванил и сам не знал. А мне было понятно только одно: что без хрусталя зиму прожить можно, а без валенок... ну если только все село застелить коврами.

«Мы ждем, товар обязательно будет», — убежденно говорила Красильникова. Оптимизм ее разделяли и завмаг Корнакова, и работницы Дома быта. «Да откуда же?» — изумлялась я. «У нас перестройка, — отвечали мне, — значит, наши фабрики станут лучше работать». Вот, значит, как: пусть они начнут, а мы подождем. А ждут, к примеру, уже много лет кухонных гарнитуров, чуть ли не все село в очередь записалось. Привозят раз в полгода один, и достается он, как правило, многодетной семье. Прямо чудеса! В городах люди стараются кухни в деревенском стиле оформить, а на селе нет ни одного кооператива, где бы эти гарнитуры, а проще говоря, столы, табуретки да ящики, делали.

— Нет предложений от населения, — развел руками А. А. Голенко. А что было сделано, чтобы заинтересовать людей? Да ничего.

...Закрывает глаза и предстала, что могли бы поставлять в магазины сельские умельцы: вязаную и шитую одежду, дубленки, валенки, тапочки, предметы мебели и быта — оригинальные, не как у всех — другим на зависть.

— Еще вопросы есть? — то и дело одергивал меня, стараясь поскорее закончить беседу, зампред крайпотребсоюза Е. А. Ларионов.

Есть. Как можно ежедневно «любоваться» пустыми прилавками магазинов и не стараться исправить положение? Жизнь сама по себе не станет лучше, коли к этому головы и рук не приложить.

Александра КОРОЛЕВА
Алтайский край.

разговор о «ЖИТЕЙСКИХ мелочах» с районным прокурором

Сотню лет Россия смеется над чеховской старушкой, пришедшей в банк требовать пенсию за мужа только на том основании, что во всех прочих местах она уже была и ей отказали. Мы смеемся и сочувствуем затравленному чиновнику, вынужденному выложить собственные деньги, чтобы отвязаться от назойливой просительницы. Но чем больше проходит времени со дня написания пьесы, тем больше к смеху присоединяется еще и чувство некоторого изумления. Уж, кажется, какие необратимые изменения и в людях, и в обществе успели произойти, а старушка все так же узнаваема, как будто только вчера мы встречали ее в собесе, в исполкоме, в редакции. Да, именно в редакции — с какими только просьбами сюда не приходят! Скажем, совхозный бухгалтер просит разобраться в правильности начета, наложенного на нее вышестоящей инстанцией. Разобраться с конкретными цифрами, а не выяснять ситуацию и написать о ней. Даже, наоборот, категорически требует ничего не писать. Хотя ведь журнал — печатный орган, а не финансово-ревизионный.

Или еще случай. Молодая мать окончила техникум уже с двухмесячным ребенком на руках. Ей дали свободное распределение по месту жительства (а жила она в деревне) и сказали, что в дальнейшем пособие на ребенка надо оформлять через райсобес. А там уверили, что платить должны по месту работы мужа. Супруги собрали документы, но на работе мужа отказались их даже принять. Женщина пошла за помощью в женсовет, оттуда обратилась в редакцию с просьбой разобраться и помочь. Тем временем ребенку уже восемь месяцев, пособия молодым супругам никто не платил и не собирается, а куда еще написать, кроме редакции, ни они, ни женсовет, принявший участие в их судьбе, просто не представляют. Мы понимаем: раз обратился человек в редакцию — значит, во всех прочих местах ему в объективном или по крайней мере убедительном разборе ситуации отказали. Что остается? Выслушать и по возможности помочь.

Есть, правда, еще одна организация, куда по делу и не по делу стекается множество разнообразнейших житейских жалоб: это прокуратура.

Мой собеседник — прокурор Суворовского района Тульской области Николай Андреевич БОТКИН. И первый вопрос к нему: чего больше в ситуациях, подобных названным, — правовой безграмотности людей, неспособности соответствующих местных организаций давать жалобам правильный и законный ход или всеобщей на-

Ваши права

шей неразберихи в понимании и исполнении собственных обязанностей?

— Позвольте, прежде чем отвечать на вопросы, привести несколько типичных ситуаций — на этот раз из нашей практики. Скажем, совхоз обрабатывает участки жителей села и берет с них за это деньги. Дело отличное, и сумма весьма умеренная. И вот приходит ко мне пенсионер из Малиновки и говорит: почему я должен платить, как все, когда у меня участок меньше других? Или еще случай. У одного колхозника через личный участок проходит сливной желоб с участка другого колхозника. И ко мне, прокурору, приходят с требованием выяснить, кто какую часть желоба должен ремонтировать. Все это может показаться чуть ли не комичным, во всяком случае, думаю, Чехов вполне мог бы увидеть здесь сюжет, но вот, как вы сами считаете, обязан районный прокурор заниматься названными делами?

— По-моему, люди стучатся не в ту дверь.

— Конечно же, я мог бы тому пенсионеру объяснить, что прокуратура — слишком серьезная инстанция для таких мелочей. Но имею ли я на это моральное право? Каждому человеку его конкретная бытовая и хозяйственная проблема зачастую жизненно важна, какой бы мелкой она ни выглядела со стороны. И отмахнись я от подобных «мелочей», оставлю человека, по сути, беззащитным, чего нельзя допустить ни в большом, ни в малом. Вот и получается, что если кто и «стучится не в ту дверь», то я свою, как и вы — свою редакционную, закрыть не могу, так как «та» дверь не всегда имеется в наличии.

Вопросы такого типа отнимают у прокуратуры, по самым скромным подсчетам, не меньше трети всех сил и времени. А у нас еще очень много серьезной работы, на которую и того и другого требуется с избытком. Действительно, по большому счету мы вынуждены заниматься не своим делом. Но чье же оно? Вы вот спросили о правовой безграмотности. Да она просто вопиющая! Не только снизу, но и сверху. Человек не знает, куда ему пойти для решения конкретного вопроса и какие при этом он имеет права, а руководитель зачастую тоже не знает своих прав и обязанностей при решении этого же вопроса. Приведу конкретный пример. У нас в управлении мелиоративных систем лишили работника премии. Он захотел обратиться в суд. Суд готов рассмотреть дело, но требует копию приказа о лишении премии. В управлении копию не дают, требуют официального запроса. Суд не запрашивает, так как без

копии документа не может назначить дела к слушанию. Человек оказывается в замкнутом круге. И все уверены, что полностью в своем праве. А на самом деле элементарная безграмотность. На эту тему есть специальный Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 августа 1983 года, где предельно четко говорится, что общественные и государственные предприятия, учреждения и организации обязаны по заявлению граждан выдавать копии документов, исходящих от этих предприятий, если эти копии необходимы для решения вопросов, касающихся прав и законных интересов граждан.

А как часто мы сталкиваемся с ситуациями, которые теперь даже кажутся нормальными. Водитель, например, увольняется с работы, а ему начальник говорит: сдай новую резину, что в прошлом месяце получил, тогда трудовую книжку дам. Но ведь это совершенный произвол! Если у организации или предприятия есть какие-то имущественные или финансовые претензии к работнику, то их следует предъявлять в судебном порядке, но при чем здесь выдача трудовой книжки?

Правовой произвол часто проявляется, когда есть возможность показать свою власть, поставив человека в зависимость от какой-нибудь бумаги. Вот молодой матери потребовалась для получения пособия на ребенка справка о прописке. А руководство совхоза считает, что женщина в данный момент занимает служебную площадь незаконно, и на этом основании получению справки всячески препятствует. Не буду касаться существа спора о самой жилплощади, но, наверно, не трудно догадаться, что кормить ребенка надо независимо от решения этого спора, и раз человек прописан, то выдать справку, всего лишь фиксирующую данную реальность, ему обязаны. Подобные действия не только противоправны — они противны и общечеловеческим законам, и здравому смыслу.

— А не кажется ли вам, что в подобных действиях некоторых руководителей, кроме правовой безграмотности, есть и прямое пренебрежение законом?

— К сожалению, не только кажется. Начальник пожарной охраны РОВД некая-нибудь беззащитная старушка, а лицо достаточно авторитетное. И вот он обращается ко мне с жалобой. Пожарная инспекция наложила на председателя колхоза штраф в размере сорока рублей. Деньги должны удерживаться из зарплаты председателя. Но руководитель хозяйства попросту запрещает своему главному это делать. Кстати, подобное отношение к претензиям со-

вершенно законным и оправданным тем уроном, что мы постоянно несем от нашей безалаберности, — например, к претензиям санэпидстанции, — сейчас типично. Сответствующая бумага кладется на стол председателя колхоза или директора совхоза, а он привычным жестом смахивает ее в нижний ящик того же стола и считает дело законченным. Что, человек не понимает, что совершает противозаконный поступок? Не верю в такую наивность, особенно если происходит это не в первый и даже не в десятый раз. Но понимает он и то, что серьезных неприятностей у него не будет. Конечно, прокуратура в таких случаях каждый раз должна настаивать на привлечении к дисциплинарной ответственности, но в реальности до этого чаще всего не доходят руки. Вот и рождается ощущение безнаказанности. Тут нашу вину следует безоговорочно признать. И я собираюсь в самое ближайшее время сосредоточить на этом особое внимание.

— Значит, правовое воспитание требует не только воспитательных, но и принудительных мер?

— Вы ждете от меня четкого рецепта: следует сделать то-то и то-то, у нас появятся правовая грамотность, правовое воспитание, и все проблемы отпадут. Да, я, как районный прокурор, имею кое-какие соображения. Но тут много вопросов, которые не замыкаются в рамках деятельности правоохранительных органов. Давайте посмотрим с самого начала. Образование и воспитание, в том числе и правовое, начинаются с семьи и школы. А у нас в семье произошло отчуждение бытовой морали от законности. Когда крестьянина сажали за подобранный в поле колосок, то это было очень «действенное» воспитание, наглядно доказывающее, что закон и нравственность не всегда идут рядом. А когда районный начальник на глазах у всех творил то, за что рядового колхозника давно отдали бы под суд? Когда тракториста могли привлечь к уголовной ответственности за несдержанность в разговоре с председателем? Плоды всего этого мы, боюсь, еще долго вынуждены будем пожинать. Да и сейчас еще в жизни достаточно несовладений декларируемого и реального. Так что отношение к закону в семье, в быту пока далеко от безусловного уважения. Это относится, так сказать, к обязанностям. Что же касается прав человека, знания этих прав, умения ими пользоваться, то картина еще более убогая. Мы как будто всё зарегламентировали и расписали, у нас висят многочисленные «Правила» — в автобусе, в поезде, в дневнике у ребенка

напечатаны правила для учащихся. Но читайтесь внимательно в то, что там написано. «Пассажиры обязаны...», «учащиеся советской общеобразовательной школы обязаны...». А где хоть одно слово о правах? Практически ни в каком доме вы не встретите юридической литературы — ее невозможно купить.

Я упомянул школу. Тут как будто дело сдвинулось с мертвой точки, и предмет специальный ввели, и юристы иногда приезжают с лекциями. Но опять упор делается на обязанности. Разъясняем, например, ребятам, с какого возраста и за какие деяния следует уголовная ответственность, какова эта ответственность и так далее. Конечно, и это важно, но согласитесь, что все же основная часть молодежи не преступники. А в правовые отношения на протяжении жизни вступает практически каждый. Но выступает с завязанными глазами.

— Вы считаете, что с детства нужно каждому дать серьезное юридическое образование?

— Вот вы улыбаетесь, а в идеале это было бы весьма неплохо. Однако есть вещи элементарные, которые можно исправить прямо сейчас. Неужели так трудно отпечатать достаточное количество сборников законодательных актов о труде с комментариями и юридических справочников для граждан и руководящих работников?

Конечно же, образование само по себе ничего не определяет. Воспитывает прежде всего правовой дух общества, ежедневная практика на протяжении всей жизни. Принцип правового государства, что каждый отдельный человек в правовом отношении равен собственному государству, должен войти в быт, в норму как само собой разумеющееся, а у нас он даже пока еще не особо и декларируется. В том, что человек с просьбой о проверке законности финансового начета обращается в редакцию журнала, а с просьбой разбора дела о сливном желобе — в прокуратуру, в этом есть еще и невольное признание как бы своей второсортности по отношению к высшей государственной инстанции, с которой самостоятельно ему без сильного покровителя разобраться невозможно. Думаем, наше общество еще мало сделало для того, чтобы лишить рядового своего гражданина этого комплекса второсортности.

Моя личная позиция такова: любой человек, облеченный властью, какова бы эта власть ни была, от районного прокурора до генерального, от прокуратуры до редакции, — никто не имеет моральных оснований отмахнуться от «житейских мелочей» конкретных людей под предлогом, что они обращаются не по надлежащему адресу. Уж, во всяком случае, должны помочь этот надлежащий адрес найти.

Очень важно четко сформулировать конкретный круг проблем, которые компетентна решать та или иная местная организация. А внутри каждой организации — обязанности ее работников по отношению к населению. И сведения эти необходимо широко публиковать, может быть, вывести всюду вместо многочисленных «правил», чтобы каждый точно знал: такой-то

секретарь райкома партии занимается тем-то, а такой-то заместитель председателя РАПО — тем-то, вот с таким-то вопросом надо идти только к председателю райисполкома, а в такой-то ситуации действительно, кроме прокурора, никто не может разобраться. И все с точными указаниями фамилий, адресов и часов приема. Это, кстати, очень полезно еще и потому, что гласно и наглядно может выявиться пересечение сфер влияния и присвоение чужих функций. Но, чтобы эти действия не остались формальными, видимо, следует одновременно усилить и ответственность тех, кто волен принимать решения. В частности, сразу после принятия закона о порядке обжалования действий должностных лиц в суде стали раздаваться голоса, что он мертворожденный, так как по нему нельзя обжаловать коллегияльные решения, самые по форме сейчас распространенные. Я, кстати, не совсем с этим согласен, даже в таком виде он уже начал

работать; например, в нашем районе несколько человек с его помощью добились своих прав по вопросу о прописке. Но это говорит, конечно, не о том, что данный конкретный закон совершенен, а что направление выбрано правильно и именно в этом направлении законодательство тоже надо совершенствовать. Ну, и наконец, требуется начать уже сегодня скорейшую перестройку самих юридических служб, не должны остаться пустыми разговоры о судебной реформе, об изменении роли и престижа суда и всем прочем, с этим связанным. Но тут тема отдельного серьезного разговора, в котором, думаю, следует участвовать не только прокурору.

— Что же, вы правы. Мы постараемся такой разговор продолжить на страницах «Крестьянки». Будем вместе разбирать конкретные житейские ситуации, советовать людям, как поступить в том или ином случае. Словом, будем учиться.

Александр ВАСИЛЬЕВ

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

ЗАЩИЩЕНЫ ЗАКОНОМ

С этого года вступил в силу Закон СССР «О порядке обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан». Однако, как свидетельствует почта «Крестьянки», применение закона на практике порождает немало вопросов. Некоторые из писем комментирует заместитель начальника Управления общих судов Министерства юстиции СССР Анатолий Титович МУХУНОВ.

«Более двух месяцев назад меня незаконно уволили с работы. Профком не стал вступать в конфликт с директором предприятия, и я обратилась в суд. Но судья не принял мою жалобу. Два дня спустя я попала в больницу, где пробыла 34 дня. Как мне теперь быть: ведь говорят, что я пропустила срок, в течение которого могла искать защиту у закона? В. А. КОНЕВА, Ленинградская область».

Из письма следует, что В. А. Конева, минуя порядок рассмотрения подобных споров, сразу обратилась в суд. А ей сначала необходимо было подать жалобу на незаконные, по ее мнению, действия руководителя предприятия тому должностному лицу, которому он подчиняется. Или, поскольку профком отказал ей в удовлетворении жалобы, в отраслевой райком своего профсоюза. Лишь в случае отказа она вправе в течение месяца обратиться в суд. Если месячный срок пропущен по уважительной причине (а у В. А. Коневой она уважительная), суд может его продлить. Ну, а если все-таки откажет принять жалобу — можно в течение десяти дней обратиться в вышестоящий суд.

«Мы с сыном, инвалидом, живем в собственном домике. У нас две комнаты — 7 и 10 метров. Райисполком предложил нам однокомнатную квартиру — 20 квадратных метров в новом доме. Я пыталась объяснить, что это ухудшает наши жилищные условия, ведь сыну нужна отдельная комната. Но нам упорно твердят, что мои претензии необоснованны, так как в новой квартире площадь на 3 метра больше. Устав от споров, пошла в суд. Но представитель райисполкома уже дважды не являлся по вызову судьи. И кто знает, явится ли вообще когда-нибудь. Сколько времени все это может продолжаться? Г. В. САДЫКОВА, Хабаровский край».

Законом установлен десятидневный срок рассмотрения жалоб, и неявка одной из сторон по неуважительной причине не может быть препятствием. Суд должен был принять меры для того, чтобы ваш вопрос был решен вовремя. Если это не сделано — вы имеете право обжаловать действие (в данном случае — бездействие) своего судьи в вышестоящих инстанциях. Сказать что-то определенное по сути вашей жалобы можно только после всестороннего выяснения всех деталей — это и будет сделано на судебном заседании.

«Нашей семье был отведен земельный участок для строительства жилого дома. Мы построили его точно по утвержденному проекту. Но председатель поссовета отказывается зарегистрировать строение. В конце концов вынужден был обратиться в суд, который вынес решение — «зарегистрировать». Но председатель по-прежнему «упрямится» — не может простить мне критику в свой адрес. Неужели решение суда можно игнорировать? К. Р. ГОРИН, Смоленская область».

Если при рассмотрении жалобы судом выявляются факты зажима критики, преследования за нее, волокиты с исполнением и другие нарушения, выносятся частное определение. В данном случае оно должно быть направлено в адрес райисполкома. О мерах, принятых по решению суда и частному определению, суду сообщается в месячный срок. В случае неисполнения решения суд вправе принять меры, предусмотренные действующим законодательством.

Собралась в Буйничах ЗОЛОТАЯ МОЛОДЕЖЬ

Конкурс — это праздник с разноцветием флагов, музыкой, цветами, улыбками. Но это еще и замечательная школа, возможность перенять новое, удивиться достижениям коллег и удивить их своими собственными.

Таким праздником и такой школой стал второй Международный конкурс профессионального мастерства учащихся сельских профтехучилищ стран — членов СЭВ.

Ребята как ребята. Знакомились, записывали адреса, назначали свидания, танцевали ночи напролет вместо того, чтобы отдыхать перед соревнованиями. Им было очень интересно друг с другом. А как там у вас в Гаване? А у вас в Праге? Но когда они начинали работать, было ясно, что это люди серьезные, ответственные, готовые к настоящему взрослому делу.

Когда паренек из Литвы Викторас Рагайшис на высокой скорости повел свой трактор, демонстрируя «латышский свал», зрители зааплодировали, а участники схватились за головы — нет, мы так не умеем.

А как волновалась молдаванка Елена Дырзу, когда перед началом соревнований выяснилось, что соревноваться ей не с кем. И как была рада приезду команды из Монголии, где

Вот она, команда-победительница. На «отлично» сдан первый трудовой экзамен, уверенно проведена первая борозда.

тоже оказалась девочка, как и она, работающая на гусеничном тракторе. Соревновались двое, но победа Лены была очень непростой.

Проходил этот конкурс в Белоруссии, в Могилевской области, на базе Буйничского училища, которое когда-то было одним из лучших училищ области,

потом захирело и вот с приходом нового директора Георгия Николаевича Малиновского вновь стало подниматься на ноги. За день до соревнования директор провел меня по всей территории училища, рассказывая и показывая: вон видите клумбы — на их месте свалка была! А там будет каток с искусствен-

ным льдом. А вот это наша гордость — ангары. В одном зимой разместится техника, в другом будет футбольное поле. Посмотрите, как мы отремонтировали общежитие. Вот это атлетический зал. А это дискобар со стойкой и цветомузыкой. Все сделано своими руками.

И далее Георгий Николаевич изложил свою программу. Честно говоря, для меня неожиданную: «Я хочу воспитывать своих учеников красотой. Так воспитывать, чтобы они, работая в хозяйствах, такую же красоту творили — красоту отношений, красоту окружающего их пространства, красоту труда». Георгий Николаевич мечтает так построить учебный процесс, чтобы слова «выпускник Буйничского училища» звучали как гарантия того, что человек умеет отлично работать. К сожалению, сейчас на учебный процесс у мастера остается мало времени. «Хочу добиться, — продолжал Георгий Николаевич, — чтобы мастера занимались своим главным делом — учили детей. А сейчас так получается: мастер еле-еле успевает поработать лишь с пятью-шестью ребятами из группы, самыми умелыми, самыми способными, остальные стоят в стороне. А дипломы-то получают все. Вот и приходят ребята в хозяйство с бумагой, но не умея работать».

Сам Георгий Николаевич работал раньше в обкоме партии и вот попросился «поднимать училище».

Такие люди сегодня и нужны — энергичные, деловые и очень ответственные. Ответственные перед детьми, которых учат, перед землей, которую потом те будут обрабатывать, а значит, и перед будущим...

А конкурс между тем подходил к концу. Нараста-

ло напряжение. Наставник чемпиона Союза Леонида Мошары Чеслав Павлович Кареник прямо-таки уговаривал столпившихся у ограды зрителей: «Ну, отойдите, пожалуйста! Вы ведь мешаєте мальчику...»

До поздней ночи жюри подсчитывало баллы. А ребята, словно и не было утомительных дней соревнования, самозабвенно отплясывали в новом дискобаре.

Утром объявили результаты. В личном первенстве золотые медали завоевали члены команды Советского Союза Оксана Кабан, Елена Дырзу и Геннадий Голуб. Золотая медаль и у Мартина Тымовчака из Чехословакии. В командном первенстве победила команда СССР.

Елена ДЕШКОВА

1

2

1. Вот делянка, которая будет признана чемпионской. Но Мартин Тымовчак об этом пока не знает.

2. «Вы пашите, мы вас подождем!»

3. Имя Давадорт Пурэвсурэн, девушки из Монголии, означает «Каменный цветок». Ей помогает сверстник с Кубы.

4. Вызов Елены Дырзу приняла только Давадорт.

3

5.
«Латышский свал»? Зарубежные пахари озадаченно изучают новинку.

6.
Будущему механизатору Оксане Кабан есть чем убедить скептиков: золотой медалью чемпионки.

Фото П. НОВИКОВА.

4

6

5

„ЛИМИТЧИКИ“

Евгения ГОЛОВНЯ

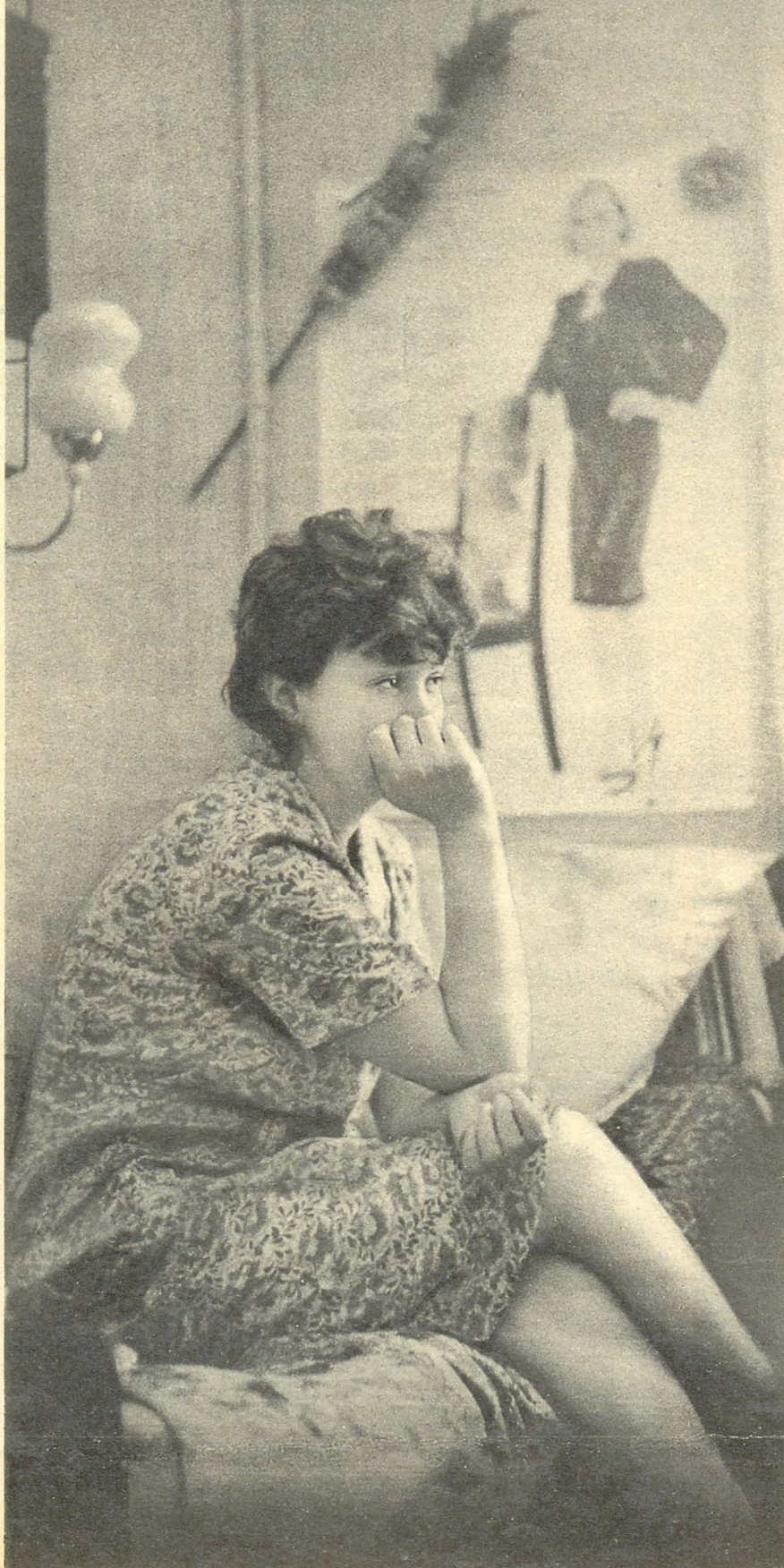
ЗАМЕТКИ
КИНОРЕЖИССЕРА

Ничего не стоит человеку оторваться от родных мест навсегда, потому что «там плохо», и кинуться в поисках счастья в большие города, потому что «там хорошо». Но хорошо ли? О приобретениях или о потерях надо вести речь? Чем оборачивается «лимит» для души, для судьбы? Эти мысли не давали покоя после каждой встречи с героями нашего документального фильма.

Москва. Общежитие комбината «Красная Роза». Узкое, темное парадное забито детскими колясками. Между вторым и третьим этажом раздвижные железные решетки перекрывают лестничный пролет, через стеклянное окошечко выглядывает строгий глаз дежурной. Вроде время еще не контрольное и вид наш не должен вызывать подозрений, но дежурная грозно вопрошает: «К кому?»

— В гости! — И проскальзываем в длинный и тесный, плохо освещенный коридор. Навстречу идут девушки, кто с чайником, кто с кастрюлей, поглядыва-

Прописка? Временная. Жилье? Угол.
Видимость домашнего уюта...
И как же одиноко!

вают на нас недоверчиво.

— Вы с комиссией?

— Нет, а что?

— А так... Ходят через день комиссии, а жить все равно нельзя...

— Почему?

— Что, не знаете?

Вон у Маши спросите, — показывают на полную высокую молодую женщину. Она идет по коридору навстречу нам. На одной руке сидит малыш, уцепившись за мамину шею, в другой руке чайник, сзади семенит двухлетний мальчишка...

Маша Гуренкова приехала из Белоруссии. Ей 22 года. У нее двое детей — одному два года, другому восемь месяцев. Работает в априурном цехе, который считается одним из самых тяжелых на комбинате. В общежитии живет пятый год.

Мы вошли вслед за Машей в дверь и сразу наткнулись на... шкаф.

— Сюда, — позвала Маша, — ко мне налево от шкафа, а за шкафом другая семья.

В комнате тесно, вернее в той половине, что принадлежит Маше. Две детские кроватки стоят в ряд, обеденный стол, столик с кухонной утварью, диван, на котором спят Маша с Андреем. Из угла в угол протянута веревка, на ней развешаны пеленки, колготки, распашонки...

Маша держится настороженно.

— Живем? Ничего.

В моей половине хоть окно есть, а у тех, — кивает в сторону шкафа, — темный угол. У них ведь тоже ребенок... — Маша помолчала. — Ой, как у нас «весело», когда все дома. В выходной выспаться охота, а они с пяти утра в три горла орут.

Спрашиваем, какие перспективы на жилье.

— В общем-то ника-

Только что вы познакомились с житейскими историями, которые вызывают сострадание. Очень круто свернули девчонки с привычного пути, который вел бы их по жизни в родных краях и наполнен был бы чем-то большим, чем непрерывная борьба за место под солнцем, за прописку. Надежда счастливо прожить чужой, казавшийся очень красивым вариант жизни не оправдалась. Но, похоже, эти молодые женщины не собираются возвращаться к своему собственному варианту, считая его безвозвратно утраченным. Однако «Крестьянка» знает и другие истории. К нам в приемную идут и идут люди, готовые немедленно отправиться в глубинку по сельским адресам «Службы надежды».

ВОЗВРАЩЕНИЕ

— ЗДРАВСТВУЙТЕ. КУДА БЫ ВЫ ХОТЕЛИ ПОЕХАТЬ?

Владимир Забелло затрудняется с ответом. Он водит в Киеве автобус. Вырос в деревне, приехал в город за счастьем. Женат, двое маленьких детей.

Живут в коммуналке. Тесно, конечно. И никаких перспектив. Все вроде не так уж плохо, всего добились, но сил больше нет. Водить автобус можно везде, а жить хочется в собственном доме. Делать все своими руками. Годы уходят, а что он видел? Тяжелая работа на

маршруте. Потом отоспался — и целый день на какую-то ерунду уходит. Вот и хочется уехать. Куда? Да куда угодно, лишь бы скорее.

— А не жаль с таким трудом завоеванной городской прописки, налаженного быта?

ких. Общежитие женское, что семейным поделили, то без претензий. Хорошо еще, что вместе жить разрешают. Возле вахтера раньше табличка висела: «Мужьям вход до десяти вечера». — Она замолкает, обреченно машет рукой. — Ходила, просила, пороги обивала, а мне говорят: «Ты из пяти лет четыре года детей рожашь. Ты работать сюда едешь, а не рожать...» — Младший сын, безмятежно агукая, вдруг замолкает, увидев мамыны слезы.

— Маша, ты хочешь уехать обратно в Белоруссию?

— Нет, — Маша вытирает глаза и упрямо крутит головой, — нет, скоро «постоянку» дадут. Сколько уж мучились из-за нее.

— Значит, получишь постоянную прописку, а потом квартиру?

— Квартиру? — Маша удивлена. — Комнату бы дали, «лимитчикам» ведь только за выездом дают, из нежилого фонда. И то очередь...

— А в Белоруссии, видно, условия были еще хуже?

На лице у Маши искреннее недоумение.

— Что вы! У нас там так хорошо! Зелени полно. А леса какие... И фруктов тьма... — Она мечтательно перечисляет все то, что так хорошо в белорусской деревне.

— Маша, скажи, ты бы хотела, чтобы твои дети вернулись в Белоруссию?

— А они и вернуться. Они и будут жить в Белоруссии. — Будто кто-то оспаривает у ее детей это право, она еще раз для убедительности повторяет: — А они и будут...

— Так зачем же ты здесь так мучаешься?

Маша теряется, пожимает плечами и почти шепотом говорит:

— Не знаю. Все-таки Москва...

Когда мы выходим от Маши, нас останавливает девушка, потом подходит другая, потом еще одна молодая женщина с ребенком. Народу собирается довольно много, и мы решаем пойти поговорить на кухню. Те, кто забегает с чайником или с кастрюлькой, так и остаются, включаясь в общий разговор...

Много было выплеснуто боли, много обид — жаловались на плохое жилье, на тесноту, на батареи, которые не греют, на щели в окнах и на осыпающуюся штукатурку, на то, что один душ на пятьсот человек, на невнимание врачей, на тяжелую трехсменную работу... С нескрываемой горечью признавались, что ожидание желанной «постоянки» — это полбеда. Беда потом. Жилья мало, очереди огромные. Вот так и живут девушки по десять — двенадцать лет в общежитии. Хорошо еще, что «ветеранов» по двое в комнату поселяют, а не по пять-шесть человек, как молодежь новоприбывшую.

— Знаете, многое можно было бы перетерпеть, если б к нам относились по-людски, — из-за спин соседок шагнула вперед бойкая девчонка, лет восемнадцати, — а мы ведь для всех лимиты! — Круглое лицо с курносом носом, на волосах «мокрая химия», густо подкрашенные глаза горят бойцовским блеском. — Ли-

мита-то работает, а москвичи что-то сюда не больно идут! Ненавижу этих интеллигентных старушек, которые чуть что: «Вот лимитчики понаехали! Вот лимитчики виноваты!» — Голос ее дрожит, срывается почти до слез. — А чем лимитчики хуже москвичей?

В этот момент появилась Лена.

Лена Шенаева приехала в Москву из Рязанской области. Ей 27 лет. На «Красной Розе» проработала 11. В общежитии жила по-разному — сначала несколько человек в комнате, потом вдвоем. Сейчас одна. «Постоянка» у нее уже 6 лет. Столько же ждет очереди на отдельное жилье.

Держится Лена очень свободно и так же свободно высказывает свои соображения:

— Вот так в ожиданиях и проходит моло-

дость — то работу ищешь, то жилье ждешь, то ждешь, когда любовь придет... Сейчас мне кажется, что я ничего не жду. А ведь каждая девчонка едет в Москву и думает: уж в Москве-то я себе жениха найду! Да не тут-то было. Видели, сколько у нас одиноких...

— Лена, ты бы вернулась домой?

— Нет. Столько лет прошло, куда я теперь? Я теперь в деревне чужая. — Она помолчала и добавила неожиданно: — А лимитчиков я и сама не люблю.

— За что? — удивляюсь я.

— Да за все! За то, что едут не глядя — ах, Москва! Ах, красивая жизнь! Сейчас все завоюю, всех покорию! А потом только и остаются от столичной жизни добытые тряпки, колбаса и озлобленность. Дома-то настоящего нет — так, временный.

Через несколько домов от общежития «Красной Розы» стоит осевшее от времени двухэтажное здание. Это общежитие пивоваренного завода.

Владимир нервничает. Так и кажется, сейчас вспылит, скажет что-то резкое. Но говорит он следующее:

— Я эту прописку и этот быт поменьше не глядя на десять соток пустой, неплодородной земли. Я ее подниму, сад посажу и дом построю, которым дети мои будут потом гордиться. Неужели это так трудно понять?

Да нет. Понять можно. А сам-то что же так поздно понял? Впрочем, это вопрос бестактный, он так и остался незадачным. Да и ответ в общем-то ясен — учатся, к сожалению, лишь на собственных ошибках...

— ЗДРАВСТВУЙТЕ. А ВЫ КУДА?

— В Нечерноземье.

— Если не секрет, почему именно туда?

— Там сейчас много строят.

— У вас плохие жилищные условия?

— На семью из четырех человек двухкомнатная квартира. Малогабаритная. По метрам — сколько положено. А по жизни — сплошная маета. Невесты вон подрастают...

Две тихие девочки-близняшки лет

двенадцати весело переглядываются. Для них предстоящее приключение с переездом очень привлекательно.

А ведь это семья москвичей. Мать Валентины Макеевой в свое время приехала в Москву из владимирской деревни с чемоданчиком, без городской специальности. Тяжелым трудом нажила достаток, благоустроенное жилье — в общем, все, о чем мечтается каждой неприкаянной «лимитчице». Семейного счастья не получилось, зато дочери Валентине дала высшее образование, и та начала свою жизнь «полноценной» москвичкой.

И вот Валентина в приемной «Крестьянки». Она экономист. Зарплата — сто восемьдесят. Примерно столько же у мужа.

— Нам, знаете, очень нелегко материально. Девчонок надо одевать. Продукты недешевы. Как представлю, что им в этой «малогабаритке» с семьями ютиться — очередь-то когда подойдет! Подумаю, что будут они эти бесконечные расчеты вести: как бы купить одежду, не урезая расходов на питание, — неуютно становится. И высшее образование, увы, не гарантирует их ни от жи-

листных, ни от материальных трудностей. Я в командировках вижу, что на селе все иначе. Не сказать, чтоб легче, но многое зависит от самого себя. А мы все же не без рук. Нет, надо выбирать, пока не поздно. Едем буквально на днях...

Матери Валентины уже нет в живых. Наверное, вкладывая душу в будущее дочери, она и помыслить не могла, что для той надежда на счастье будет связана с деревней...

— И ВЫ ХОТЕЛИ БЫ В ДЕРЕВНЮ?

Миловидная молодая женщина с печальными глазами готова ехать в любое место, где будет детсад для сынишки и какая угодна, пусть самая неблагоустроенная квартира.

Тяжелая ее история, увы, не исключение. Какое письмо ни вытяти из многотысячной почты «Службы надежда» — начинается оно чаще всего так: «Семья не сложилась, остались вдвоем с ребенком. Много лет скитаемся по чужим углам, дома своего нет и надежд на него тоже нет...»

Светлана Елисеева ехала в Ленинград

В комнате, несмотря на два окна, довольно сумеречно. В отгороженном слева уголке сушится кое-какое белье. В глубине стоит стол, накрытый цветной клеенкой, вазочка с цветами, над кроватями висят нехитрые коврики, книжные полочки. Девушки стоят у своих кроватей в каких-то напряженных, неприкаянных позах. Так, стоя, и начинаем разговор. Знакомимся. Оказывается, что трое девочек — новенькие, только что окончили ПТУ, по специальности аппаратчики процесса брожения. Всем троим по 18 лет. Слащева Лена и Головина Зина приехали из Тамбовской области. Спода Наташа из-под Чернигова. Четвертая не назвалась — она старожил. Разговор не клеится, девушки едва лепечут «да» и «нет».

— Вот видите, жаловаться не на что. — Комendantша уводит нас из комнаты, от потертых, молчаливо стоящих у своих кроватей девочек...

Конечно, когда хочешь исследовать проблему или хотя бы на-

рисовать объективную картину — знакомишься отнюдь не с двумя-тремя общежитиями и предприятиями. В общей сложности мы «отсмотрели» более 20 объектов.

Не было двух абсолютно похожих лиц, не было двух абсолютно схожих судеб. Но с каждым новым знакомством росла уверенность в том, что напряженное выражение озабоченности на лицах, ожесточенность, стремительная готовность нападать, защищаться рождены какой-то общей неустроенностью, временностью существования, одиночеством и, наконец, либо интуитивной, либо осознанной принадлежностью к какому-то обособленному сообществу людей, именуемых «лимитчики». Было бы несправедливо говорить о том, что во всех общежитиях такие условия, как в тех, о которых рассказано выше. Например, целые кварталы новых многоэтажных домов в Марьино отданы под общежития лимитных предприятий. Общежития квартирному

типа — есть все удобства, электроплиты, горячая вода. Но и здесь я ни от кого не слышала «довольна», «счастлива». То же отсутствие перспектив, то же ощущение бездомности, та же жесткая, даже жестокая связь с предприятием: пока работаешь — живи, поменял работу, ушел, даже если получил «постоянку», — начинай все сначала...

Как заманчиво все бросить — полупустую деревню с плохими дорогами, маленький поселок, в котором некуда пойти и нечем заняться, пыльный городок, где не купишь и половины того, что есть в Москве, и сроду не увидишь «живого» Леонтьева. Как хочется перевернуть страницу и погрузиться в новую, грохочущую, яркую, насыщенную московскую жизнь, которая и есть настоящая. А та, прежняя, оставшаяся за плечами, настолько сера и однообразна, что можно порвать с ней без сожаления и уйти, не оглянувшись.

Разве кого от этого удержишь, объяснишь, что это погоня за

призраком, за миражем? Что у жителя большого города не меньше проблем, только они другого свойства, и что дороги после трудового дня так длинны и тяжелы, когда едешь с Аминьевского шоссе в конец Ленинградского в битком набитом усталыми и раздраженными людьми транспорте, и что после работы не избежать стояния в очередях. Не услышат, не поверят... Ведь в глубине души каждый уверен в своей исключительности: в исключительности обстоятельств, толкнувших его на этот шаг, и в своей счастливой звезде.

Несколько лет назад на Кировщине наша киногруппа снимала открытие дома престарелых в поселке Юбилейный. Из разбросанных по округе маленьких полупустых деревень уговаривали переселиться в этот дом одиноких стариков. Ох, с каким трудом отрывались старушки от родных мест! А деревенька-то всего в пяти-шести километрах от центральной усадьбы, но зато своя, «и леса там

получше, и грибов побольше, и вообще, где родимши, там и пригодиши». Помню, как Александр Дмитриевич Червяков, председатель колхоза, сказал: «Вот ведь какая боль, какая привязанность к своей земле. А молодежь, чуть что не так, — в город. А кто же в собственном доме порядком наводит будет?... Уезжают-то в одиночку, а теряем вместе».

— Ты часто свою прошлую жизнь вспоминаешь? — спрашиваю девушку, десять лет назад приехавшую из уральской деревни.

— Изредка. Все уже так далеко, как в дымке те годы. Родители пишут — живы, здоровы. А ехать туда... Когда? В отпуск на юг хочется. Да и зачем ехать? Мне теперь кажется, что я и деревенской никогда не была.

Но не все, далеко не

из калужской деревни в надежде на счастье. Самое простое — дом, семья, достаток. Но не получилось. Двенадцать лет — как дурной сон. Трудная работа в заводском цехе, забота о том, как снять квартиру, отказывая себе в необходимом...

— Да чего же ради?!

Конечно, была молода и глупа. Но теперь-то... Обрато ехать некуда, родная деревня давно развалилась, нет ее. В Ленинграде уже рассчиталась, деньги на билет есть, сын — вот он, готов в дорогу.

Себе не веря, роется она в многочисленных адресах, присланных нам руководителями хозяйств, выписывает, топится...

Конечно, «Надежда» не может гарантировать всем долгожданное счастье. Но так хочется помочь тому, кто потерял свой собственный вариант жизни, вновь обрести его!

— До свидания, Светлана. Желаем удачи.

Репортаж из приемной «Крестьянки» вела Ольга ПОПОВА.

Снимки на наш фотоконкурс прислали Н. СОФРОНОВА, Е. СЕРГЕЕВ, Г. БЕРШ.

все так легко отрешаются от прошлого. И томит оно, не дает покоя, вспыхивает в памяти в самый неожиданный момент, наполняя сердце болью.

Встреч и разговоров много было. Проходили перед нашей кинокамерой разные люди, с разными судьбами и разными характерами. Можно было бы рассказать о тех, для кого «лимит» стал прикрытием для развлечения, стоит лишь после двух часов ночи заглянуть в любое отделение милиции. Или о тех, кого называют «бомжами», среди них тоже немало бывших лимитчиц с изломанными судьбами — в Москве не сложилось, возвращаться не хотелось, так и остались в районе трех вокзалов. И о «брачных авантюристах», стремящихся получить прописку в Москве... Но в основном стоит говорить о тех, кто приехал работать. Этим людей много, и положение у них непростое.

Сегодня мы боремся за социальную справедливость. Но главный признак справедливости — это отсутствие социального дискомфорта, отсутствие желания искать лазейки в «лучшую» жизнь и, наконец, самосознание, которое подсказывает человеку, что многое в жизни зависит и от него самого.

В том числе и изменение жизни в нечерноземной деревне, в уральской, белорусской, черниговской. Любой из тех, где девушки сегодня в нетерпении собирают чемоданы, готовые без сожаления сказать ей «прощай»!

Но, может быть, не стоит спешить?

«СЛУЖБА НАДЕЖДЫ»

«Приглашаем доярок, телятниц, трактористов, шоферов. Новоселам будут предоставлены льготы.

Адрес: 215665, Смоленская область, Холм-Жирковский район, совхоз «Нахимовский».

«Нуждаемся в животноводах, полеводах, медработниках, учителях, воспитателях детских садов, продавцах, поварах, бухгалтерях, агрономах, зоотехниках, культработниках, строителях. Все желающие получают ссуду на приобретение скота. Особо приглашаем тех, кто готов взять семейные и арендные подряды.

Адрес: 175200, Новгородская область, г. Старая Русса, ул. Советская Набережная, д. 1, РАПО, отдел кадров».

«Ощущаем острую нехватку механизаторов, животноводов, шоферов, строителей, культработников. Всем желающим будет предоставлена возможность работать на семейном и арендном подряде.

Адрес: 152730, Ярославская область, Некоузский район, колхозы «Луч коммунизма» и «Золотые нивы», совхоз «Масловский».

«СЛУЖБА НАДЕЖДЫ» НАПОМИНАЕТ БУДУЩИМ НОВОСЕЛАМ, ЧТО СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР ПРИНЯЛ ПОСТАНОВЛЕНИЕ «О ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ЛЬГОТАХ ПО ПЕРЕСЕЛЕНИЮ И МЕРАХ ПО ДАЛЬНЕЙШЕМУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ПРАКТИКИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗЫВА МОЛОДЕЖИ В СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО».

ПОЖАЛЕЙТЕ ГАРМОНИСТА, ИЛИ «МЕТАЛЛ» НА СЕЛЬСКОЙ УЛИЦЕ

(Окончание. Начало на стр. 8)

видим на самодеятельной сцене, где поют пожилые женщины. Бережно хранить уцелевшие традиции — святое дело. Но «воздух» современного села пронизан звуками «Землян» и «Модерн токинг», взволнованным разговором о том, что такое личность, в передачах «Взгляд» и «Двенадцатый этаж».

Экран телевидения приблизил жизнь к окнам сельского дома: чего только не происходит на свете! А у нас? Ребята не хотят быть только слушателями, только зрителями. Сами не знают, чего хотят?

Вот и в селе Владимировка их упрекали в этом старшие:

— Подвальчик для дискотеки — все ваши культурные запросы?

И советы добрые давали:

— В субботу книжку почитайте, в воскресенье в баньку сходите, матери по хозяйству помогите!

Завуч школы Любовь Ивановна Гребенникова пророчила девочкам, что скоро у них вообще не будет свободного времени.

— Замуж выйдете, детей нарожаете — какие тут дискотеки... А мальчикам — не успеешь оглянуться, в армию, а там женитьба, семья.

Доводы жизненные, разумные, но ребят они не трогают.

Дело в том, что девочки еще не походили замуж и мальчики из армии не вернулись — по семнадцать им, всего по семнадцать! А юность нуждается в празднике, как никакой другой возраст. И если тускло она прожитая, с завистью, с оглядкой — это плохо.

Настроение — понятие нематериальное, но ведь заставляет в семнадцать лет сорваться с места и уехать из родного дома.

В город едут за знаниями, за профессией, возражает мне, не за видеоклипами же, не за грохотом тяжелого «металла» в динамиках. Но кто досконально исследовал этот

вопрос? Может, как раз за этим и едут, в надежде на той же городской дискотеке подышать своим, «молодежным» воздухом, вовлечься в круг жизни неизвестной и заманчивой, «вписаться».

«ПОМАЮТСЯ, ДА ВЕРНУТСЯ!» Так возражали во Владимировке. Но вернутся не по зову сердца, скорее по нужде. Совхоз больше и должник, а жилье строит, о крыше над головой для молодой семьи заботится, заработки здесь неплохие, земля родит. Что же еще нужно для жизни? Попробуем ответить.

Интерес. Среда обитания. Та вполне ощутимая культурная среда, что соответствует духу и дыханию времени, в которой молодой человек вместо вопроса, чем себя занять, задается более важным — каким ему быть.

Директор совхоза А. А. Васильев клялся, что озолотил бы хорошего работника культуры, да где его взять? Попытки вырастить свои кадры кончаются ничем, а в глушь хорошего специалиста не заманишь. И потом другие проблемы мучают: новую школу надо строить, детский сад, понижать себестоимость мяса. Что важнее — эфемерная среда или материальная база?

Попробую поспорить с директором его же доводами. Захотели в совхозе решить проблему с жильем — решили. Пришла в голову мысль давать новичку-трактористу больше 500 рублей «подъемных» — и дают. В школьной столовой ребят бесплатно кормят. А вот проблемы досуга молодежи просто не хотят решать всерьез. Это не вина, скорее давнее и прочное заблуждение многих руководителей. Настроения и недовольства ребят они считают просто блажью. К тому же и опасаются: ничего хорошего от городского влияния не жди.

— Нам город не указ! Не хватало еще, что-

бы наши дети цепи на шею повесили! — говорили мне во Владимировке.

Здесь уверены, что, найдись еще двое таких, как Кравцов, положение было бы спасено. Селу нужны Кравцовы, хранители культурной традиции, терпеливые учителя, жертвенные и преданные своему делу люди. Все верно. Но нужны и другие носители культуры — ориентированные на молодежь, чуткие к сегодняшним запросам и интересам. Понимаю, что найти таких людей непросто, но ведь достают расторопные руководители из-под земли хорошего экономиста, сторожат у дверей сельхозакадемии выпускников, находят во всем селе такую хозяйку, что варит борщи в детском саду не хуже домашних. Считают нужным!

И ВСЕ-ТАКИ СРАВНИМ С ГОРОДОМ. Какая она там, молодежная культура, к которой тянутся деревенские ребята?

Еще не так давно в Ставрополе кипели страсти. Тихий степной город был поделен на зоны, часто вспыхивали драки между «неформалами». Поколачивали друг друга все понемногу: «фурапеты» (от слова «фура» — «большая кепка»), защитники всего «нашего», «хипсы», старающиеся жить на заграничный лад, металлисты, брейкеры и даже невинные скейтбордисты. Издалека, из Туркменского района, например, все это могло казаться страшно заманчивым: хоть что-то происходит! Но в этих потасовках ничего увлекательного не было.

Легенда это или нет, но утверждают: драки в городе прекратил, в сущности, один человек — Вячеслав Солотских, заведующий сектором любительских объединений Дворца культуры профсоюзом. Организовал клуб «Ритм», в который пригласил всех желающих выяснять отношения, и клуб этот, просущев-

ствовав год, разрядил страсти. Сам он далек от мысли считать себя миротворцем и победителем. Его беспокоит, что при тяге к внешнему блеску у многих молодых утрачены идеалы, нет социальной позиции, глубоких интересов. Даже при повальной любви к року лишь немногие в клубе «Ритм» стали с энтузиазмом изучать его течения и стили. Словом, о полном благополучии говорить рано. Но вот в чем дело.

У городских ребят есть выбор. В то время как в клубе села Владимировка в четвертый раз за год шел фильм «Ягуар» и киномеханик Давлет Эюпов не ждал в гости больше пяти зрителей, в центре Ставрополя можно было купить билет на ночной экспериментальный сеанс, а в фойе кинотеатра еще и посмотреть выставку портретов Владимира Высоцкого. В то время как владимировских ребят уговаривали танцевать в проулках, их сверстники могли отплясывать на своих дискотеках в уютном полумраке кафе сколько душе угодно.

Не хочется танцевать — заходи в клуб «Диалог», который тоже ведет Вячеслав Солотских. Здесь учатся говорить, корректно спорить, формулировать свое мнение. Диалоги ведутся самые разные — о поэзии, о джазе, об искусстве Возрождения. Тот же Вячеслав ведет еще два необычных клуба. В «Гармонии» нет отбоя от новичков — там изучают китайскую гимнастику. Предвижу вопрос: а чем хуже обыкновенный волейбол? Ничем не хуже. Но ведь юность хочет неизведанного и яркого! Еще в одном клубе спорят, обсуждают острые публикации газет и журналов. Пытаются навести мосты между старшкклассниками и учителями, высказать взаимные претензии, обсудить гласно разные точки зрения.

Это уже среда, попав в которую молодой человек не задает себе вопрос, как бы развлечься, он учится мыслить, преодолевать собственное незнание и несовершенство.

А что, трудно это сде-

лать в деревне? Трудно. Но ведь осуществимо! Вот мнение компетентного работника культуры инструктора крайкома партии Александра Якушева:

— Нечестно упрекать самих ребят в отсутствии инициативы. Столько лет ее давили, а теперь удивляемся: где же она? В начале восьмидесятых в крае даже самодеятельные коллективы стали таить. Сейчас культура на селе потихоньку возрождается, появляются любительские объединения. Важно понять, что эта работа, как всякая другая, нуждается в специалистах. Почему во Владимировке попытки вырастить свои кадры ни к чему не приводят? Одна из причин в том, что эти ребята еще не готовы расти, они не получили той дозы культуры, которая необходима для начала, чтобы идти дальше, тянуться выше. Их призывают созидать, а они еще толком потребителями не побывали. Нужны молодые работники культуры, понимающие интересы сельских ребят, с высшим образованием, мыслящие современно. Но пока таких кадров очень мало...

Значит, пока они до села не дошли, нужно решать проблемы самостоятельно. Конечно, свалить все заботы на одного руководителя хозяйства не выход. Те же работники культуры из райцентра чаще бывают в городе, лучше информированы, у них больше возможностей для поиска нужных людей. Как сегодня они проявляют свою кровную заинтересованность в том, чтобы молодежь оставалась на селе? В Туркменском районе разводили руками: так ведь ставки у работников культуры низкие. Но хозяйство может им доплачивать, как, например, работникам детсадов. Как мы помним, директор совхоза «Владимировский» обещал хорошего специалиста озолотить. Может быть, читателю помогут в этом поиске? Сообщаем первый адрес: *Ставропольский край, Туркменский район, село Владимировка.* Срочно требуются работники культуры!

Татьяна ШОХИНА

ЧИТАЙТЕ В «ХОЗЯЮШКЕ»:

*швей, важем,
вышиваем*

В прошлый раз мы познакомили вас с некоторыми модными фасонами юбок. Возможно, кому-то они приглянулись, а кто-то даже сшил себе обнову. И, вероятно, столкнулся с задачей: какую блузку надеть к ней?

Ну что ж, снова придется взять в руки иголку с ниткой, ножницы да и, конечно же, кусок ткани, лучше шелка — натурального или искусственного.

Любую из трех блузок, что мы предлагаем вам сегодня, сшить не сложно.

Они выполнены на основе одной модели, ну, а вы их можете «оснастить» своими оригинальными идеями, всласть пофантазировать. Три условия делают эти блузки модными и неотразимыми именно сегодня: воротник — с удли-

Три условия неотразимости

И опять «варенки»

ЛЮБУЮ ИЗ ТРЕХ...

Лечим без лекарств

Назвался груздем — полезай в кастрюлю

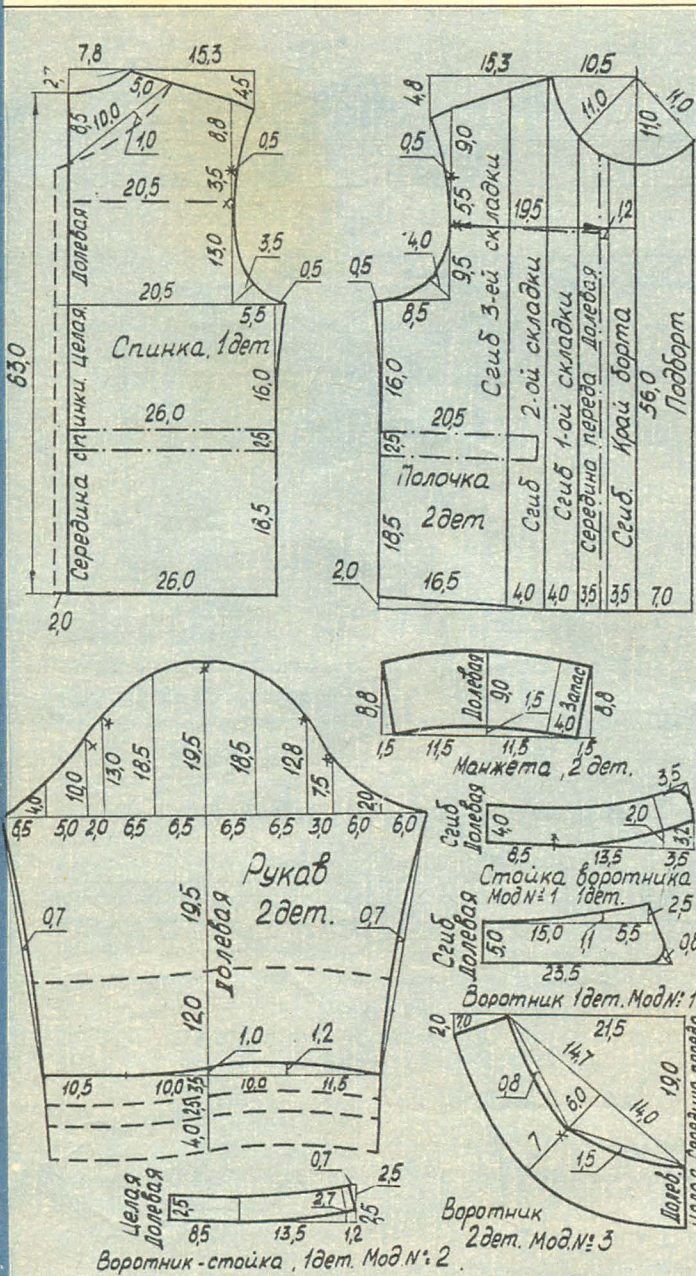
Рис. Н. БОГДАНОВОЙ.

швы, втачки, вышивки

ненными концами на отрезной стойке (маленькие воротнички уходят в прошлое); застежка — двубортная или по спине; и линия плеча — расширенная и чуть «разваленная». Быть такой ей помогает подплечник типа реглан. Размер блузок: 164 — 92 — 100.

Выкройка модели № 1 —

для самых молодых и стройных. На такую блузку потребуется 3 м ткани при ширине 90 см. На полочках простроено по 3 складки (шириной в готовом виде 0,7 см); застежка на два ряда пуговиц, а на рукавах манжеты. На чертеже детали этой блузки выделены сплошной жирной линией.

Начинаем кроить. Расположим все детали по долевой нити, чтобы не было перекоса в изделии. К длине полочки прибавим 3 см, а к ширине 7,5 см (по 1,5 см на каждую складочку плюс еще 3 см на усадку и осыпаемость ткани). Горловину и пройму пока не вырезайте, вырежьте просто прямоугольник. Нижний воротник, обтачку стойки и манжеты — по выкройке соответствующих деталей.

Теперь шьем. Застрочиваем складки на полочках и заутюживаем их в сторону проймы. После этого подрезаем полочки точно по выкройке.

Стачиваем швы: плечевые, боковые и рукавов (оставляя внизу разрез 7 см для застежки). Собираем окат и низ рукавов на сборку. Обтачанные манжеты пришиваем к рукавам с изнанки, настрачиваем на лицевую сторону и вшиваем рукава в проймы.

Сшитый и проутюженный воротник с обтачанными краями пришиваем от середины переда между стойкой и обтачкой стойки и настрачиваем с лицевой стороны вкрай.

Последний этап — обметывание намеченных петель на полочке и манжетах. После пришиваем пуговицы, крепим плечевые накладки-подплечники — блузка готова.

Модель № 2. Эта блузка более женственна за счет оборок по краю кокетки и воротника-стойки. Застежку украшает планка. По талии блузка собрана на резинку, продернутую в кулиску, пришитую с изнанки. Низ рукава также собран на резинку. Расход ткани — 3 м 20 см при ширине 90 см. На чертеже изменения к этой выкройке нанесены штрих-пунктиром. Выкроите планку, кокетки на спине и полочке, удлините рукав, наметьте место кулиски для резинки. Планка выкраивается по долевой, ее ширина 5 см (в готовом виде — 2,5 см), а длина — 56,5 см без припусков на швы. Оборка к стойке — поперечная, длиной 80 см и шириной 4 см. Оборка к кокетке так-

же поперечная — 2 м 20 см на 10 см. Если оборки кроить по косой линии, расход ткани увеличится на 30 см. Швы на оборке должны располагаться над плечевыми швами и по середине спинки.

Оборку вшиваем таким образом. Обрабатываем низ оборок зигзагообразной строчкой или двойным подрубочным швом. Собираем оборки в сборку: прокладываем по краям оборок двойную строчку и осторожно затягиваем нити. Приметывая кокетки к полочкам, верхней части оката рукава и к спинке, вкладываем между ними оборку и уж потом стачиваем шов. Обработанные планки притачиваются с изнанки швом 0,7 см, отгибаются налицо и настрачиваются с лицевой стороны вкрай. Вот и вся разница с первой моделью.

Модель № 3. Эта блузка будет хороша из ткани с классическим рисунком «горох» или с редкой набивкой. Воротник можно сделать контрастным в тон набивки. Застежка сзади. По низу рукава и чуть ниже линии локтя проложена резинка. Для этой блузки вам потребуется 2 м 30 см основной и 40 см отделочной ткани при ширине их 90 см. Все изменения для этой выкройки на чертеже показаны пунктиром. Углубите и расширьте вырез горловины спереди и сзади, прибавьте 2 см по середине спинки для застежки, удлините рукав и нанесите линию резинки.

При крое переда блузки середину переда положите к сгибу ткани, к спинке прибавьте 6 см на подборт. Можно его сделать и отрезным. Обтачку горловины сделайте по выкройке спинки и переда, нижний воротник — по выкройке воротника.

Обрабатываем так же, как и первую модель, помня следующие моменты: ширина подгиба низа рукава в готовом виде на 0,5 см больше ширины вдеваемой резинки. Длина ее — 16 см — в низ рукава, 24 см — в кулиску ниже линии локтя на рукаве.

С. ПЕТРОВА, конструктор.

ТЕПЛЫЙ БЛУЗОН И «СЕВЕРЯНКА»

Удлиненный блузон-джерсер, размер 46—48, потребует 600 г тонкой шерстяной пряжи №15, 6/2 (в два сложения) коричневого цвета и совсем немного ниток для отделки, темно-коричневого, светло-коричневого и песочного тонов — разумеется, это только один из вариантов, вы можете подобрать цвета любые. Вязка — чулочная, лицевая сторона — изнаночная гладь. Отделка — цветные бейки, связанные отдельно и пришитые по контуру рисунка. Низ блузона, манжеты и воротник «хомутик» связаны на спицах № 2,5 платочной вязкой.

Для начала свяжем контрольный образец, отпарим его и рассчитаем плотность вязания. Чтобы упростить расчеты, постарайтесь подобрать плотность, соответствующую нашей: 24 петли × 30 рядов = 10 × 10 см.

Вяжем ПЕРЕД. Работаем в поперечном направлении, то есть с бока. На иглы машины вспомогательной нитью наберите 156 петель, что соответствует длине переда 65 см. Провяжите 3—4 ряда и еще 4—5 рядов основной нитью. Далее пойдет частичное вязание, увеличенные ряды скоса по линии бока. При частичном вязании мы выдвигаем в ВПП или ставим в РП из ВПП каждый второй ряд какую-то группу игл. Один частичный ряд равен двум рядам.

Высота скоса — 11 см или 34 ряда (округляем до четного числа). Теперь определим, сколько частичных рядов надо провязать или на сколько частей нужно разделить все петли по

линии бока: $34 \text{ ряда} : 2 = 17$ частичных рядов или 17 частей.

Теперь узнаем, сколько петель в каждой части. Первая часть — 70 петель — ширина рукава по переду. Оставшиеся 86 петель делим на 16 частей, получаем 5 петель и 6 петель в остатке, или: 10 раз по 5 петель и 6 раз по 6 петель.

9 раз по 5 петель и 6 раз по 6 петель).

Скос выполнен. Теперь вяжем ровно 54 ряда до выреза горловины. Горловину вывязываем, закрывая петли с правой стороны

Продолжаем вязание, каретка справа. Первые 70 игл с правой стороны полотна оставляем в РП, остальные иглы выдвигаем в ВПП, провязываем первый ряд, обкручиваем нить первую от рабочих игл иглу ВПП, провязываем 2-й ряд. Ставим в РП следующие 5 игл, провязываем 2 ряда и так работаем в соответствии с проведенным расчетом (т. е. еще

полотна в каждом втором ряду в такой последовательности: 3 петли, 2 раза по 2 петли, 5 раз по одной петле: всего 12 петель. Далее вяжем ровно 16 рядов до середины переда.

Вторую половину переда делаем, как первую, но в обратной последовательности. Заканчиваем вязание вспомогательной нитью.

СПИНКУ вяжем так

же, как и перед, только не вывязываем горловину. Детали отпариваем, сшиваем плечевые швы.

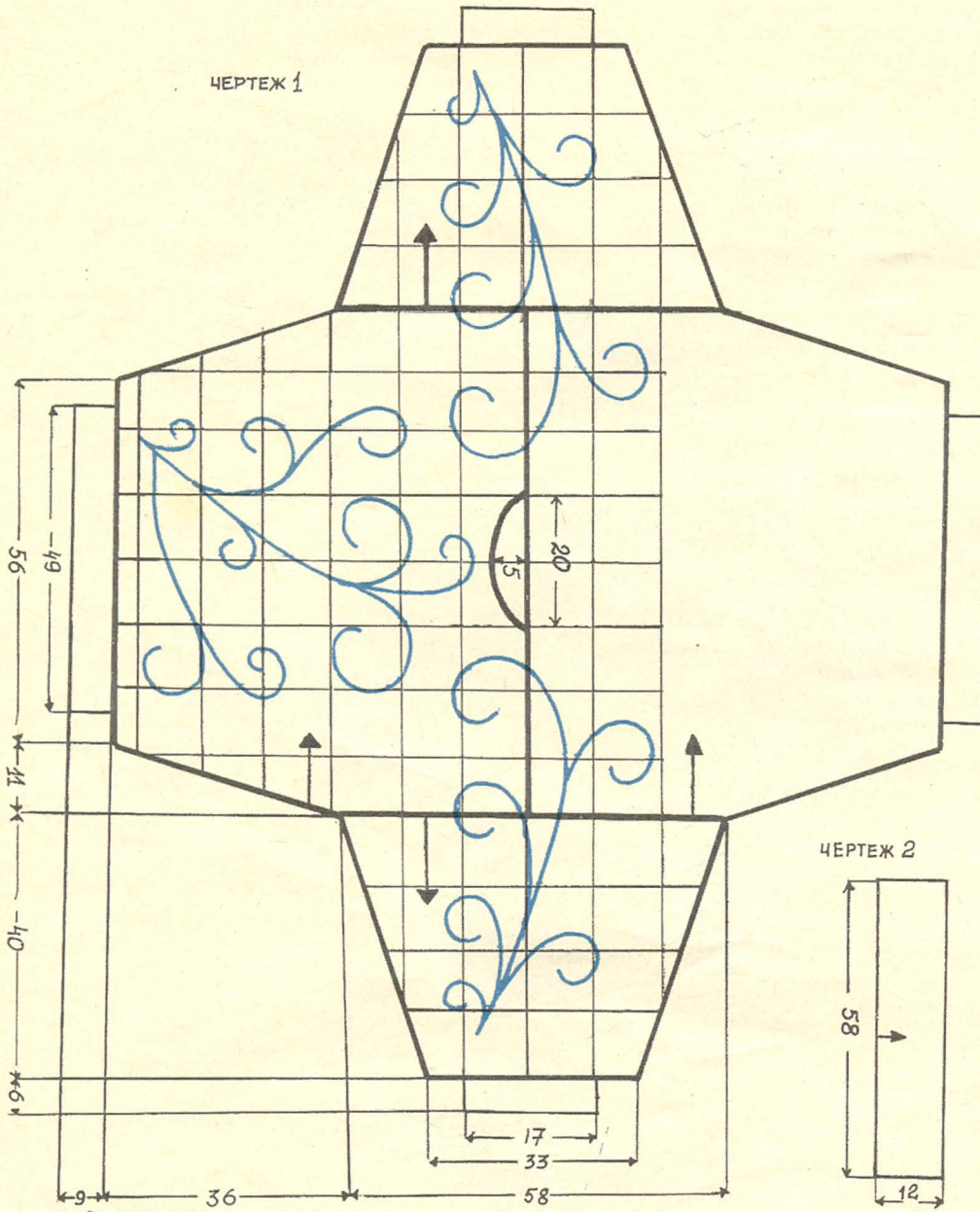
Для РУКАВА отплетаем с одной стороны изделия вспомогательную нить и 2 ряда, связанных основной нитью. Центральные 140 петель (ширина рукава) надеваем на спицу, остальные петли закрываем. На иглы машины навешиваем открытые петли со спицы и вяжем рукав, убавляя с обеих сторон полотна в каждом 4-м ряду по одной петле. Всего по длине рукава провязываем 120 рядов. Заканчиваем вспомогательной нитью, отпариваем, таким же образом вяжем второй рукав.

ОТДЕЛКА. На полотно мелом наносим рисунок: мы разделили чертёж 1 на квадраты, чтобы облегчить вам эту работу. Размер каждого квадрата 10 × 10 см.

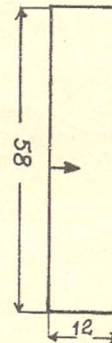
Выполняем отделочные бейки. Вспомогательной нитью набираем петли на все иглы машины, вяжем 4 ряда, затем 2 ряда темно-коричневыми, 1 ряд коричневыми, 1 ряд светло-коричневыми, 1 ряд песочными, 2 ряда темно-коричневыми нитками, затем 4 ряда вспомогательной нитью; сразу же вяжем другую бейку — всего их понадобится 10 штук шириной каждая не более сантиметра.

Бейки отпариваем, отделяем друг от друга, выдергивая вспомогательную нить. Отплетаем по одному ряду темно-коричневых нитей с обеих сторон каждой бейки и пришиваем их кетельным швом к полотну по контуру рисунка. В процессе этой работы придется разрезать бейки ножница-

ЧЕРТЕЖ 1

ЧЕРТЕЖ 2

ми — пусть это вас не пугает, петли «не убегут».

Кончики беек вытяните крючком на изнанку работы и закрепите ниткой. Еще раз отпарьте джемпер.

Осталось обработать ГОРЛОВИНУ. Отдельно на спицах свяжите платочной вязкой воротник-«хомутик» (чер-

теж 2). Закончите вязание несколькими рядами вспомогательной нити, слегка отпарьте, снимите вспомогательную нить, открытые петли пришейте кеттельным швом к вырезу горловины. Сзади сшейте «хомутик» трикотажным швом.

По низу блузона наберите петли и свяжите 8—9 см платочной вяз-

кой. Открытые петли последнего ряда закройте.

С рукавов снимите вспомогательную нить, открытые петли наденьте на спицы и свяжите манжеты платочной вязкой (6—7 см). В первом ряду через равные промежутки сделайте убавления (30—40 петель).

Сшейте все швы, от-

парьте, подшейте подплечники. Готово!

Г. ЯВНЫХ

Чертежи автора.

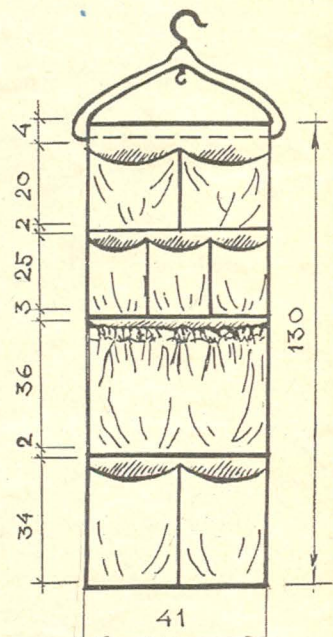
Сокращения: ВП — верхнее нерабочее положение. РП — рабочее положение.

КАРМАННЫЙ ШКАФЧИК

Тысяча — не тысяча, но мелочей в вашем доме наверняка наберется не один десяток. Все эти ленточки, шарфики, кружева... Выбросить жалко, а подыскать им место — трудно.

Чтобы это самое «место» не подыскивать, можно его просто-напросто... сшить. Как это предлагает Г. И. БАТУРИНА из Ленинграда.

На прямоугольный кусок любой плотной ткани нашивают карманы разной величины и глубины (см. рис.). Чтобы придать им нужный объем, сделайте выкройки сантиметров на восемь шире каркаса, а пристрачивая, наборите или заложите в складки. Большой карман собирается сверху на резинку.

Научившись делать общий массаж, мы без труда освоим и точечный. Он ограничивается малым участком кожи, точкой, называемой рефлексогенной зоной.

ПОПАСТЬ В ТОЧКУ

Ведет беседы доктор медицинских наук, заслуженный врач РСФСР В. И. ИВАНОВ

Беседа 2-я.

Заболевание только начинается, а зоны уже меняют свою чувствительность, сигнала нам об опасности. В этот период восстановить функцию «взбунтовавшегося» органа довольно легко: помассировать определенную зону или положить на нее грелку, кусочек горчичника, перцового пластыря, а то и просто согреть теплом рук.

Точечный массаж может быть успокаивающим и возбуждающим. Если вы устали, вас замучили хронические боли, бессонница, кашель или стенокардия, вам просто необходимо применить УСПОКАИВАЮЩИЙ метод. Выполняем его подушечками пальцев. Начинаем с легкого поглаживания рефлексогенной зоны, едва касаясь кожи, затем усиливаем давление пальцев и переходим к растиранию, пальцы при этом не скользят по коже, а перемещаются вместе с ней. Сила давления постепенно возрастает, палец «ввинчивается» в кожные ткани — переходим к растиранию. В этот момент наступает расслабление мышц в глубине зоны. Па-

лец как бы проваливается в них. Может возникнуть чувство онемения, ощущение электрического разряда. Задержите палец в глубине зоны на 5—7 секунд и медленными вращениями верните в исходное положение. Повторите этот прием 3—4 раза, воздействуя на одну точку 2—4 минуты. За один сеанс не стоит подвергать массажу более четырех рефлексогенных зон. Боль не прекратилась? Примените непрерывистую вибрацию в течение 1—2 минут (с ча-

усердствовать. Зоны на лице, в теменной части головы, на мочке уха массировать надо слабо, чтобы не вызвать отеков. При слабом массаже все приемы проводим легче, продолжительность воздействия на зону 30—40 секунд, массируем за один сеанс не более 6 зон.

эффективные зоны на руках и ногах (см. рис.).

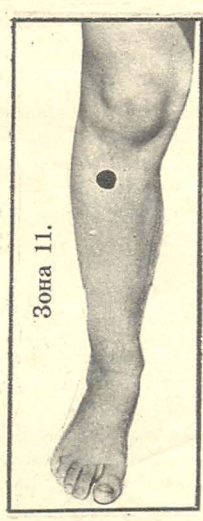
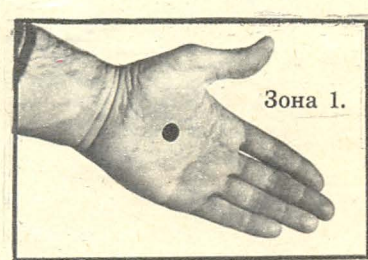
На ЗОНУ 1, расположенную в середине ладони между пястными костями среднего и безымянного пальцев, воздействуют не только при нервном возбуждении, но и при повышенном артериальном давлении, онемении в кончиках пальцев, эпилепсии, заболеваниях кожи.

ЗОНУ 2, находящуюся на кисти в промежутке между пястными костями большого и указательного пальцев, массируют при головной боли, неврастении, нервном возбуждении, бронхиальной астме, бессоннице, при болях в руках. Воздействуя на нее, мы укрепляем весь организм.

А вот массаж в ЗОНЕ 11, расположенной на 3 поперечных пальца ниже середины надколенной чашечки и на один поперечный палец наружу от гребня большеберцовой кости, не только укрепляет наш организм, но и способствует долголетию. Массируют эту зону также при неврастении, нервном возбуждении, бессоннице, повышенном артериальном давлении, всех желудочно-кишечных заболеваниях, болях в ногах, даже заболеваниях глаз.

На эти же зоны воздействуют и при пониженной возбудимости, снижении работоспособности, быстрой утомляемости. Только теперь применяют возбуждающий метод точечного массажа.

ЗАДАНИЕ НА ДОМ: практически отработайте успокаивающий и возбуждающий методы точечного массажа, определите и запомните расположение рефлексогенных зон 1, 2, 11 и показания к воздействию на них.

стотой колебаний 100 и более в минуту).

Если же вам надо быстро снять утомление, поднять настроение, повысить мышечный тонус, примените ВОЗБУЖДАЮЩИЙ метод. Он выполняется энергично. Начинаем опять с поглаживания, сначала поверхностного, а затем глубокого, переходим к растиранию и разминанию. При этом следует время от времени с силой надавливать пальцем в центр рефлексогенной зоны, словно зонзять его, сопровождая этот прием щипками, хлопками. Возбуждающе действует и слабая (щадящая) вибрация: повышается артериальное давление, усиливается деятельность желудка и печени.

Возбуждающий массаж хорош, но надо быть осторожными, дабы не пере-

Если вы физически хорошо подготовлены (или выбранные для воздействия рефлексогенные зоны расположены на спине, в ягодичной области, над мышцами плеч и бедер — там, где мышечный слой довольно мощный), лучше применить сильный возбуждающий метод, массируя каждую зону до двух минут (за сеанс не более четырех зон). Все движения настолько интенсивны, что ощущение онемения, электрического разряда распространяется за пределы зоны.

Проводят массаж 2—3 раза в день.

Итак, методы мы усвоили. Осталось изучить расположение зон. Здесь уж без конкретных примеров не обойтись. Допустим, вы повернулись — примените успокаивающий метод. В этом случае самые

РАСТЕМ НЕ ПО ГОДАМ

Сразу же после первого заочного занятия в «школе роста», проведенного по методике А. С. Палько, на редакцию обрушились письма и телеграммы, яростно зазвонили телефоны: правда ли, что человек в любом возрасте может подрасти? Сколько для этого нужно заниматься?

Давайте спросим об этом «выпускника» школы Сергея Васильевича АНДРЕЕВА.

— Почему вы пришли в школу Палько?

— Был недоволен своим ростом. Раньше занимался самостоятельно, без всяких методик, на свой страх и риск. Однажды увидел объявление. Школа оказа-

лась недалеко от дома. Решил попробовать.

— Долго ли вы занимались у Палько? Каков результат?

— В течение года три раза в неделю по два часа в оздоровительном центре и по полчаса утром и вечером дома. Теперь мой рост 179 сантиметров, из них три — благодаря занятиям.

— Довольны ли вы достигнутым?

— Рассчитывал, конечно, на большее. Но в целом доволен. Ведь в результате не только стал выше ростом, но и приобрел осанку, гибкость, прекрасное самочувствие.

— А какие результаты у других?

— У людей моего возраста и старше (а мне 34 года) примерно такой же

результат. У тех, кто моложе, гораздо лучше: Максим Зайцев в свои 16 лет вырос на 10 сантиметров за 7 месяцев, четырнадцатилетний Саша Бродский за 5 месяцев прибавил 9 сантиметров. Не знаю, в возрасте ли дело или в интенсивности занятий. У меня просто времени не хватало заниматься больше.

Очередное занятие «школы роста» — в следующем номере.

ШКОЛА ДЛЯ МАМ

«СБИТЬ» ТЕМПЕРАТУРУ? А НАДО ЛИ?

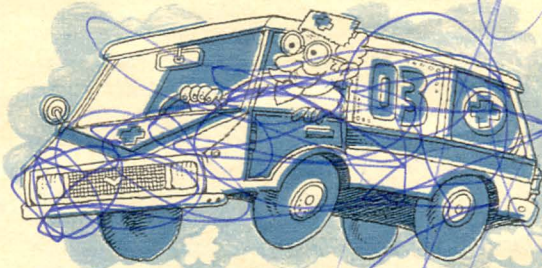
Ребенок заболел, поднялась температура... У мамы просто сердце падает, когда она видит, что ртутный столбик ушел за красную черточку. И первая мысль — как «сбить» температуру?

Но не будем спешить, подумаем: надо ли? Ведь повышение температуры — защитная реакция организма. При температуре порядка 37,5—38° наилучшим образом вырабатываются вещества, губительные для возбудителя болезни. И старые народные средства, такие, как горячее питье, укутывание, ванна для ног, во многом потому и помогают при простудах, что ведут к согреванию тела. Так что до тех пор, пока температура поднимается не выше 38°, снижать ее не стоит.

Но температура выше

38° ребенок уже переносит тяжело, и надо постараться снизить ее хоть немножко. Как? Лучше всего обойтись без лекарств.

температуры от кистей до плеч и от стоп до бедер: при испарении воды кожа будет охлаждаться, и температура снизится.

При такой высокой температуре укутывать ребенка не надо. Наоборот, сбросьте с него одеяло, снимите теплые кофточки, оставив в одной легкой рубашке или пижаме. А если температура выше 39, можно и рубашку снять. Простудить ребенка не бойтесь — лишь бы только в комнате не было сквозняка!

Пощупайте ручки и ножки малыша. Наверняка они очень горячие. Оботрите их водой комнатной

Бывает и так — температура высокая, а ручки и ножки холодные. Значит, кровеносные сосуды сужены и кожа не может как следует отдать тепло. Возьмите спирт, разведенный пополам с водой, или одеколон и разотрите ручки, ножки, грудь до покраснения.

Если же все это мало помогло, можно дать немного жаропонижающих лекарств. Ребенку до года достаточно 15 таблеток

анальгина плюс 15 таблеток амидопирин; от года до двух — по 1/4 таблетки, от 2 до 5 — по 1/2. Лекарства разотрите в порошок (это удобно сделать, положив крупинки таблеток между двумя чайными ложками), смешайте с сахарной пудрой, вареньем, сахарным сиропом...

Впрочем, иногда и варенье не помогает — ребенок от лекарства отказывается. Тогда придется ввести его в клизму. Вначале сделайте обычную очистительную клизму и лишь после того, как она подействует, лекарственную. Растворите аналгин и амидопирин (доза та же) в 2—3 столовых ложках кипяченой воды, наберите в самый маленький баллончик и медленно введите. Температура очень скоро должна снизиться, малыш почувствует себя лучше.

Но напомним еще раз — это только первая помощь ребенку! Лечение назначит врач!

Е. БАЙБАРИНА, кандидат медицинских наук.

И СТАРЫЙ МЕХ БЛЕСТИТ КАК НОВЫЙ

На пороге зима. Не пора ли нам привести в порядок теплую одежду, почистить, а кое-где и подновить?

Начнем с чистки меха — шуб, воротников, шапок. Засаленные места посыпем тальком и втираем мягкими движениями, затем вымываем водой (не замочив кожного слоя) в направлении роста волоса, сушим и встряхиваем. Если потребуются более серьезные чистка, в ход идут влажные опилки (хорошо смочить их бензином). Так в основном чистят овчину и грубый мех.

Белый мех чистим манной крупой. Посыпаем, растираем руками и аккуратно выбиваем. Если потребуется, повторяем это несколько раз. Оставшиеся пятна придется удалить тряпочкой, смоченной в бензине. После такой чистки белый мех следует тщательно натереть картофельным крахмалом и через некоторое время встряхнуть.

Осталось, как говорится, навести глянец, чтобы старый мех блестел как новый. Для этого смочим его глицерином или уксусом и, не давая высохнуть, протрем тряпочкой, смоченной в спирте, а затем расчешем (каракуль и короткую цыгейку не стоит расчесывать влажными). Мех даже можно погладить теплым утюгом, но через ткань, держа утюг навесу. Волосистой покров при этом должен быть влажным от спирта.

Если же кожный слой шкурки сухой, рыхлый, засаленный — тоже не беда. Эластичность можно восстановить. Для этого отпорем подкладку и приготовим раствор из 1 л во-

ды, 50 г поваренной соли, 1 столовой ложки уксусной эссенции. Смочим им мездру, разомнем и растянем в разных направлениях. Повторим эту процедуру несколько раз с промежутками в 2—3 часа. Иногда для размягчения шкурки достаточно ее хорошо промять, слегка смочив перед этим теплой водой (не выше 35°).

Наверняка найдутся у вас совсем старые вещи. Не спешите их выбрасывать. Из поношенной меховой шапки с залысинами,

побитого молю воротника и так далее можношить новую модную шапку, рукавицы. Отпорем подкладку, сделаем надрезы, позволяющие разложить шкурку на плоскости. Они должны проходить по швам или посередине износившихся, дефектных мест. Почистим мех, приведем в порядок мездру — мы уже знаем, как это сделать. Кстати, не выбрасывайте даже такой мех, мездра которого совсем плоха и крошится в руках. Мы наклеим ее на бязь резиновым клеем. Только будьте внимательны, четко следуйте технологии: ровным слоем клея промажьте бязь и мездру, немного подсушите и соедините полотнища (бязь сверху), быстро и сильно прижмите бязь к мездру по всей площади склеивания. Такой мех, конечно, не будет долговечным, но может пригодиться, если посадить его на жесткий каркас.

Пусть вас не смущает порез или пятно в центре шкурки. Это легко устранимо. Порез аккуратно зашьем, а на место пятна

сделаем вставку в форме пластины, треугольника или ромба, отрезав ее от края меховой пластины. Этот кусочек должен иметь то же направление ворса, густоту, окраску, что и основной. Соединять детали лучше всего ниткой из смешанных волокон, чтобы служили дольше и не порвали мездру. Игла должна быть тонкая, смазанная мылом. Сшивая меховые детали, складывайте их волосом внутрь так, чтобы он не вылезал по краю и не попадал в отверстие от иглы. Пользоваться будем тремя видами швов:

ОБМЕТОЧНЫМ (толщина захватываемого края 1—1,5 мм) стежки делаем близко друг к другу;

ВСТЫК — так удобнее сшивать мех с густым волосистым покровом;

СТЕБЕЛЬЧАТЫМ (похожим на машинный) шивают мех с толстой и прочной мездрой на швейной машинке и на руках.

В следующий раз, когда шкурки будут вами подготовлены к работе, займемся кроем и шьем.

М. ИГНАШЕВА,
М. УТКИНА,
дизайнеры по костюму.

СМЕЛО ГУЛЯЙТЕ ПОД ДОЖДЕМ... В «ВАРЕНКАХ»

В прошлом номере мы предлагали оригинальный рецепт крашения джинсовой ткани, с помощью которого получался эффект «варенки». Между прочим, это не единственный способ сделать свои джинсы модными. Возможно, кому-то более легким и надежным покажется другой.

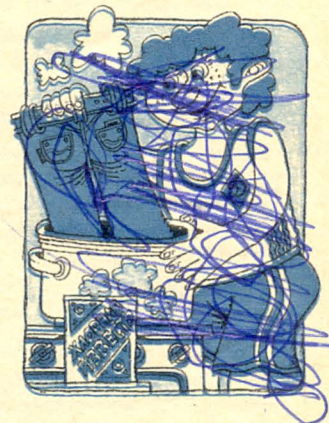
Замочите ткань на несколько минут в горячей воде. Тем временем в сложенную в несколько слоев марлю насыпьте пригорш-

ню хлорной извести и тщательно завяжите концы. Получившийся узелок опустите в выварку для белья, куда предварительно налили горячей воды, поболтайте им там несколько минут, затем вытащите. Помните, что сквозь марлю комки извести не должны попасть в воду. В получившемся растворе ткань кипятят 1,5—2 часа. Если ткань перекрутить или завязать кое-где узелками, можно достигнуть «рябого» эффекта, а если постараться, то и «нарисовать» нужный узор. Помните, что мокрая ткань кажется темнее сухой. Обработку можно повторить.

Также без краски можно превратить ткань в «вареную» с помощью стиральной машины, мелко искрошенного кусочка пемзы и стирального порошка (если добавить его несколько больше, чем обычно). Джинсы предварительно замачивают, а потом «крутят» в машине. Можно еще добавить в раствор бытовой отбеливатель и затем каждые 15 минут проверять результат, чтобы не перестараться.

После обработки обязательно постирайте свои джинсы, чтобы они не испортили вам неожиданный сюрприз, попав под первый же дождь.

Р. ИГНАТЬЕВ

Сегодня я снова хочу поговорить о грибах. Ведь в октябре лес все еще щедр на подарки.

ХОРОШИ ЗИМОЙ ГРИБОЧКИ

Помню, как-то осенью — по утрам уж легкие заморозки были — напали мы на полянку с опятами. Глаза разбегались, столько их там было! И я, и мои спутники набрали — сколько смогли унести. Вернулись домой, поглядели на свою ношу, видим: все сразу не съесть. А гриб долго не лежит, портится. Да пора и о зиме подумать. Как хорошо будет к Новому году достать к столу солененьких или маринованных грибов! Что у нас там в октябрьской корзинке? Белянки, валуи, подберезовики, подосиновики, маслята, опята, а попадают и благородные грибы — рыжики, белье... Все годятся для засолки!

Начнем с рыжиков, с ними проще. Переберем, промоем и уложим прямо сырыми в деревянную или эмалированную посуду. Пересыплем немного солью (5—6 процентов к весу грибов), сверху положим деревянный кружок, а на него гнет. Через 5—6 дней рыжики готовы. Если захотите сохранить их подольше, переложите в банки и залейте свежим рассолом (3 процента соли). Добавьте в банку примерно чайную ложку уксусной эссенции и простерилизуйте.

Теперь примемся за грузди. Их, как и валуи, сначала вымачивают до 5 дней в холодной воде, меняя ее 2—3 раза в сутки.

А потом засаливают так же, как рыжики.

Если вы заядлые грибники, то можете попасть в непредвиденную ситуацию. Скажем, оказались случайно в грибных местах, а под руками как на грех ни посуды для солки, ни специй. Не беда. Эмалированное ведро и соль раздобыть всегда можно. Очищенные грибы отварите

с солью (500 г соли на 10 кг свежих грибов). Шляпки и ножки отдельно. Ножки варятся дольше, поэтому их надо резать толщиной не более 1—2 см. Белье и подосиновики варите 10—15 минут. Валуи, свинушки, лисички, опята — 25—30 минут. Затем отвар процедите, грибы промойте. Держать их лучше под гнетом. Основная работа сделана. А уж дома переложите в банки, добавив специй. На 1 кг: душистого перца 4—5 зерен, гвоздики 2—3 штуки, два листика лаврового листа, немного бадьяна и корицы.

Из древности нам известен еще один способ долгого хранения грибов — маринование. Для этого

грибы нужны крепкие, молодые, нечервивые. Годятся белые, подберезовики, подосиновики, маслята, опята. В основном шляпки. Подготовленные грибы надо сначала отварить в слабом растворе уксуса с солью, в эмалированной посуде, осторожно помешивая и снимая образующуюся пену. Когда грибы осели на дно кастрюли, их надо откинуть на сито, перемешать (варили все грибы отдельно — время-то варки у всех разное) и переложить в банки, заливая маринадом. Маринад готовим так: на 1 л воды 3 чайные ложки уксусной эссенции или 1 граненый стакан столового уксуса (тогда воды на 1 стакан меньше), 2 столовые ложки сахара, 4 чайные ложки соли, 3 лавровых листочка, 6 горошин душистого перца, 3 штуки гвоздики, чуть-чуть корицы. Маринад должен обязательно покрывать грибы, чтобы не образовывалась плесень. Сверху надо налить растительного масла. Если в банке завелась плесень, прокипятите грибы, залейте свежим маринадом. Храните маринады и соленые в холодном месте.

Мои друзья из Болгарии научили меня солить мелкие грибы в уксусе. Их варят в подсоленной воде 10—15 минут. Отцедив воду, охлаждают и укладывают в небольшие стеклянные банки, перекладывая ветками укропа. Потом заливают раствором: 1 часть уксуса, 1 часть воды и по 2 столовые ложки соли на литр жидкости. Перед подачей поливают растительным маслом, приправляя черным перцем, хреном или уксусом.

Другой рецепт — грибы, жаренные в уксусе. Очистить, промыть, подсушить, обжарить в сильно разогретом растительном масле. Переложить в мелкую посуду и охладить. И уже холодные уложить

в банки, перекладывая дольками чеснока, мелко нарезанной зеленью укропа или петрушки. Туда же положить предварительно проваренные в подсоленной воде до полуготовности кружочки моркови и нарезанные крупной соломкой корни сельдерея.

В оставшееся после обжарки грибов масло добавляем уксус и соль — по вкусу, доводим смесь до кипения, снимаем с огня, охлаждаем и заливаем грибы, налив предварительно в банки растительное масло слоем толщиной в 2 пальца. Грибы «по-болгарски» закатываем в банки.

Для сушки хороши белые, подосиновики, подберезовики, маслята, опята. Вначале разберем грибы по сортам. Не моем, а только протираем сухой тряпочкой. Сушить можно на солнце, над плитой, в печи и даже в духовке газовой плиты. Только следите, чтобы температура ее была не выше 50 градусов. Если у вас в доме печь, то с пода ее сгребают золу, стелют солому и на нее кладут грибы. А можно поставить железные листы с подстилкой из соломы. Не забудьте трубу и залонку оставить открытыми, чтобы грибы «не задохнулись». Хорошо просушенные, их хранят в плотно закупоренных банках или в связках, подвешенных в сухом теплом месте. Если зимой их достать, несколько раз промыть теплой водой, потом залить холодной и проварить под крышкой, уже мягкими нарубить и варить до готовности, можно приготовить множество вкусных блюд — и соус, и икру, и ароматную начинку для пирога, не говоря уж о грибном супе. Кушайте на здоровье!

Ваша Мария Ивановна.

В оформлении «Хозяюшки» принимал участие художник С. БОГАЧЕВ.

Мирандухт и Геронтий

Реваз ИНАНИШВИЛИ
РАССКАЗ

В магазине было три отдела и работали трое продавцов: две женщины — Маро и Маргарита и один мужчина — Геронтий.

Однажды там появилась девочка, маленькая, лет десяти-одиннадцати. Вошла и вежливо спросила стоящую в очереди старушку:

— Извините, вы сюда?

— Да, детка,— ответила старушка.

Девочка скромно встала за ней.

Народу было мало, брали понемногу. Так что очередь быстро двинулась.

Старушка попросила взвесить ей полкило колбасы и двести граммов сыра, затем взяла баночку горчицы за двадцать семь копеек.

Геронтий лихо зашел за счетами и объявил:

— Два рубля пятьдесят копеек, мамаша.

Старушка протянула ему трешку.

— Два рубля и тридцать две копейки,— сказала маленькая девочка.

— Что?! Что такое? — Геронтий поднялся и наклонился над прилавком.

— Два рубля и тридцать две копейки,— спокойно повторила девочка.

Геронтий вспыхнул, разволновался.

— Знаешь, что я тебе скажу, детка!..

— Знаю.

— Что ты знаешь? Что?

— А то, что вам причитается два рубля и тридцать две копейки, а вовсе не два пятьдесят.

Геронтий схватил свои счета.

— Рубль сорок пять копеек за колбасу, так? Два раза по тридцать копеек — сыр, так? И двадцать семь — горчица...

— Два рубля тридцать две копейки,— еще раз повторила девочка.

Раскрасневшийся Геронтий сбросил все костяшки на счетах и пересчитал еще раз. Получилось ровно хонько два рубля тридцать две копейки.

— Нельзя ли там побыстрее? — заметил очкастый мужчина в хвосте очереди.

Геронтий отсчитал старушке сдачу и устался на девочку.

— Ну! Чего тебе — говори!

— Пожалуйста, не повышайте на меня голос,— ответила девочка. Она была стройная, худенькая, со светлыми голубовато-серыми глазами и чуточку вздернутым носиком. В левой руке она держала полиэтиленовую сумку, в правой — пятирублевку.

— Чего изволите, сударыня? — с наигранной покорностью склонил голову Геронтий.

— Пожалуйста, взвесьте мне двести пятьдесят граммов колбасы, двести сыра и двести граммов масла.

Геронтий очень постарался и отвесил ровно двести пятьдесят граммов колбасы и двести граммов сыра. Масло не пришлось взвешивать, оно продавалось в пачках по двести граммов. Он протянул девочке пачку, взял за счеты, пошел к костяшкам и нерешительно сказал:

— Два тридцать...

— Два рубля и пять копеек.

— Вах!! Люди добрые! — взвился Геронтий и собрался было пересчитывать, но передумал: — Плати, детка, сколько хочешь и ступай своей дорогой. У меня тут работа, а не...

— Получите два рубля и пять копеек.

Геронтий точно до копейки вернул сдачу. Девочка ушла. Очередь удивленно смотрела ей вслед: она была такая маленькая и худенькая, а ступала как-то удивительно красиво — прямая, стройная, светлые волосы забраны в «конский хвост».

— Представляю, что у нее за мамочка... Врагу не пожелаю! — недобро заметила приземистая, как комод, женщина.

— Почему же? — возразил кто-то. — Помоему, замечательная девочка.

— Моя внучка постарше нее будет, так она при взрослых даже глаз поднять не смеет.

— И моя тоже.

— Все от воспитания идет. От родителей, значит...

А Геронтий никак не мог успокоиться.

— Отпустить бы ее несолоно хлебавши, с пустыми руками, тогда бы она узнала! Ишь, выискалась какая!.. Посылают в магазин детский сад! У них что, родителей нет или как?

— Родители заняты.

— Ладно! Чем они таким заняты?..

— Помните о деле, товарищи! О деле помните! — пробасил кто-то.

С того дня началось.

Стоило девочке появиться за витриной магазина, продавщицы Маро и Маргарита со смехом сообщали Геронтию:

— Идет, Геронтий!

Геронтий всем видом показывал, что это сообщение не действует на него.

— Ну и пусть идет.

— Не робей!..

— Встреть ее потверже...

— И не таких видали,— крепился Геронтий, но нетрудно было заметить, что он нервничает.

У девочки на руке висела яркая сумка из полиэтилена, длинная просторная юбка наполовину скрывала ее ноги. Она шла легко и прямо, не шелохнув плечами. Входила в магазин и спокойно осматривалась.

Продавщицы нетерпеливо ждали — что будет на этот раз.

Девочка подходила к прилавку и тихо, скромно говорила:

— Взвесьте мне, пожалуйста, триста шестьдесят граммов колбасы.

— Ну началось!.. — У Геронтия опускались руки.

А Маро и Маргарита давились от смеха.

— На ваших весах есть десятиграммовые деления, так что, пожалуйста, взвесьте мне триста шестьдесят граммов колбасы и двести тридцать сыра.

— Ладно, будет тебе, девочка! Скажи — или двести, или триста.

Маро и Маргарита нашаривали по карманам свои мятые платочки и утирали выступившие от смеха слезы.

А Геронтий страдал и маялся. Маялся при взвешивании, а еще пуще — при подсчете.

Девочка сама диктовала ему, что сколько стоит. Геронтий, как слепой, брал у нее деньги, неверной рукой возвращал сдачу и, когда девочка уходила, без сил садился на табурет.

— Вах, бывает же такая напасть! Под какой звездой она родилась? — И утирал передником взопревший лоб.

Маро с Маргаритой давали шуточные советы:

— Придется тебе сменить работу, уйти из этого магазина.

— Здесь сживет тебя со свету эта пигалица. Или сглазит...

— Да похоже, что уже сглазила. Все из рук валится, считать разучился. Все время кажется, что ошибаюсь. А эта худышка укажется и смотрит, как колдунья.

Проходил денек-другой, Геронтий немного успокаивался. Но опять появлялась девочка. И начиналось: пожалуйста, триста семьдесят граммов того, да двести восемьдесят этого, и еще сто тридцать вот того... Но всегда очень вежливо, всегда — «пожалуйста».

Геронтий жалобно втягивал голову в плечи.

— Бери уж все задаром и уходи ради бога!

— Почему — даром?

— Мама у тебя нету? Пусть вместо тебя мама в магазин ходит.

— У мамы есть дела поважнее: малыши в доме. А я — старшая.

— Тогда я узнаю, в какой школе ты учишься, и сам явлюсь к вашему директору...

— Как вам угодно...

Но Геронтию не пришлось идти в школу.

Однажды девочка вышла с покупками из магазина и — пропала, прошел месяц, другой, но она не появлялась.

Маро с Маргаритой поздравляли Геронтия:

— Ну, Геронтий, пронесло!

— Обошлось...

Геронтий отмалчивался. Но заметно успокоился, и голос у него сделался спокойнее, и лицо. Продавщицы заметили, что он вроде бы стал чище бриться и ак-

куратней одеваться. Иногда даже появлялся галстук, часто причесывал свои седые волосы. И с покупателями был теперь внимательнее и вежливее.

Раза два Маро с Маргаритой разыграли его — глянув в окно, вскинулись:

— Идет, Геронтий! Идет!..

Геронтий каждый раз краснел и супился, но, убедившись, что его обманули, расправлял плечи — дескать, пусть приходит...

Теплые осенние дни сменились холодными предзимними. Подул ветер. Улицы завалило яркой опавшей листвой. Дворники ругали осеннюю непогоду. А однажды поутру ветер унялся и пошел снег. Большие хлопья медленно кружились в воздухе, но, коснувшись земли, сразу же таяли.

В один из дней из этого тихого снегопада появилась девочка. На ней было длинное теплое пальто, вязаная шапочка, надвинутая на лоб, сапожки; она, как всегда, неторопливо ступала, не шелочнув прямыми плечами.

Геронтий при виде девочки весь так и зарделся.

А Маро с Маргаритой воскликнули:

— Какая гостья к нам пожаловала!..

Девочка с тихой улыбкой на бледном лице глянула на женщин и подошла к Геронтию. Он в это время что-то взвешивал, но смотрел не на весы, а на приближающуюся к нему маленькую покупательницу и улыбался.

— Как поживаете? — совсем как взрослую спросил он ее.

Девочка тоже улыбалась ему мягкой улыбкой. Лицо ее словно светилось тихим и ясным светом.

— Спасибо. А как вы?

— Да что с нами будет...

— Я приболела. У меня была корь. Но теперь уже все позади.

— Вах! — воскликнул Геронтий. — То-то я удивлялся...

— Чему вы удивлялись?

— Что вас не было столько времени.

— Что не мучила вас?

— Э-э, что это за мучение!.. Была бы ты здорова, а такое мучение мне терпеть не трудно, ей-богу!

— Теперь я буду вести себя хорошо.

— Теперь я буду вести себя хорошо.

— А разве раньше ты вела себя плохо? Девочка засмеялась.

Маро с Маргаритой недоуменно переглядывались.

— Взвесьте мне, пожалуйста, сегодня двести граммов сыра и двести колбасы.

Геронтий, посмеиваясь, спросил:

— Значит, больше не хочешь двести шестьдесят граммов или сто девяносто семь?

— Нет, больше не надо, — засмеялась девочка.

— Вах! Потому-то ты такая худенькая, что мало ешь!

— Мне толстеть нельзя. Я и так... — Девочка раздула щеки.

— Почему, детка?

— Я учусь на балерину.

— Вах!.. Танцевать будешь в опере?

— Если сумею...

— Ты — да не сумеешь?! Ты все сумеешь!.. — Геронтий выпрямился и расправил плечи. — Если что-нибудь не так... если что понадобится — не робей, я всегда здесь.

— Спасибо! — Девочка смотрела на него и улыбалась. — Вы теперь хороший. Ни на кого не повышаете голос, даже на женщин.

— Я повышаю голос?!

Девочка сложила в сумку аккуратные свертки, попрощалась и с улыбкой пошла к дверям.

Геронтий окликнул ее.

— Звать-то тебя как?

— Мирандухт*.

— Мира, стало быть?

— Нет.

— Значит, Миранда?

— Нет. Мирандухт.

— Ва-ах!

Девочка красиво вскинула руку и, помахав на прощание, вышла в снегопад.

Маро с Маргаритой разинули от удивления рты и молча переглянулись.

С того дня Мирандухт и Геронтий — большие друзья. Геронтий всегда что-нибудь припрятывает для Мирандухт. Одно его огорчает: ничего из его сюрпризов ей не нравится, она покупает только то, что лежит на прилавках...

И еще: Геронтий хочет пригласить Мирандухт к своим девочкам, в Нахаловку, но почему-то робеет. У Геронтия там стоит в саду маленький домишко с лесенкой в три ступени. А Мирандухт, как ему кажется, ступает только по мраморным лестницам и красиво машет маленькой рукой своим подругам и знакомым. Легко ли такую пригласить в Нахаловку, в старую хибару?

«Ох, грехи наши тяжкие», — вздыхает Геронтий и через витрину поглядывает на улицу.

Там опять идет снег.

Перевел с грузинского
Александр ЭБАНЮИДЗЕ.

Рис. Е. ФЛЕРОВОЙ.

* Мирандухт — полная, редко употребляемая форма старинного грузинского имени, звучит в устах маленькой девочки более чем необычно.

ОСТАЕТСЯ СЛЕД...

В Советском Союзе сейчас живет почти два миллиона немцев. Среди них ученые, музыканты, композиторы с мировым именем — Борис Раушенбах, Святослав Рихтер, Рудольф Керер, Альфред Шнитке. Герои труда, такие, как механизатор Наталья Геллерт, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР. Выходят три газеты на немецком языке, ведутся радио- и телепередачи, ставятся театральные спектакли. Около ста советских писателей создают свои произведения на немецком языке.

Судьба советских немцев неотделима от истории нашей Родины, ее героических и трагических страниц...

Передо мной — женщина, чье имя в предвоенные годы не сходило с газетных полос, чьи портреты помещались рядом с фотографиями прославленных челюскинцев, строителей Днепротэкса и Магнитки. Потом на пятьдесят лет о ней забыли. А ведь она жива и не изменилась, разве что постарела.

— И зачем в такую даль ехали, неужели, чтобы со мной поговорить?

— Не только поговорить, но и другим рассказать.

— А нужно ли это? Стоит ли ворошить прошлое?

...Февральское утро 1936 года. Впрочем, какое утро — ночь, 4 часа. По тропинке гуськом к ферме быстро шагают женщины. Идут молча, только снег скрипит под валенками.

Так каждый день: к четырем часам на дойку, потом к восьми утра, к полудню, к шестнадцати, двадцати и двадцати четырем часам. В промежутках сдавать молоко, ухаживать за животными, подвозить сено, да и дома ведь дела есть. На селе легкой работы не бывает, если ты, конечно, работаешь, а не дурака валяешь.

За разговорами и работой не заметили, как время пролетело. Пора коров выпускать. Когда вышли на двор, то первое, что заметили, это санки, на которых несли к ферме Яков Миллер.

Резко остановив лошадь у забора фермы, Миллер, не выпустив вожжей, закричал:

— Катя, срочно иди сюда. В сельсовет поедем.

— Зачем это в сельсовет? — спросила Граубергер.

— Потом будешь спрашивать. Срочно, сказали...

Когда она вошла в кабинет председателя колхоза Андрея Егоровича Пеннера, тот разговаривал по телефону.

— Привезли Граубергер, — сказал он кому-то в трубку. — Ясно. Слушаюсь.

Закончив разговор, дал отбой. Потом как-то странно улыбнулся и сказал:

— Вот такие дела, Екатерина. Сейчас за тобой товарищ из НКВД приедет.

— Это зачем же из НКВД? — бледнея и оседая на диван, обтянутый «под кожу» черным дерматином, тихо спросила Граубергер.

— Я, дочка, и сам не знаю, зачем. Там, наверное, объяснят. Дверь отворилась без стука. Вошел молодой, румяный с мороза милиционер в ладно пригнанной шинели.

— Вы Екатерина Давидовна Граубергер? — строго спросил он Катю.

— Да, это я, — ответила она, но с дивана не встала, не смогла.

— Тогда пройдите, вас ждут. К одноэтажному кирпичному

зданию районного управления НКВД, что находилось рядом со станционными постройками, они подъехали, когда тусклое зимнее солнце уже скатилось к горизонту.

Ее ввели в просторную, жарко натопленную комнату. Со стены напротив, с портрета, строго смотрел Сталин, а из-за дубового письменного стола поднялся мужчина, одетый в полувоенный защитного цвета френч без знаков различия.

— Значит, вот вы какая, Катя Граубергер... Вас проводят до станции. Там сядете в вагон, а выйдете в городе Энгельсе. В Энгельсе бывать не доводилось?

— Нет, — сказала Катя, — не доводилось. — А потом с отчаянием в голосе тихо спросила: — Так куда меня везут? Скажите, ради бога...

— Ну, во-первых, бога нет, — наставительно сказал мужчина, — вы как комсомолка это должны давно усвоить. А вот куда и зачем, в Энгельсе сообщат.

Действительно в Энгельсе прямо на перроне к ней подошел мужчина в гражданском.

— Вы Катя Граубергер?

— Да, я.

— Машина ждет. Поехали.

— Куда теперь? — обреченно спросила Катя.

— В Саратов, через Волгу.

И только в поезде Саратов — Москва Екатерина Граубергер узнала, что она включена в состав делегации Автономной республики немцев Поволжья, которая направляется на Всесоюзное совещание передовиков живот-

новодства. У членов делегации стали собирать паспорта, чтобы оформить необходимые документы. Попросили паспорт и у Граубергер.

— А у меня нет паспорта. Меня же прямо с фермы забрали, — сказала она.

— Вот это номер! — изумился один из руководителей делегации. — Как же мы ее в Кремль проведем?..

В Кремль ее пропустили беспрепятственно. Вероятно, где-то и кто-то вопрос утряс. А накануне их разместили в шикарной гостинице, в которой Катя впервые увидела такие предметы и вещи, о существовании которых даже не догадывалась. Потом всех повезли в магазин, где они смогли выбрать одежду, обувь. И что опять-таки поразило Катю — за все это великопение не взяли ни единой копейки. Впрочем, денег у нее все равно не было.

Вечером участники совещания присутствовали на устроенном в их честь концерте в Большом театре. А на следующий день, в 10 часов, пришли в Кремль.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Е. Д. ГРАУБЕРГЕР:

«На второй день совещания прямо из зала меня неожиданно вызвали. С сопровождающим товарищем долго шли по кремлевским коридорам, пока не остановились у одной из комнат, чья дверь ничем не отличалась от других. Товарищ буквально на минуту зашел, а потом пригласил и меня.

Помню, зашла и обомлела. За столом сидели Сталин, Калинин

и Ворошилов. Вот я стою и не знаю, что делать, а Сталин мне говорит: «Проходи, проходи, Катя, ведь ты завтра выступать будешь, а мы хотим тебя чуть раньше послушать. Если не возражаешь, конечно».

Я-то не возражала, но, что придется выступать, услышала впервые. А Сталин продолжает: «Главное, Катя, нам всем интересно знать, как живут люди в вашем колхозе. И еще расскажи об одном из своих обычных дней на ферме: когда туда приходишь, с чего начинаешь...»

Вечером, в гостинице, ко мне зашел руководитель нашей делегации и протянул отпечатанный на машинке текст выступления со словами: «Ночь не спи, но к утру чтобы все назубок помнила. Иначе перед всей страной осрамишь нас».

Сами понимаете, как я волновалась. И, конечно, ничего не запомнила из того выступления. Сижу в зале и все думаю: «Вот сейчас меня вызовут, вот сейчас...» Страшно, аж руки дрожат. Вдруг слышу: «Слово предоставляется доярке колхоза «Большевик» Лизандергейского района АССР немцев Поволжья Екатерине Давидовне Граубергер».

Поднялась я с места, иду, а вокруг ничего не вижу, будто во сне. Вышла к трибуне, смотрю, а листок-то с выступлением весь измят и изорван. Это от волнения я его изорвала, пока шла. И даже не заметила, как. Что делать? Нужно что-то говорить. Ну, в общем, плохо, хорошо, но выступила я и на место собралась. А Сталин, который все это время вдоль стола президиума с трубкой ходил, останавливает меня и спрашивает: «Скажите, Екатерина Давидовна, сколько от каждой из своих коров вы молока в 1935 году надоили?»

Я ему отвечаю, что от каждой из закрепленных двенадцати коров в среднем надоила по 4 тысячи 425 литров.

— Хороший результат, — говорит Сталин. — А по семь тысяч это реально или нет?

Я подумала и говорю: «Считаю, что реально. Обещаю достичь этого рубежа».

В тот же день меня и некоторых других участников совещания снова вызвали прямо с заседания и проводили в Георгиевский зал. Там нам Калинин вручил ордена и медали. При этом присутствовал и Сталин. Меня наградили орденом Ленина. А потом мы все сфотографировались на память...»

Екатерина Давидовна открыла картонную коробочку из-под парфюмерного набора «Сирень» и достала орден, завернутый во

фланелевую тряпочку. На тыльной стороне ордена четко был виден номер 2297.

Потом мы рассматривали фотографии. На некоторых из них Екатерина Давидовна была запечатлена рядом со Сталиным. Сталин на фотографиях улыбался, и люди, окружающие его, тоже улыбались.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Е. Д. ГРАУБЕРГЕР:

«Когда мы из Москвы возвращались в Энгельс, то буквально на каждой станции нас встречало множество людей и духовые оркестры. Мы выходили, и открывался митинг. Вообще все выглядело очень празднично, будто 1-е Мая.

А вот когда, наконец, я добралась до родного колхоза, то меня чуть ли не на руках до самого дома несли. Было произнесено много речей, взято повышенных обязательств. И знаете, пока я была в Москве, для меня, мамы и младших братьев новый дом построили. Установили в нем телефон, обставили мебелью, даже постельное белье завезли и еще пианино, на котором никто в нашей семье играть не умел...»

Праздник кончился. Нужно было работать, обещание Сталину выполнять. В 1936 году от каждой из двенадцати коров я надоила по семь тысяч литров молока. Конечно, сейчас могут сказать — мало 12 коров. Но ведь тогда ни о какой механизации мы не мечтали. И скотников у нас не было, и сено сами заготавливали...»

12 декабря 1937 года Екатерину Давидовну Граубергер избрали депутатом Верховного Совета СССР первого созыва от Мариентальского избирательного округа АССР немцев Поволжья. И еще одно важное событие произошло в ее жизни в тот год. Она вышла замуж за своего односельчанина, бригадира тракторной бригады Давида Давидовича Крауса.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Е. Д. ГРАУБЕРГЕР:

«Если разобраться, то кто я тогда была? Девчонка. И биография у меня была самая обыкновенная — пасла скот, ухаживала за лошадьми, а в шестнадцать лет стала дояркой. Конечно, надои у меня, начиная с 1935 года и до самой войны, были самые высокие в хозяйстве. Да и по стране я неизменно была в числе лучших. Но ведь опыта жизненного никакого. А все же люди меня уважали, советовались. И знаете, почему? Потому, что у меня орден Ленина

был. Случалось, за полночь вдруг стучат в дверь: «Екатерина, помоги! А то мужики поубивают друг друга». Что делать? Встаю, одеваюсь и обязательно орден Ленина к кофточке прикрепляю. Иду в тот дом, где гуляют, а попросту водку пьют. Так вот, только мужчины увидят меня, у них хмель долой — мирно по домам расходятся.

А вообще я не любила свой орден носить — стеснялась. Поверите, пионеры на улице салют отдавали. И было это уважение не мне, а высшей награде Родины».

«Выше, быстрее, дальше!» К этому девизу 30-х годов можно добавить и слово «больше!». Больше построить, добыть, собрать, произвести... Наши отцы

и матери работали и верили. Им казалось, еще немного — и кончится «обострение классовой борьбы». Должно же в конце концов наступить «светлое завтра человечества».

Об этом или примерно об этом думала Екатерина Давидовна Граубергер, когда шла на ферму, когда работала, когда отправлялась в Москву, чтобы поделиться опытом на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке или решать государственные дела на сессиях Верховного Совета страны. Когда в 1938 году у нее родился первенец...

Вечереет. Пустынная колхозная улица, мощенная булыжником. Громко мычание коровы у распахнутых

Обычный сельский вечер. Только почему хозяйки не встретили коров? Где пастух, пригнавший стадо? И почему ни из одной печной трубы не вьется дымок?..

Осунувшаяся и почерневшая лицом, Катя Граубергер быстро шагает к своему дому. Последнему дому на улице, в котором еще есть люди: ее мать, муж, трехлетний сын Виктор и дочь Эльвира, которой вот-вот исполнится два года.

ИЗ ВОСПОМИНИЙ

Е. Д. ГРАУБЕРГЕР:

«В последних числах августа 1941 года всех советских немцев из нашего колхоза «Большевик» вывезли. Разрешили остаться только тем, у кого муж или жена были русскими или украинцами по национальности.

Помню, ночью всех коммунистов

Совета СССР, вместе с семьей выделили отдельный железнодорожный вагон, чтобы я туда имущество наше загрузила. А остальных в вагоны как сельдь в бочки напихали. Я, конечно, имущество свое оставила. Ничего не взяла, а к нам в вагон женщин с малыми детьми посадила. Провожали нас на вокзале первый секретарь Лизандергейского района Лобов, председатель райисполкома Черныш, солдаты и офицеры. Женщины им все кричали, когда состав тронулся: «Мужчины, дорогие, вы наших коров в колхозное стадо отгоните, а то ведь они сдохнут. Их же доить некому». А они стоят и молчат. Они-то знали, что и колхозных коров доить некому».

Так Екатерина Давидовна Граубергер очутилась в глухом селе Турунтаево Туганского района Томской области. Она пахала землю, косила рожь, сажала картофель, работала вначале дояркой, а потом заведующей фермой. Мужа Екатерины Давидовны, как и других мужчин-немцев, отправили в трудовую армию. Он работал на угольной шахте в Тульской области. И увиделись они только после войны, в 1947 году.

ИЗ ВОСПОМИНИЙ

Е. Д. ГРАУБЕРГЕР:

«Встретили нас в селе местные жители настороженно, даже с некоторой злостью. Это и понятно, ведь их мужчины воевали с немцами. Правда, это были совсем другие немцы, но разве колхознице, которая получила похоронку, это объяснишь? Особенно ребятишкам нашим досталось. Но что делать — терпели. А вот когда в наш колхоз «Прогресс» стали возвращаться фронтовики после госпиталей, отношение к нам изменилось. Не припомню случая, чтобы кто-нибудь из бывших солдат обронил в адрес советских немцев даже грубое слово».

В 1944 году Екатерину Давидовну Граубергер и других депутатов Верховного Совета СССР, избранных от Автономной советской республики немцев Поволжья, отозвали из депутатов как утративших связь со своими избирателями.

Она по-прежнему была лучшей дояркой района, а в 1954 и 1955 годах названа «Лучшей дояркой Томской области». Неоднократно, уже после войны, была участницей областной сельскохозяйственной выставки.

В 1956 году семья Граубергер, пополнившаяся еще тремя детьми, поселилась в колхозе «Но-

вый путь» Чуйского района Джамбулской области. Хозяйство было в основном свекловодческое, поэтому Екатерина Давидовна стала работать не на ферме, а в поле. Давид Давидович устроился шофером. Здесь мало кто их знал, а главное, никто не интересовался их прошлым.

Колхоз только становился, как говорится, на ноги. В цене были не прошлые заслуги, а сегодняшняя работа. А работать они умели. Уже через год фотографии Екатерины Давидовны и Давида Давидовича красовались на колхозной Доске почета. Все вроде наладилось. И, может быть, снова на всю страну прогремела бы фамилия Граубергер, на этот раз как лучшего свекловода, если бы не тяжелая болезнь Екатерины Давидовны.

...В 1967 году она ушла на пенсию. Произойти это незаметно. Никто так и не догадался пожать ей руку, преподнести букетик цветов.

Пенсию ей определили в размере... 12 рублей.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Единственный, кто не смирился с подобной несправедливостью в отношении Екатерины Давидовны, был Исак Исакович Мартинс, бывший главный агроном Лизандергейской районной МТС. По собственной инициативе двинулся в местные инстанции. Безрезультатно. Тогда написал в Президиум Верховного Совета СССР...

«Решением исполкома Джамбулского областного Совета депутатов трудящихся Е. Д. Граубергер назначить персональную пенсию областного значения в размере шестидесяти рублей с 1 июля 1970 года, за заслуги в сельскохозяйственной деятельности, пожизненно». Эти строки я прочитал в пожелтевшем официальном документе, заверенном круглой печатью и размашистыми подписями, который Екатерина Давидовна хранит вместе с орденом Ленина в коробке из-под одеколона «Сирень». С января 1988 года ей увеличили пенсию. Теперь она получает семьдесят рублей.

Этих денег ей одной (мужа она похоронила в 1985 году) пусть с трудом, но хватает. Помогают дети. Без внимания не оставляют и двадцать внуков, шестеро правнуков. Но можно ли считать эту пенсию благодарностью за долгую, трудную и кристально честную жизнь Граубергер?

Александр ФИТЦ, корреспондент газеты «Нойес Лебен» («Новая жизнь»). Джамбулская область.

Фото П. НОРКИНА.

Голосуйте, все как один, за знатных людей нашей Республики
орденоносцев — организаторов социалистического труда!

Екатерина Давидовна ГРАУБЕРГЕР
кандидат в депутаты Национальности
Верховного Совета СССР
по Мариентальскому избирательному округу

назад. О цютной доярке заговорила все страна. Катя стала получать от всех концов нашей родины поздравительные письма. Ее, как лучшую колхозницу, пригласили в Москву на совещание передовиков животноводства.

Иринева Катя впервые увидела руководителей партии и правительства лучшего отряда и друга всех народов товарища СТАЛИНА. Эта незабываемая встреча, захватывающая беседа с вождями партии и перерыв навсегда запомнились в жизни Екатерины Граубергер.

Правительство наградило ее высшей наградой — орденом Ленина. Получив орден тов. Сталина, она получила шесть орденов и эту высокую награду, даю слово товарищу СТАЛИНУ в 1936 году назвать в среднем от каждой коровы 7000 литров.

Свое слово Екатерина Граубергер сдержала, она получила от каждой коровы 7000 литров молока, а с коровы «Финлянд» — 8000 литров.

Комсомолке Граубергер всего 20 лет, но она уже много сделала для колхоза, для своего народа. С мая месяца 1937 г. она заведует огромным хозяйством фермы, которую создала с лишним год. Около 400 тонн заготовила сена на два года неуравновешен. Ее ферма первой в кантоне перевыполнила план по молокопродукции.

Так, из простой, почти-неграмотной девушки, какой была до поступления в колхоз Екатерина Граубергер — она стала знатным человеком, завоевала славу на всю Нижегородскую область и на весь Советский Союз. Большевикская партия дала ей возможность ей стать знатным человеком. Родина дала возможность ей стать знатным человеком. Родина, хорошая хозяйка. Катя заслуженно пользуется общим уважением колхозников.

В 1935 году она избирается членом Лизандергейского кантонального Комитета Нижегородской области. Она член сельсовета. Ее знают, ценят и любят потому, что она завлечет инициатором новых методов работы в животноводстве: она своей работой наглядно показала, как нужно ухаживать за скотом, чтобы получить в десять раз больше того, что получают сейчас. Поэтому с таким единодушием трудящиеся Лизандергейского, Мариентальского и Фазаровского кантонов выдвинули тов. Граубергер Екатерину Давидовну кандидатом в депутаты Верховного Совета Национальностей Верх-

настежь ворот усадеб, за невысокими изгородями которых ухоженные грядки помидоров, огурцов, картофельные квадраты...

На крылечках домов рядками стоят старые мужские сапоги и стоптанные детские туфельки. За раздвинутыми оконными занавесками виднеются цветочные горшки с привычной геранью.

Деревенская

Н. СОЛОМИН. Слова не сдержала. (Не дождалась.) Свердловский музей изобразительных искусств.

Я кадрилишь

В Аверково Николай пошел просто так, чтобы родные не заметили, какой он грустный. Бывает в молодости — накатит одиночество, сам не знаешь, что тебя томит, что гложет...

В Аверкове сошлись парни и девчата всех окрестных деревень. Был разгар лета, 22 июля — для пожилых людей престольный, издавна чтимый праздник, для молодых — сборная беседа. И гвоздь беседы — кадрили со своим тайным правилом: если парень выбирает девчонку на первый и последний танец, значит, она ему по сердцу. А старухи сидят рядком, глядят во все глаза, перешептываются, кто по осени станет свадьбу играть...

Николай ходил в праздничной толпе растерянный и одинокий, а от него, столичного студента, не отрывались десятки любопытных глаз, как же — жених!.. Он и забыл, что в родных краях шагу не ступишь неприметно. Надо было казаться веселым, как все!

Николай подошел к двоюродной сестренке: «Изобразим согласную пару?» Но у сестры на кадрили был свой интерес, она развернула брата к пестрой стайке девчат и умчалась. Гармонисты растягивали мехи. По лугу прохаживались девушки, одна нарядней другой, в крепделиновых платьях, с волосами, завитыми колечками и колбасками, улыбались гордо и приветливо. Николай и сам не заметил, как знакомый с детства праздник приободрил его, заставил молодцевато распрямиться. Он с интересом глянул по сторонам и сразу увидел Нину. Как увидел, так больше не терял ее в толпе. Пригласил на первую и восьмую кадрили. А когда приметливые родственники закричали: «Дамского! Дамского!» — Нина тоже его выбрала. Так взаимная симпатия была узаконена по всем деревенским правилам.

У Нины, как у него самого, все корни были здесь, в Калязинском районе Калининской области, а жила в Москве. Они обменялись адресами. А Нина еще и карточку на память подарила.

Как раз в то лето на чердаке отцовского дома в Аверкове Николай обнаружил свою детскую рукодельную книжку. Рылся под стрехой, снасть рыболовную искал, и вдруг из стопы старых журналов и учебников выскользнул увесистый том.

Что это переводные стихи некоего Буша, он узнал уже взрослым, случайно наткнувшись на томик в лавке букиниста. А крестная подарила ему книжку без обложки. Николке было шесть лет, грамоты он не знал, но стихи, когда прочли ему, мгновенно запомнил и картинки тоже, до мельчайшей подробности. Первая в жизни

книжка была счастьем несказанным, он чувствовал себя как богач на сундуке с золотом, ему даже стыдно было владеть своим богатством в одиночку. Ведь у двоюродного брата Андрюшки ни одной книжки не было!

Николка решил исправить несправедливость. Попросил отца, и тот смастерил и переплел книгу, а он день за днем, всю долгую зиму, срисовывал картинки и буква за буквой переписывал смешные и страшные стихи. Летом у Андрюшки была книга!

Николай и думать забыл о своем первом творении, когда том, замусоленный аверковскими ребятишками, выпал, словно из небытия. Он тогда уже был студентом Московского государственного института, ходил у Игоря Эммануиловича Грабаря в лучших учениках. Николай поразился своему детскому терпению: вот еще когда был дан ему дар трудолюбия, без которого, как говаривал сам Репин, нечего и думать быть художником.

В то лето в деревне Пахомово у тети Дуни он выстроил мастерскую из старых риг и без устали писал огромный летний мир с тихой речкой Жабней, окрестными лугами, лицами дальней и ближней родни. И еще одно милое девичье лицо не шло из памяти...

Вернувшись в Москву, Николай обнаружил, что потерял драгоценную бумажку с адресом Нины. Улицу запомнил, прохаживался по ней вечерами, но Нину встретить не довелось. Как вдруг получил от нее самой обожненное письмо с просьбой вернуть фото. На письме, к счастью, был обратный адрес. Так деревенская кадрили кончилась городской свадьбой и рождением маленького Николки.

Ребенку года не исполнилось, когда отец ушел на войну. Все свои фронты дипломник художественного института Николай Соломин отшагал в пехоте. Вернулся командиром отделения.

Он уже знал, что семьи у него нет. Сначала Нина писала, жаловалась на трудное житье с малолетним сыном, на родительские попреки, потом письма приходили перестали. Нина ушла к другому, его не дождалась. Это было время тяжких, невосполнимых потерь. Погиб в 1941-м отец, ушедший на фронт ополченцем, сгорел в танке младший брат, из многочисленной деревенской родни никто из мужиков не дотянул до Победы. Рядом со всем этим личное горе переживалось и глубже, и проще. Но надо было жить.

Жить... Снова он был студент последнего курса и снова жених. Правда, жениху и студенту перевалило за тридцать. И на послевоенной уже, в 1946 году, кадрили в Аверкове, опять в разгар лета, в июле, на зеленом лугу

Жаль не только обманутого — того, кто предал или просто обманулся, тоже жаль.

он постоял-постоял, да и пошел прочь. Отбилась от общего веселья и девушка с серьезными глазами, представилась Катей.

Катя была местная. Как и Николай, прошла фронт, и лицо ее, строгое, ясное, показалось ему страшно родным. Когда провожал Катю домой, вдруг спросил: «Хочешь быть матерью моему Николке?»

Катя согласилась. Сразу, без кокетства и раздумий. Такое было тогда время, что люди, тем более фронтовики, доверялись друг другу с первых слов.

Двое детей у них родились, Аленка и Александр. И Николке помогли встать на ноги, воспитывали вместе с первой женой. Теперь сыновья Николая Константиновича оба художники. У послевоенной деревенской кадрили конец получился действительно счастливым.

...Картину «Не дождалась» Николай Константинович Соломин написал уже зрелым художником, в 1980 году. В сюжете ее отозвалось эхо его собственного прошлого и той житейской истории, которая разыгралась у всех на глазах. Был у них в Пахомове случай — девчонка не дождалась парня из армии. Запоздал с письмом, а она решила его наказать, выскочила за другого. Да вышло, что наказала саму себя: жизнь с нелюбимым не задалась.

Не с них рисовал Николай Константинович свою картину, не посмел, да и не хотел обращаться к настоящим героям со странной просьбой. Парня подобрал из местных пахомовских, а для девушки согласилась позировать дочь Алена. Сердце щемило у художника, когда писал эту картину...

В жизни случается всякое. Хитроумные обстоятельства, минутные настроения собьют с толку, замутят разум, заставят предать первую любовь. Но разве хоть кто-то на свете может позабыть о ней? Не получилось у нас, но пусть наши дети полюбят раз и навсегда. Не дай им судьба оказаться на месте отверженных. Но жаль не только обманутого — того, кто предал или просто обманулся, тоже жаль!

По сей день народный художник РСФСР Николай Константинович Соломин ездит в родные места. Пишет речку Жабню, высокие небеса, новых жителей окрестных деревень. На его полотнах нет выдуманных героев. Он любит людей, тех, с кем встречается каждое утро, кому помогает накосить сена для коровы, кто сегодня влюбляется, расстается или ладно живет на этой земле.

Татьяна ИВАНОВА

ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

Александр Маминин

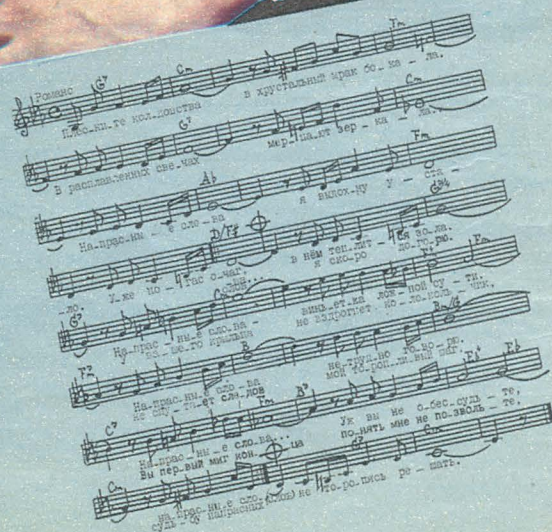
«Вырос я в Свердловске. В сущности, мальчишкой еще стал работать в Уральском народном хоре, учился тогда в филармонии. С тех пор и пою. Пробовал себя в разных жанрах, выступал с разными группами. Разбрасывался? Вероятно, так. Но что делать, если я люблю и рок, и протяжные народные плачи, и городской романс, и песни новой волны. Надеюсь, мне удалось это показать на конкурсе молодых исполнителей «Юрмала-88».

Буквально накануне конкурса мне принесли стихи Игоря Иванова «Коррида». Еще не было музыки, а я уже представлял себе песню экспрессивную, трагичную. И когда Елена Ванина написала мелодию, единственное, о чем ее попросил, ввести в середину песни медленную часть — исповедь истерзанного быка, нет, скорее человека, которого несправедливо судят на виду у всех... А еще пел рок-н-ролл и романс. Посчастливилось занять первое место.

Иногда меня критикуют за вольное обращение с классическим репертуаром. Действительно, я вмешиваюсь в мелодию, меняю гармонию, стараюсь оживить старинный мотив своим сегодняшним чувством. А на критику не обижаюсь. Иду и работаю».

НАПРАСНЫЕ СЛОВА

Музыка Давида
ТУХМАНОВА.
Стихи Ларисы
РУБАЛЬСКОЙ.

Плесните колдовства
В хрустальный
мрак бокала.
В расплавленных свечах
Мерцают зеркала...
Напрасные слова
Я выдохну устало.
Уже погас очаг,
В нем теплится зола.

ПРИПЕВ:

Напрасные слова —
Виньетка ложной
сути.

Напрасные слова
Нетрудно говорю.
Напрасные слова...
Уж вы не обессудьте,
Напрасные слова,
Я скоро догорю.

У вашего крыльца
Не вздрогнет
колокольчик,
Не спутает следов
Мой торопливый шаг.
Вы первый миг конца
Понять мне не
позвольте,
Судьбу напрасных
слов

Не торопясь решать.
Придумайте сюжет
О нежности и лете,
Где смятая трава
И запах васильков...
Рассыпанным драже
Закатаются в
столетья
Напрасные слова,
Напрасная любовь.

ПРИПЕВ.

Фото Е. МАТВЕЕВА.

В августе Майклу Джексону исполнилось тридцать. Поверить в это довольно трудно. Хрупкий, пластичный, похожий на хорошенькую девушку, Майкл без заметного, казалось бы, труда многие годы остается ровесником своих самых горячих поклонников — подростков.

Свой юбилей Майкл отметил автобиографической книгой. Она называется «Мунук» («Лунная прогулка»), так же как и изобретенное им танцевальное движение, в самом деле напоминающее походку, не отягощенную земным притяжением.

Семья негра-крановщика, где Майкл был седьмым из девяти детей, не отличалась от других негритянских семей в своем городе Гэри ничем особенным, кроме музыкальных способностей. Все пели и играли на разных инструментах. Когда группа братьев «Джексон файв» («Пятерка Джексон») начала завоевывать популярность, Майклу было шесть лет.

ВЕЧНЫЙ ПОДРОСТОК?

Слава пришла в 1969 году с выходом пластинки «Я хочу, чтобы ты вернулась» — около двух миллионов экземпляров было продано за шесть недель. Диск занял первое место в параде популярности. Не уверена, что вызову сочувствие современных подростков, расписывая «тяжкое бремя славы» одиннадцатилетнего паренька, но к самому Майклу Джексону они, возможно, прислушаются. Вот что он пишет о своих поклонниках:

«Если мы появлялись в магазинах, они опрокидывали полки с продуктами, били витрины, ломали кассы. Кто своими глазами этого не видел, вообразить подобное вряд ли сможет. Они ведь не понарошку все это делали, а всерьез. И до сих пор не понимают, что могут причинить боль, потому что от любви теряют рассудок».

Популярность Майкла Джексона неуклонно росла, достигнув пика с выходом пластинки «Триллер» (дословный перевод затруднен, предлагаю примерный — «Ужастик»), о котором влиятельный журнал «Роллинг Стоун» писал так: «Белые и черные подростки, панки и металлисты, а также их родители радостно накинулись на гибриды соула* и поп-музыки. Ничего подобного не было со времен пика популярности «Битлз».

Майкл не скрывает, что сочинение песен дается ему с завидной легкостью: «Я рассыпаюсь от команды самому себе: «Эй! Быстро запиши это все на бумагу». Я сразу слышу все слова, все уже прямо здесь, перед самым лицом... Поэтому мне не нравится брать на себя авторство всех песен, которые я написал. Я чувствую, что все это творится где-то в другом месте, а я просто курьер, доставляющий песни в этот мир».

Тем не менее после огромного успеха шоу

* Соул (в переводе с английского «душа») — направление в негритянской музыке.

Мечта любой матери — вывести своего ребенка в люди. А в «звезды»?

«Мир — это мы» (к которому Майкл Джексон совместно с Лайонелом Ричи написал гимн) он ушел со сцены на два с половиной года и посвятил их созданию «второй серии» «Триллера» под названием «Плохой».

«Мы с Куинси Джонсом хотели, насколько это в человеческих силах, приблизиться к совершенству. А стремящийся к совершенству работает не спеша, высекает гранит, отделяет форму, добиваясь идеального результата». Не исключено, что легенды о тщательно скрываемой частной жизни Майкла, о его причудах (одна из которых, например, желание дожить до 2108 года, и отсюда чрезмерная забота о собственном здоровье) просто трюк, позволивший во время своего отсутствия поддерживать интерес к собственной персоне. Наибольшее число легенд породила внешность кумира. А что говорит об этом он сам?

«В годы моих первых успехов у меня была круглая мордочка с пухлыми щеками. Такой она и оставалась, пока я не перестал есть пищу, от которой толстеют. Мне хотелось лучше выглядеть, лучше себя чувствовать, быть в форме. Постепенно, по мере того как я сбавлял в весе, мое лицо приняло свой теперешний вид, и пресса стала писать, что я подвергся пластическим операциям. На самом деле я лишь исправил форму носа. В этом нет ничего необычного».

Судя по оправдательному тону, не всем американцам нравятся эти изменения, сглаживающие явно выраженные негритянские черты. Некоторые склонны придавать этому факту чуть ли не политическую окраску. Но большинство поклонников Джексона устраивает его облик. Ведь все-таки главное — сами песни...

Ирина МОРСУНОВА

Лариса ВАСИЛЬЕВА

МЫ И ОНИ

«ИЗВИНИТЕ», «БУДЬТЕ ЛЮБЕЗНЫ»...

Слово человеческое — богатейшая кладовая. Сколько в одном коротком слове самых различных оттенков, интонаций, значений! Наши придорожные плакаты, так называемая «наглядная агитация», куда ни посмотришь, предлагают полюбоваться словом «МИР». Любуюсь и думаю: в каком смысле, в каком из четырех значений? Мир как Вселенная? Мир как Земля? Мир как человеческая общность: «всем миром порешили»? Или же мир как состояние этой общности? Разумеется, плакаты имеют в виду последнее, но мысль невольно отталкивается от одного значения и стремится объединить все вместе. Земной мир велик и мал — как посмотреть и с чем сравнить. Если со Вселенной — капля океана. Если с клочком почвы, где умещаются две стопы, то необъятен. Но какие разные и похожие миры в нас, людях!

Часто думаю я о двух окошках вокзальной кассы. Окошко, скажем, на Курском вокзале в Москве и окошко на вокзале Юстон, в Лондоне. Начну с Москвы.

Подходит ваша очередь, и вы с ужасом узнаете, что последний билет на нужный вам поезд продан. Вы начинаете жалобно просить, просить, просить — бесполезно. Вы нервничаете, повышаете голос и сами не замечаете, как кричите, требуете! В ответ из окошка несется достойная ваших криков брань. Очередь сзади включается в ссору. Слышны возгласы: «Безобразия! Хулиганство! Не задерживайте! Вам же сказали, что билетов нет!»

Вы разрываетесь между окошком и очередью, огрызаясь в ту и другую сторону. Наконец, это нередко бывает, кассирша сдается, откуда-то из-под бумаг достает желанный билет, и вы, как корабль после бури, с оборванными парусами — нервами, покачиваясь от усталости, отчаливаете от оконной пристани.

Из окошка на вокзале Юстон в той же ситуации на вас смотрят нежно-сочувствующие, внимательные глаза кассирши. Она говорит, что крайне сожалеет, извиня-

Мне трудно определить жанр этих заметок. Размышления? В какой-то степени. Рассказы? Тоже в какой-то степени. Все ситуации и люди не придуманы, лишь имена изменены. И то не всегда. На путях поисков к взаимопониманию между народами много непонятого и непонятого, ибо мы и они очень разные. И все же они и мы — люди, живущие в одном земном доме.

ется, но билетов нет. Правда, она обещает что-нибудь сделать специально для вас. Долго звонит куда-то, объясняет, получает отказы, опять звонит, объясняет. Время отстукивает минуты. Очередь за вашей спиной молча, терпеливо ждет, ничем не выдавая своего беспокойства. После пятнадцатиминутных телефонных поисков кассирша сообщает вам, что на сегодня, увы, нет ни одного билета, но она может продать билет на завтра, очень удобное место, у окна. (Вам, заметьте, необходимо уехать именно сегодня.) Вы отчаливаете от оконной пристани, унося в руках билет на завтра, а в памяти ласковую улыбку кассирши и молчаливое сочувствие облегченно вздохнувшей очереди, уходите, в сущности, без результата.

Разница? Немалая. В первом случае вы получили желаемое, но какой ценой! Во втором — не получили, но вроде бы и не очень расстраиваетесь: слишком уж хорошо и доброжелательно обошлись с вами. Что лучше? Скажете, что лучше с билетом, но без растроченной нервной системы? Согласно. Но...

Долгое время в нашем отношении к миру, начинающемуся от границ, разделяющих две разные социальные системы, мы пользовались лишь двумя красками — черной и белой: у нас хорошо, у них плохо. Писали и говорили, что наш образ жизни самый лучший в мире, а всем, вместе взятым, иностранцам из стран капитала куда как далеко до нашей силы, душевной чуткости, доброты и справедливости.

Сегодня в нашем отношении к миру начинается, к сожалению, преобладать другая крайность: идет разговор, что за границей все несравненно лучше, что мы, дескать, сильно отстали и нам необходимо учиться у них всему на свете...

Жизнь — сложное образование. Она состоит не только из двух красок — черной

и белой. Одной-то краской проще простого намазать по полотну. Такое под силу любому неопытному маляру. А как создать выпуклое изображение мира, нанести тончайшие оттенки? Как расплести и вновь сплести достоинства и недостатки разных земель и народов? Как понять, какая ткань лучше? Эта — прекрасна на вид, но непрочна, та — прочна, но не красива.

«Здравствуйте», «пожалуйста», «извините», «будьте любезны»...

Как тяжело они произносятся в нашей жизни, если сравнивать! Что это — национальный характер? Чей? Наши города — конгломерат наций, и не мною замечено: чем меньше у нас город, тем доброжелательней и вежливей народ в нем. Да и путешественники-иностранцы, в прошлые времена посещавшие Россию, не отмечали таких грустных черт нации.

Самая знаменитая и пространная книга немецкого ученого и путешественника Адама Олеария «Описание путешествия в Московию...» рассказывает о разных народностях, населяющих Россию, и нигде (я по крайней мере не помню, такие вещи ведь очень запоминаются) ни слова о грубости или хамстве.

Выходит, это — благое приобретение нашего века, совершившего культурную революцию? Впрочем, грубость и хамство русских вельмож, как и вельмож многих других стран, история отмечала неоднократно. Неужели простой человек, принявший в сердце формулу «мы не рабы», вместе с нею приобрел худшие вельможные черты прошлого, провозгласив для себя не «мы — хозяева», а «мы — господа»?

Как бы то ни было, налицо очевидное: сегодня нам не хватает чувств взаимопонимания и терпимости друг к другу, хотя и по сей день — я в этом уверена — наши добросердечие, открытость и гостеприимство почти легендарны.

ЦЕЛЬНОСТЬ ЛИЧНОСТИ И КОМПЛЕКС НЕПОЛНОЦЕННОСТИ

Сильная, умная, знаменитая советская женщина приехала в Англию на склоне своих лет. Это был ее первый выезд в «капиталистическую заграницу». Мы дружили давно, и для меня стало радостью знакомить ее со страной. Мне были хорошо известны ее взгляды. Как личность, она сформировалась в те годы, когда разделение социумов капитализм — социализм носило предельно резкий характер, и ничто, никогда не колебало ее уверенности в том, что «наш мир» во всех отношениях превосходит «их мир». Сама она при всей своей известности и ощущении благополучия жила типичной для наших женщин жизнью: стоя в очередях, доставала продукты для большой семьи, вышивала в парикмахерских, отмечалась в списках на приобретение мебели. Почему? Разве не могла переплатить, нанять? Могла. Ей претило. Она считала подобное поведение буржуазным пережитком.

Первые три дня в Лондоне, заходя со мной в продовольственные магазины, переполненные товарами универмаги и мебельные магазины, она хранила глубокое молчание. Казалось, этот многопредметный, налаженный, облегчающий жизнь мир не произвел на нее никакого впечатления. К вечеру третьего дня разрешилась вопросом:

— Скажите мне прямо: на сколько лет мы отстали? Лет на тридцать?

Не знала я, что ей ответить. Видела — она искренне расстроена. Нет, не была она одной из тех, кто ради тряпки может поступиться идеалами. Ей стало больно, что дома не так. Хуже.

Щадя ее чувства, я забормотала о неприглядных сторонах капитализма: безработице, духовной нищете, страхе перед завтрашним днем, бездомных под мостами. Она резко перебила меня:

— Не пересказывайте мне наших газетных передовиц. На сколько лет мы отстали? Что нужно, чтобы мы жили благополучно?

Откуда мне было знать?

Через несколько дней эта женщина выступала перед студентами одного из английских университетов, рассказывала о себе, отвечала на вопросы. Произвела на молодых людей неизгладимое впечатление. Неделию спустя после ее отъезда преподавательница университета прислала мне несколько сочинений, написанных студентами по живым следам впечатлений от

встречи с гостьей. Вот строки одного из них:

«Я хочу назвать ее русской матерью. Она, как большая птица, готова обнять своими жаркими крыльями всех жаждущих тепла и участия. Сразу видно, что она обладает высокой силой духа. Ей чуждо обывательское отношение к жизни. Она пришла из страны, так трудно становящейся на ноги, как, может быть, ни одна страна в мире. Она была честна с нами, сказала, что мечтает о дне, когда женщины в ее стране получат возможность иметь такой же быт, как здесь. Одеты она более чем скромно, не молодежит, не хочет показаться лучше, чем есть. И, может быть, даже не понимает, что в этом ее сила. Жанна д'Арк, которую англичанам есть за что недолюбливать, в мужском платье стала бесстрашной. В конце концов не быт, а дух определяет человека и ценность его личности.

Дэвид УАЙТ».

Я послала ей перевод сочинения. Когда мы встретились в Москве, она сказала, что Дэвид Уайт заставил ее покраснеть. И опять спросила:

— Будет у нас когда-нибудь такое же изобилие? Для всех без исключения? Это мне спать не дает.

Что я могла ей ответить? Она принадлежала к поколению отцов века. Я была из поколения детей, которое сегодня должно взять на себя решение этого вопроса.

Приходилось мне видеть и другое: яркий, уверенный в себе советский человек, попав на Запад, робеет (та женщина не робела, а переживала) перед западной отмытой и отутюженной. Как крестьянин робеет перед чудесами большого города, попав в него впервые. Появляется нечто похожее на комплекс неполноценности — человек сворачивается в улитку, предпочитая помалкивать, дабы не показать смущения: пусть уж лучше покажется нелюдимым. Он начинает остро ощущать мешковатый, плохо сшитый костюм, незелегантность неудобных башмаков фирмы «Восход», старомодность плохой стрижки. Знаменитое «Попала Дунька в Европу» переполняет его. От подобных ощущений многое определяется в поведении, явно скованном. Он знает: того не скажи, в том не признайся, а ведь приехал отстаивать позицию, что мы — самое передовое, про-

грессивное общество. Неудобноносимые башмаки мешают быть искренним. Они же мешают быть искренним — как-никак, «у советских собственная гордость: на буржуев смотрим свысока». Чувство недовольства собой, раздвоенности усугубляется. И нет ему возможности знать: Запад — понятие неоднородное. Те люди, с кем он встретился для возможной дискуссии и знакомства, чаще всего на его башмаки и не взглянут, костюма мешковатого не заметят. Им нужна его откровенность и искренность.

Наше старинное «Встречают по одежке, провожают по уму» там не звучит, там доподлинно знают: нас по одежке встречать бесполезно. По уму же и встретиться, и проводить не грех. Был бы ум.

«А ЕЩЕ В ШЛЯПЕ!»

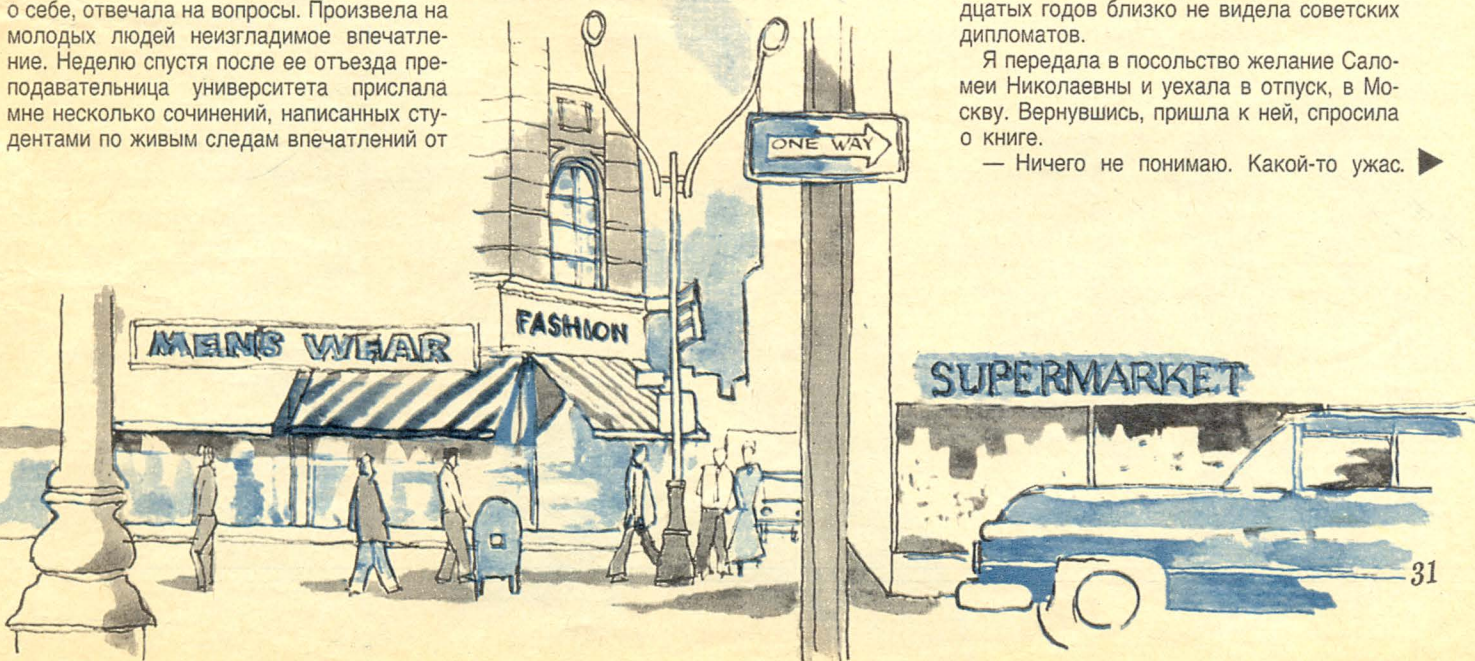
При слове «дипломат» человек, не имеющий к дипломатии никакого отношения, внутренне подтягивается. Дипломат должен быть непременно и образованным, и воспитанным человеком. Иначе какой же он дипломат?

Саломея Николаевна Андроникова-Гальперн (имя подлинное. — Л.В.) провела в эмиграции большую часть своей долгой жизни. Всегда с сочувственным вниманием относилась ко всему происходящему на Родине. И, как могла, помогала прогрессивному эмигрантскому движению Запада. Так, при ее материальной поддержке увидел свет в издательстве «Плеяды» роскошный том — «Борис Годунов» Пушкина. Экземпляр книги с дарственной, типографским способом выполненной надписью издатель преподнес ей. Эта книга теперь библиографическая редкость, а уж с дарственной надписью — тем более. В 1975 году Саломея Николаевна решила передать ее в дар Советскому Союзу. Попросила меня сообщить об этом в посольство. Сказала:

— Придет ко мне дипломат, мы поговорим, поьем чаю, я отдам ему книгу. С тридцатых годов близко не видела советских дипломатов.

Я передала в посольство желание Саломеи Николаевны и уехала в отпуск, в Москву. Вернувшись, пришла к ней, спросила о книге.

— Ничего не понимаю. Какой-то ужас. ▶

Пришел. Молодой, здоровый. Сел в кресло, хотя я еще не успела сесть. Говорит: «Нам стало известно, что вы должны передать нам книгу Пушкина». Я оторопела. Должна?! Я никому не должна! Это была моя добрая воля! С тем и ушел. Возьмите книгу вы и передайте кому нужно.

Стала я объяснять ей, что он ничего плохого сказать не хотел, что оговорился, а я, мол, лицо неофициальное и нужно сделать все как нужно, то есть отдать книгу дипломату. Пообещала поговорить в посольстве. Поговорила. Советник-посланник, умный человек, все понял, прислал ей деликатного сотрудника. Саломея Николаевна отдала ему книгу. «Борис Годунов» был отправлен в Советский Союз. Месяца через два Саломея Николаевна начала беспокоиться, получили ли книгу, почему молчат. Прошло полгода. Ответа не было.

— Неужели трудно написать две строчки, мол, получили, спасибо?

Пришлось мне, будучи в Москве, идти в Министерство культуры СССР, встречаться с заместителем министра, рассказывать, как все было, и просить написать благодарственное письмо.

Вернулась в Лондон. Саломея Николаевна любит полученным письмом. Читает, перечитывает. При мне торжественно выносит его гостям. Как будто и не помнит своего возмущения:

— Вот, подписано самим заместителем министра! Как элегантно построены фразы.

А мне, когда гости ушли:

— Я, знаете, о чем думаю? Как бы того невоспитанного дипломата на какую другую работу перевести...

...Стою в аэропорту Хитроу, встречаю наш самолет. Из одной-единственной двери идут все прилетевшие отовсюду: шумливые латиноамериканцы, неторопливые скандинавы, китайцы в неизменных френчах, вот, наконец, первая серая фетровая шляпа — пошел наш самолет. Смотрю, как член ответственной делегации, мужчина, здоровается с двумя встречающими представительницами пригласившей его органи-

зации, и краснею: он не снял шляпу. Да еще первым протянул руку. Англичанки, конечно, виду не подают, но я знаю, что думают: «Странные манеры. Он что — сросся со своей шляпой? Нужно будет рассказать Сэму. (или Джону). Как невежливо — ух!»

У англичан есть пословица: «Здоровье нации определяется отношением к женщине». И они, нужно сказать, в массе, хоть и не без исключений, стараются придерживаться пословицы независимо от принадлежности к тому или иному классу: рабочий и потомственный лорд одинаково почтительны к женщине. Впрочем, в наших невоспитанных характерах англичане быстро находят свою прелесть, особенно если захотят объяснить такое поведение, как чудачество. Они ведь сами всемирно известные чудачки. Но не в такой степени.

Да, уж лучше бы я в той Англии не жила и лишнего не знала. Не могу теперь и я видеть, как сидят мужчины перед вошедшей женщиной. Не могу заставить себя встать, когда в зал входит мужской президиум — ведь, вставая, оскорбляю мужчин. По общечеловеческому этикету женщина может встать только перед глубоким стариком, да и то рискует обидеть его, подчеркивая возраст.

В первые дни своей жизни в Лондоне я уступила в автобусе место старому человеку с палочкой. Он не воспользовался освободившимся сиденьем и шепнул мне:

— Я произвожу впечатление полной развалины?

Вечером того же дня я рассказала об этом инциденте своей новой английской знакомой, объяснив, что у нас в общественных местах принято уступать место старшим, инвалидам и пассажирам с детьми.

— С детьми? — искренне удивилась она. — С ходячими, негрудными детьми?

— Да ведь они маленьки.

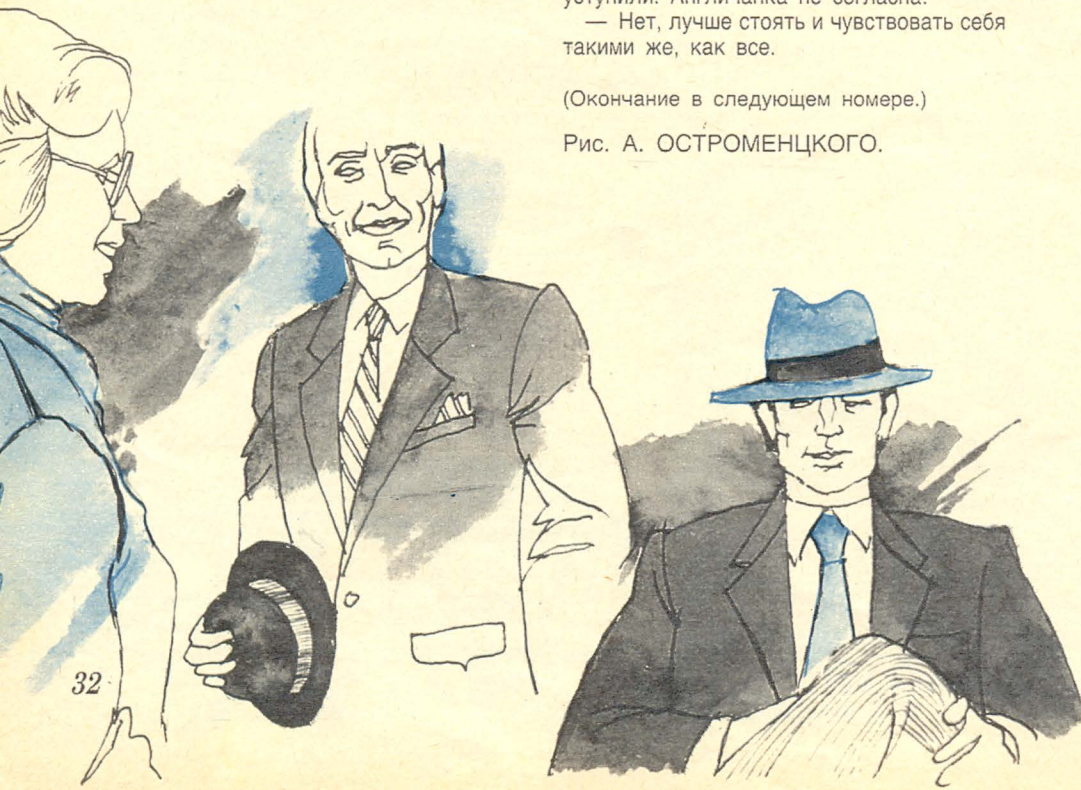
— Но они прекрасно стоят на своих молодых ногах. Лучше взрослых. Странно. И инвалидам нельзя подчеркивать, что они инвалиды. Поставьте себя на их место.

Поставила. Нет, не понимаю. Если тяжело стоять — лучше сесть на место, которое уступили. Англичанка не согласна:

— Нет, лучше стоять и чувствовать себя такими же, как все.

(Окончание в следующем номере.)

Рис. А. ОСТРОМЕНЦКОГО.

...Огромный город, лежащий в полукольце рыже-коричневых гор, медленно просыпался. Над причудливо изгибающимися волнами крыш закурились дымки печурок, постепенно сливаясь в туманную пелену. Улицы как будто вмиг наполнились скрипом повозок, ржаньем лошадей и криками ослов, гоголем привезенной на продажу птицы, резкими окриками слуг, несущих паланкины знатных людей.

Так или почти так в древние времена начиналось утро Пекина. Но нет давно ни слуг, ни хозяев, от городской стены осталось лишь несколько башен. Многие, очень многое стало историей...

Сегодня, за несколько минут до восхода солнца, из центральной арки ворот Тяньаньмынь — Небесного спокойствия появляется знаменосец в сопровождении двух ассистентов. Со скоростью сто восемь шагов в минуту они пересекают проезжую часть главной площади Пекина Тяньаньмынь и останавливаются у двадцатидвухметрового флаштока. Притормаживают автомобили, прохожие, остановившись, следят за плавно поднимающимся вверх пятизвездным красным полотнищем — государственным флагом Китайской Народной Республики. Две минуты и семь секунд движется стяг по флаштоку и достигает его вершины как раз в тот момент, когда встающее солнце полностью показывается из-за горизонта. Так начинается каждое утро в китайской столице, согласно ритуалу, утвержденному 1 октября 1949 года — в день образования КНР.

Удивительное и неповторимое переплетение старого и нового создает присущую только Пекину атмосферу, составляющую душу этого города.

Итак, национальный флаг поднят, начался трудовой день. Как и встарь, в одночасье заполняются улицы, но теперь сплошным потоком катит река велосипедистов. Искусству езды на велосипеде обучаются здесь с детства и владеют им в совершенстве. Пока это главный и, как ни странно, наиболее быстрый вид транспорта в городе, несмотря на то, что есть и троллейбусы, и автобусы, линии метрополитена, много такси. Дело в том, что улицы, особенно в центре, довольно узки и поэтому перегру-

ОН ВЗМЫВАЕТ, ТИГР ТАНЦУЕТ»

— этой старинной поговоркой принято характеризовать в Китае атмосферу бодрости и энтузиазма.

Древний Китай распахнул окна и двери в окружающий мир, и современность стремительно вошла в его жизнь, укоренилась. Приметы ее видны повсюду, как и самый популярный лозунг, который можно увидеть на домах и в городе, и в селе: «Будем жить зажиточно за счет своего труда».

жены. А юркий велосипед не со-
здаст пробок.

Для многих в Китае цена вело-
сипеда — это двух-трехмесячный
заработок. Есть марки престиж-
ные и не очень. Самая популяр-
ная — «Фэнхуан» («Феникс»).
Она ценится среди китайцев,
как, скажем, у нас «Волга». Сов-
сем мало частных автомашин,
цена которых в сравнении со
средним заработком кажется
просто астрономической.

Большинство учреждений в
стране работает с восьми утра,
и поэтому час пик — с семи до
восьми. Обед в двенадцать. Мно-
гие питаются в учреждениях,
а работники магазинов и сферы
обслуживания прямо на рабочих
местах. Может быть, с их точки
зрения, это не очень удобно, но
зато перерыва на обед нет, что,
безусловно, подходит подавляю-
щей части населения.

Где перекусить, искать долго
не приходится. К услугам масса
всяких закусовых, ресторани-
ков. Можно выбрать в соответ-
ствии с доходами. Очередей
в «общепите» нет. Радикальная
экономическая, хозяйственная
и социальная реформа, происхо-
дящая в Китае, уже принесла
свои плоды: открылась не на
словах, а на деле возможность
проявлять предприимчивость,
хозяйствовать не по приказу,
а по законам экономики, поку-
пать необходимое без прежних
немыслимых сложностей, прода-
вать сделанное, зарабатывать.
Жизнь меняется на глазах.

Вечер. Пять часов. Конец ра-
бочего дня. Вновь река велоси-
педистов заполняет улицы. Все
торопятся домой. А как корота-
ют вечер? Идут в кино или в те-
атр или просто прогуливаются
по ближайшим магазинам. При
желании можно посидеть в ре-
сторанчике. Пьют ли в рестора-
нах? Да, бывает. Но преимуще-
ственно пиво. Пьяные — боль-

шая редкость. В Китае издавна
считалось, что появиться на ули-
це «с красным лицом» — первым
признаком опьянения — означа-
ет опозориться.

Мало пьют и на свадьбах. Наи-
более популярное время для
свадеб — октябрь, праздничные
дни... Собравшись у ворот дома,
родственники и знакомые, сосе-
ди и случайные зеваки ждут не-
весту. Раньше невесту приноси-
ли в дом к мужу в паланкине.
Сейчас в городе паланкин заме-
нен автомашиной, но в деревне
этот обряд еще соблюдается.
Правда, часто бывает, что на па-
ланкин денег нет, и тогда его
делают из бумаги, а невеста
идет рядом.

Вот выгружено нехитрое при-
даное — одеяло, простынная
мебель, посуда и одежда. Под
непрерывный грохот хлопушек
невеста входит в дом, где ей те-
перь предстоит жить. В тот же
день или на следующий свадьбу
празднуют в ресторане. Гости
обычно занимают несколько сто-
лов. Невеста — в красном наря-
де, ведь красный цвет символи-
зирует счастливое будущее.
Фаты нет, но волосы украшены
разноцветными блестками. Же-
них в черном костюме с обяза-
тельным красным галстуком
и красной бутоньеркой в петли-
це. Застолье длится долго и сто-
ит дорого. Для родителей обре-
менительно, зато не хуже, чем
у других. Знакомо, не правда ли?

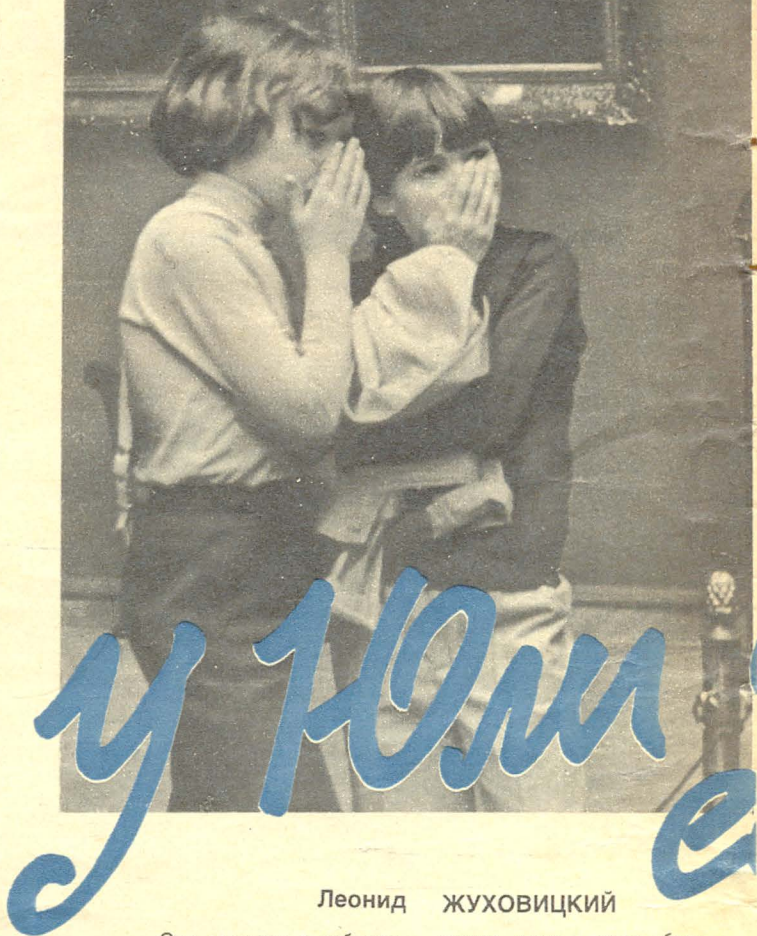
Но праздники проходят,
и вновь трудовые будни, напол-
ненные новыми надеждами на
то, что атмосфера бодрости и эн-
тузиазма не только в год драко-
на, но и во все последующие вре-
мена поможет трудолюбивому
народу самому решать свою
судьбу.

Михаил СОЛНЦЕВ

г. Пекин.

Фото В. МАРТЫНЕНКО.

**Разный возраст, разные судьбы, разное
воспитание. Но какими одинаково
беспомощными подходят порою девушки
к обязывающему порогу первой любви!
К порогу, где не только набивают
шишки собственного опыта, но,
бывает, и жизни ломают...**

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

Эти заметки я собирал-
ся написать еще полгода
назад, сразу, как пришло
письмо из Средней Азии,
а вот до сих пор так и не
смог начать. Не часто ис-
пытываешь такую расте-
рянность перед листом бу-
маги.

Что делать, иногда
жизнь задает вопросы, не
только не давая, но даже
не подсказывая ответ.

Письмо, с которого я на-
чал, привожу с сокраще-
ниями. Имя автора и неко-
торые узнаваемые детали
по понятным причинам из-
менены.

«...Мне тридцать лет.
Трудное детство: отец-ал-
коголик, мама — сильная,
мудрая женщина, как
я сейчас понимаю, безум-
но любившая отца и по-
этому выносившая все.
Семь лет назад мама
умерла, с тех пор я факти-

чески одна, слава богу,
есть однокомнатная квар-
тира... Я не красавица,
обыкновенная женщина,
но если накрашусь, ста-
новлюсь довольно привле-
кательной, мужчины про-
являют интерес. Мне де-
лали и предложения, но
я была настолько напуга-
на семейной жизнью роди-
телей, что все, что делает
человек для продолжения
рода, представлялось мне
безобразным скотством.

Основой моего воспита-
ния были книги, может,
поэтому я плохо приспособ-
лена к жизни, не могу
лгать, льстить, видеть
несправедливость и не
вмешаться. Самое смеш-
ное, что хочу всем сде-
лать добро, да, видно, ума
мало, выходит что-то не
то, и мне же отвечают
злом. Абсолютно нет чув-
ства зависти, даже жал-
ко: была бы все-таки за-

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

К нам поступает множество писем, в которых вы сообщаете о трудностях с оформлением подписки на «Крестьянку». Мы очень огорчены этим. Как вы знаете, ограничения связаны с резким ростом тиражей газет и журналов, что вызвало дефицит бумаги. Однако «Крестьянка» будет издаваться в пределах прежнего тиража, и мы надеемся, что число ее читателей и друзей не уменьшится.

Редакция просит работников отделений связи и агентств «Союзпечати» при оформлении подписки особое внимание уделять сельским жителям, ветеранам войны и труда, инвалидам.

Напоминаем, что прием индивидуальной подписки на 1989 год будет закончен 31 октября.

Ваша «КРЕСТЬЯНКА»

еще стыль вретия

цепка в жизни, того хочу, этого...

Похоронив маму, я осознала страшную, холодную мертвенность одиночества. Но мне «посчастливилось»: я полюбила впервые в двадцать девять лет. Видела и чувствовала все его недостатки, прямолинейную нацеленность на вполне определенные вещи и одновременно осторожность, почти трусость, он словно бы страховал каждый свой шаг. Но все смывалось неистовым желанием его присутствия. Только присутствия, большего мне не хотелось, жизнь приобретала смысл в те минуты, когда он был рядом. И появилось чувство нужности кому-то, а ведь только оно придает силы жить.

Отдалась не по физическому влечению, а из

страха потери. И все — стала ему не нужна. Не могла понять почему. Мучилась. Я была воспитана так, что лишение чести — позор, что это хуже смерти. Я поняла, что он меня в жены не возьмет, а жить опозоренной нельзя. Я выпила приготовленное снежное, перетащила кровать на кухню и открыла газ. Написала записку, что никого не виню, кроме себя. Но вместо того, чтобы спуститься вниз и опустить записку в почтовый ящик, сдуру положила ее в дверную ручку. Видимо, кто-то ночью проходил по лестнице — короче, я жива уже год.

Не знаю, как у меня сложится в дальнейшем. А пока дышу...

Лена.

Узбекская ССР».

Что практически делать, получив такое письмо, ясно. Успокоить Лену,

объяснить, что тридцать лет не конец, а вершина молодости, впереди огромное пространство для счастья, и если не бояться жизни, радости будет столько, что она, возможно, даже надоест. Но вот я что пытаюсь понять: почему девушка хотела покончить с собой?

Крушение великой, единственной в жизни любви? Но она не была великой, и Лена даже причину такую не выдвигает. Уверенно называет иную: «жить опозоренной нельзя». Вот тут я просто становлюсь в тупик. Где, в чем позор?

Легла в постель не с мужем? Так ведь не с кем попало, с любимым человеком, а в любви позора нет. Он оказался корыстным и непорядочным? Но это позор ему, а не ей. Откуда же у умной, начитанной девушки возникло тягостное ощущение несмываемой грязи?

«Я была воспитана так, что лишение чести — позор, хуже смерти». Эта мораль примитивна и бесчеловечна? Да, конечно. И разоблачить ее, пожалуй, довольно легко. Смотрите, как лихо расправляются с ней четыре девушки из среднерусского города Скопина (имена девушек, конечно, тоже изменены).

«Когда нам было по шестнадцать, у нас тоже возникали разные мысли. Но мы не стали останавливать себя, и в скором времени каждая из нас узнала, что такое любовь. Мы не жалеем об этом. Жизнь так коротка, и надо брать от нее все, что можно и нужно. Но вступать в связь с первым встречным мужчиной не советуем, так как сейчас очень много болезней. А вообще не надо отказывать себе ни в чем. И никто тебя за это не осудит, если не будешь распространяться. Лена, Оля, Марина, Ирина, г. Скопин, Рязанская область».

Подружки из маленького Скопина не просто смелы, уверены в себе и практичны — они живут в полном согласии с моралью. «И никто тебя за это не осудит...» Значит, в их городе, в их поколении, в их кругу принято смотреть на вещи именно так. Только не надо кричать о сделанном на весь белый свет, чтобы не осудили те, кому положено осуждать...

Не буду говорить сейчас о том, чьи воззрения лучше — Лены из Средней Азии или девочек с Рязанщины. За Лену больно и боязно: мучилась и мучается до сих пор. Но за авторов коллективного письма не менее тревожно: преуспеив в постельной гимнастике, они могут так и не узнать, что такое любовь. Но я об ином. Смотрите, что получается: в одно и то же время, в одной и той же стране существуют две морали, которые не только не совмещаются, но и резко противоречат друг другу. Что для Лены норма, для подружек с Рязанщины глупость, что для них удовольствие, для нее позор.

Ладно бы еще были две морали, а ведь их, если

вдуматься, множество: в каждом городе, деревне, в каждом поколении, в каждом социальном слое хоть в чем-то, да своя. Даже на проституцию взгляды расходятся: если верить социологическим исследованиям, есть школьники, которые называют ее в числе выгодных профессий.

Разумеется, вполне можно сказать: ну и что, пусть каждый живет, как считает нужным. Собственно говоря, мы так и живем.

Да, верно, так и живем. Жизнь невероятно усложнилась, далеко ушла от предписанных ранее правил, и мы вроде уже привыкли и к изменам, и к разводам, и к абортам старшекласниц, и к любви без семьи, и к семье без любви. В этой путанице приходится разбираться спокойно и осторожно, чтобы не причинить ненужной боли, не пробить камнем правды чужую крышу, не порвать ненароком тонкую ниточку чьей-то судьбы. Одни лишь моралисты уверяют, что правила все сплошь хороши, да вот люди плохи. И все, что требуется, — это внимательно за каждым следом согласии с моралью. «И никто тебя за это не осудит...» Значит, в их городе, в их поколении, в их кругу принято смотреть на вещи именно так. Только не надо кричать о сделанном на весь белый свет, чтобы не осудили те, кому положено осуждать...

Но нет, речь не о том, чтобы загнать наши отношения за колючую проволоку непререкаемых правил. Все проще: надо друг друга хотя бы понимать. А то ведь как сегодня получается? Один говорит «люблю» и другой — «люблю». Только у одного это значит «готов всю жизнь о тебе заботиться», а у другого — «не прочь провести с тобой эту ночь, но без всяких гарантий на следующую».

У разных людей свои представления о добром и злом, и чужие им не навяжешь. Но когда они сталкиваются, может произойти трагедия. Не исключая, что приятель Лены вовсе не злодей и не видел в случившемся ничего особенного: повеселились и разошлись. А она вот выпила снот-

ворное и открыла газ...

Да, в каждом регионе, в каждой семье свои порядки. Ну а когда деревенская девчонка приезжает учиться в большой город? А когда потом возвращается домой? Конечно, в чужом монастыре удобнее и жить по чужому уставу, но если эти уставы без конца менять, что останется от души? Носок снимать — надевать, и то истреплетесь...

Выходит, все же нужны какие-то общие правила. Вроде как на дорогах — держись правой стороны и не шпаль на красный свет. Авось поменьше будет катастроф на житейских перекрестках.

Но вот тут-то и начинается самое трудное.

Мне всегда казалось: единственный надежный компас в человеческих отношениях — любовь. Есть она — значит, дорога чистая, иди и не бойся. Нет ее — как ни вертись, вернешься по уши в грязь. А теперь усомнился: всегда ли стрелка любви безошибочна?

С Леной согласен — она пошла навстречу любви, и чем бы за это ни заплатила, ей повезло: жизнь все же не обошла ее своей высшей радостью. Ну, а девочки из Скопина — они ведь тоже пишут про любовь. Так хорошо они сделали или плохо? Впрочем, в прыгнули во взрослую жизнь или рано? Как им было отличать зов сердца от голоса тела?

Это вопросы отнюдь не теоретические: тысячи родителей ежедневно ищут на них ответ.

Да вот хоть бы мои друзья. Дочка кончила девятый. Роман с одноклассником вплотную приблизился к опасной черте. Отец в гневе и панике. Мать пытается рассуждать логически: в девятом классе, конечно, рано, но, с другой стороны, на семнадцатом году... Джульетте в эпоху, далекую от акселерации, было четырнадцать. Споры, сомнения, скандалы. Что делать маме — объяснять дочке, как уберечься от беременности, или сажать под замок? Но какой замок удержит шестнадцатилетнюю влюбленную девочку? И, кстати, что делать, что говорит

учительнице, в классе у которой вот-вот, как граната, взорвется непредсказуемыми последствиями яростная юношеская страсть?

Ну, ладно, тут все же шестнадцать лет. А если, допустим, четырнадцать?

Из дальних далей пришло от девочки Юли вот такое письмо:

«Несмотря на свой возраст, я решила вам написать «про любовь». У меня уже нет терпения ждать, когда ко мне придет мое счастье. И когда в конце концов появятся мой рыцарь? Я мечтаю, что наконец придет ко мне кто-нибудь и предложит дружить. Мне говорят, что я лучше всех из класса: современнее, очень опрятно хожу, да и вообще! Но хотя я так выделяюсь, почему меня никто не замечает? Как сделать, чтобы мне предложили дружбу? Если я сама предложу, мне кажется, получится глупо. А может быть, и вправду самой начать? Я вам пишу потому, что не могу уже без этой ласки, любви, нежных слов и приятных вечеров».

Не слишком складно пишет Юля. Но не судите строго, со временем научится — ведь ей всего только одиннадцать лет...

Детские игры во взрослых обычно вызывают благодушную улыбку. Месяц назад и я бы посмеялся над нетерпеливой девочкой. А сейчас не могу — не могу, потому что рядом с Юлиным письмом лежит еще одно.

«Хочу поделиться своим горем. А горе мое в том, что мне шестнадцать лет, а я уже имею троих детей. Сейчас я расскажу о своей жизни.

Я была очень рослая девочка. Когда мне еще не было двенадцати лет, мне на вид давали пятнадцать. Когда я пошла в пятый класс, к нам в школу в десятый класс пришел новенький мальчик. Он мне сразу понравился, и я предложила ему дружбу. Он не отказался. И вот он пригласил меня к себе на день рождения...

Через два месяца я сказала родителям, что беременна. Они меня потаци-

ли на аборт. Но делать его мне отказались: я тогда очень слабенькая была для таких вещей. А потом, как раз в мамин день рождения, у меня родился сын Витя. Мама была в шоке, но не потому, что я стала женщиной, она беспокоилась об алиментях. Родители Алексея (отца Вити) согласились помогать. Вите было полтора месяца, когда мне исполнилось тринадцать лет. Да, а школу-то я ведь бросила. Витю забрала моя тетя и воспитывала его. А об Алексее я забыла — это была мимолетная любовь.

А потом произошел переворот в моей жизни, я встретила его, Никиту. Поймил меня правильно, если бы не Танька (девчонка, которая его у меня отбила), я была бы счастлива. Никита дал мне все, а главное, уверенность в жизни. Он мне много рассказывал о себе, о Дальнем Востоке, где служил в армии (ведь ему двадцать два года).

Так длилось чуть больше года, а потом ко мне пришла Танька и очень сильно избила меня (ей девятнадцать лет). Так она увела у меня Никиту, которого я любила.

Я долго не выдержала, пришла к нему и сказала, что хочу от него хоть ребенка. Пообещала, что никому ничего не скажу. В четырнадцать лет я родила Никитку. Я назвала ребенка в его честь. А он отвернулся от меня.

И так все пошло, поехало. Второго ребенка опять увезли к тете. Я загуляла, месяцами не бывала дома, жила у таких же, как и я. Потом появился третий сын, я сама не знала, от кого.

Однажды я встретила Никиту, он подбежал ко мне и спросил, что со мной случилось. Я прожила у него неделю, и он рассказывал, что тогда оттолкнул меня.

Нам с ним долго не разрешили завести семью. Но все же потом я перешла к Никите, а через полмесяца мы забрали к себе троих малышей.

Ну, вроде бы и все. Сейчас мне шестнадцать, Никите двадцать четыре года, Витьке три, Никитке меньше двух, самому

младшему четыре месяца. Я сейчас не очень счастлива, ведь Никите тяжело будет с тремя сыновьями. Я прошу опубликовать мое письмо (и Никита просит), чтобы девчонки задумались, стоит ли спешить.

Нина, г. Ростов».

Как-то на Московском кинофестивале показывали английский детектив. Сюжет был банальный, трюки банальные, а фильм замечательный. Замечательный потому, что все роли в нем играли дети. И шефа мафии, и хозяина ресторана, и эстрадной певички, и полисмена, и гангстеров. Вот и после письма Нины хочется думать, что все в ее истории лишь игра в «дочки-матери», во взрослую жизнь: и романы, и разрывы, и борьба с соперницей, и отчаяние, и несчастная любовь, и печально-счастливый конец. Что ж, может, все и вправду игра, но дети-то, все трое, настоящие...

Хочется верить, что и Никита справится со своей тяжелейшей мужской задачей, и юная мама в неминуемых жизненных передрыгах устоит. Но как сделать, чтобы сбылось выстраданное желание Нины и другие девчонки не спешили повторить ее путь?

Когда-то наш великий поэт написал забавное стихотворение для детей про крошку сына, который спросил у папы, что такое хорошо и что такое плохо. Нынешние дети все реже задают нам этот вопрос. И мы все реже способны ответить.

Мы пытаемся готовить детей к жизни и даем им ориентиры, на которых выросли сами, а жизнь уже иная, и подростки ощущают это очень точно, порой болезненно. Когда взгляды родителей и сверстников расходятся слишком далеко, растущий человек почти всегда выбирает сверстников. Ведь взрослеть, жить и даже стареть ему предстоит не с папой-мамой, а с ними.

Иногда растерянные родители на всякий случай запрещают все: мол, каши маслом не испортишь, целее будет, а там погля-

дим. Увы, безоговорочная строгость дает обратный результат — при глухом запрете существовать нельзя, и ребенок, чтобы выжить в среде ровесников, то и дело вынужден суровые наставления нарушать, и быстро теряет всякое уважение не только к родительским запретам, но и к родительским советам...

Четыре письма. За письмами, естественно, люди. У Лены из Средней Азии, у трезво мыслящих подружек из Скопина, у такой молодой и такой взрослой Нины из Ростова судьба во многом определилась. У маленькой Юли, мечтающей о приятных вечерах, еще есть время задуматься.

Ну, а нам, взрослым, поколению родителей, нам задуматься не надо? Еще как надо! Может, в первую очередь именно нам.

У всех девушек, чьи письма я привел, есть общая черта. Без всякой для них обиды я бы назвал ее неразвитостью души.

Что я под этим понимаю?

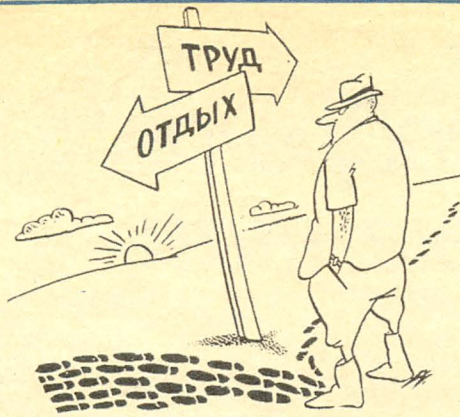
Многократно писано и говорено, что без напряженной мускульной работы мышцы человека становятся дряблыми, ненадежными, и никто не знает заранее, в какой роковой момент они жестоко подведут. От пожаров, наводнений и прочих злых внезапностей не застрахован никто. И там, где развито тело вынесет, выплывет, выручит, слабое отдаст во власть беды.

Вот так же подводят неразвитые души.

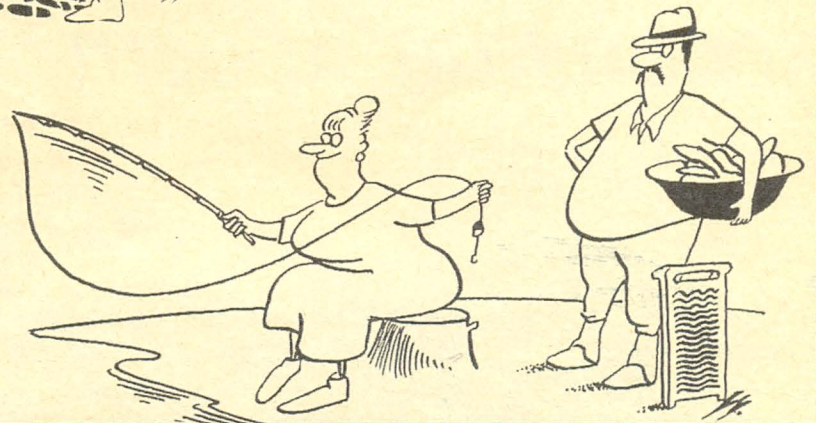
Лена — хороший человек. Но принципы человеческих отношений не выработала сама, а взяла те, что дали: «Я была воспитана так...» Она считала, что все нельзя. Подружки из Скопина полагают, что все можно. И Нине так казалось, пока жизнь не отхлестала ее вожжами. И маленькая Юля — из каких же слащавых кино-сказок взяла она свои представления о рыцарях, нежных словах и приятных вечерах?

Разный возраст, разные судьбы, разное семейное воспитание. Но какими одинаково беспомощными подошли они к обзывающему порогу первой люб-

Эти юмористические рисунки прислал наш читатель Л. ВОРОБЬЕВ.

— Сколько рыбы наловишь, столько и белья постираю...

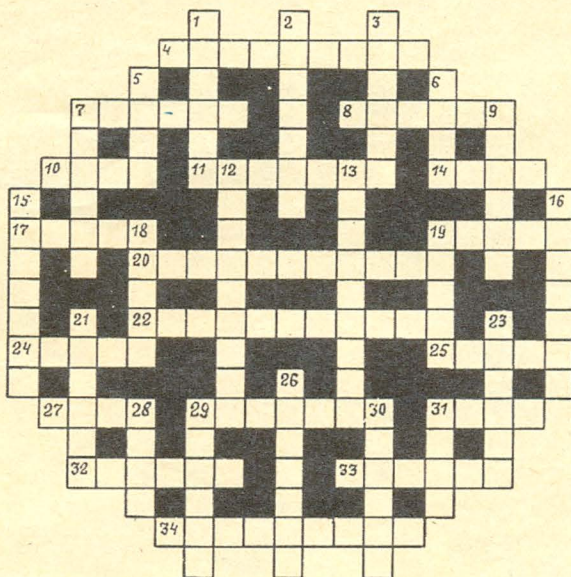

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4.

Степень мощности, совокупность средств, скрытых возможностей. 7. Специалист, изучающий поведение животных в естественной среде их обитания. 8. Персонаж оперы П. И. Чайковского «Черевички». 10. Натуральный налог в Московской Руси. 11. Ароматический балзам, получаемый из некоторых видов тропических деревьев. 14. Чувство меры, умение держать себя подобающим образом. 17. Точка небесной сферы, к которой движется Солнце относительно звезд. 19. Официальный язык государства Израиль. 20. Более точное название громоотвода. 22. Степень нагрева, тепловая характеристика. 24. Офицерское звание. 25. Лососевая рыба. 27. Кредитно-финансовое учреждение. 29. Специалист по вождению судов, летательных аппаратов. 31. Белый клен, издавна выращиваемый в садах и парках. 32. Древний глиняный сосуд. 33. Дикая утка. 34. Сокращение и упрощение печатного текста, чаще всего иноязычного.

КРОССВОРД

Уважаемая «Крестьянка»!
 Во многих журналах публикуются кроссворды, авторы которых — мужчины, к тому же все городские. Неужели мы, деревенские девчата, хуже их? Вот и решила сама составить кроссворд.
 Алена АНДРЕЯНОВА.
 Село Мишкино, Башкирская АССР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 9.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Майков. 6. Сенека. 8. Менделеев. 11. Дидро. 14. Гейне. 15. Цицерон. 16. Роллан. 17. Леонов. 20. Геродот. 22. Бажов. 23. Солон. 26. Кукольник. 27. Горький. 28. Пифагор.
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Дмитриев. 2. Гомер. 3. Бехер. 4. Павленко. 7. Герцен. 9. Грибоедов. 10. Лермонтов. 12. Писарев. 13. Полевой. 18. Гоголь. 19. Давыдов. 21. Кольцов. 24. Фучик. 25. Ливий.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Статуя, колонна громадных размеров. 2. Река на крайнем северо-востоке СССР. 3. Большая гребная шлюпка. 5. Хищник, без которого не состоялась бы сказка о семерых козлятах. 6. Картина И. И. Левитана. 7. Немецкий композитор, автор музыки Национального гимна ГДР. 9. Столица Турции. 12. Одна из основных отраслей народного хозяйства. 13. Систематизированное собрание каких-либо сведений. 15. Здание для размещения воинской части. 16. Бессодержательный, формальный ответ. 18. Общественная проверка, публичный показ результатов деятельности. 19. Совершенное воплощение, высшая цель стремлений. 21. Индейский народ в Боливии, Перу и Чили. 23. Африканское государство. 26. Небольшое сольное музыкальное произведение для голоса. 28. Старинный кабардинский народный танец. 29. Игра-загадка. 30. Американский писатель, автор неоконченной трилогии «Эпос пшеницы» (романы «Спрут», «Омут»). 31. Молодая, еще не ягнвившаяся овца.

ви! К порогу, где не только набивают шишки собственного опыта, но, быва-ет, и жизнь ломают...

В глухой таежной дере-вушке не говорят ребенку, что все вокруг звери страшны: вырастет тру-сом. И не говорят, что все они добры и забавны: не вырастет вообще. А терпе-ливо и постепенно объяс-няют, что заяц — это заяц, а медведь — это медведь, и что с волком, который так похож на собаку, луч-ше не связываться, а со-баки, которая так похожа на волка, можно не боять-ся. И учат искать потеря-нную тропку, и показывают, как вести себя в бур-ан. Так что вырастает юный человек, который и сам в тайге не пропадет, и не даст пропасть приезжему взрослому.

Мало толку внушать ре-бятишкам отвлеченные принципы, пряча от них подлинную, корявую, мно-гослойную жизнь. Смешно и горько, но Нину, мать троих детей, и сегодня еще могут не пустить на фильм, на который нельзя «до шестнадцати». Специ-альности какой-никакой учим, понимаем, что кусок хлеба понадобится каждо-му. А конкретные детали человеческих отноше-ний — и нежные слова, и приятные вечера, и тяж-кие ночи после аборта, и все прочее, вплоть до СПИДа, чей палаческий топор все грозней нависа-ет над сегодняшними под-ростками — с этим оттяги-ваем, это после, когда-ни-будь, когда время придет. А время — что время? Оно может не спешить, как не спешило к Лене, но может и зверем бросится из засады, как случилось с двенадцатилетней де-вочкой из Ростова.

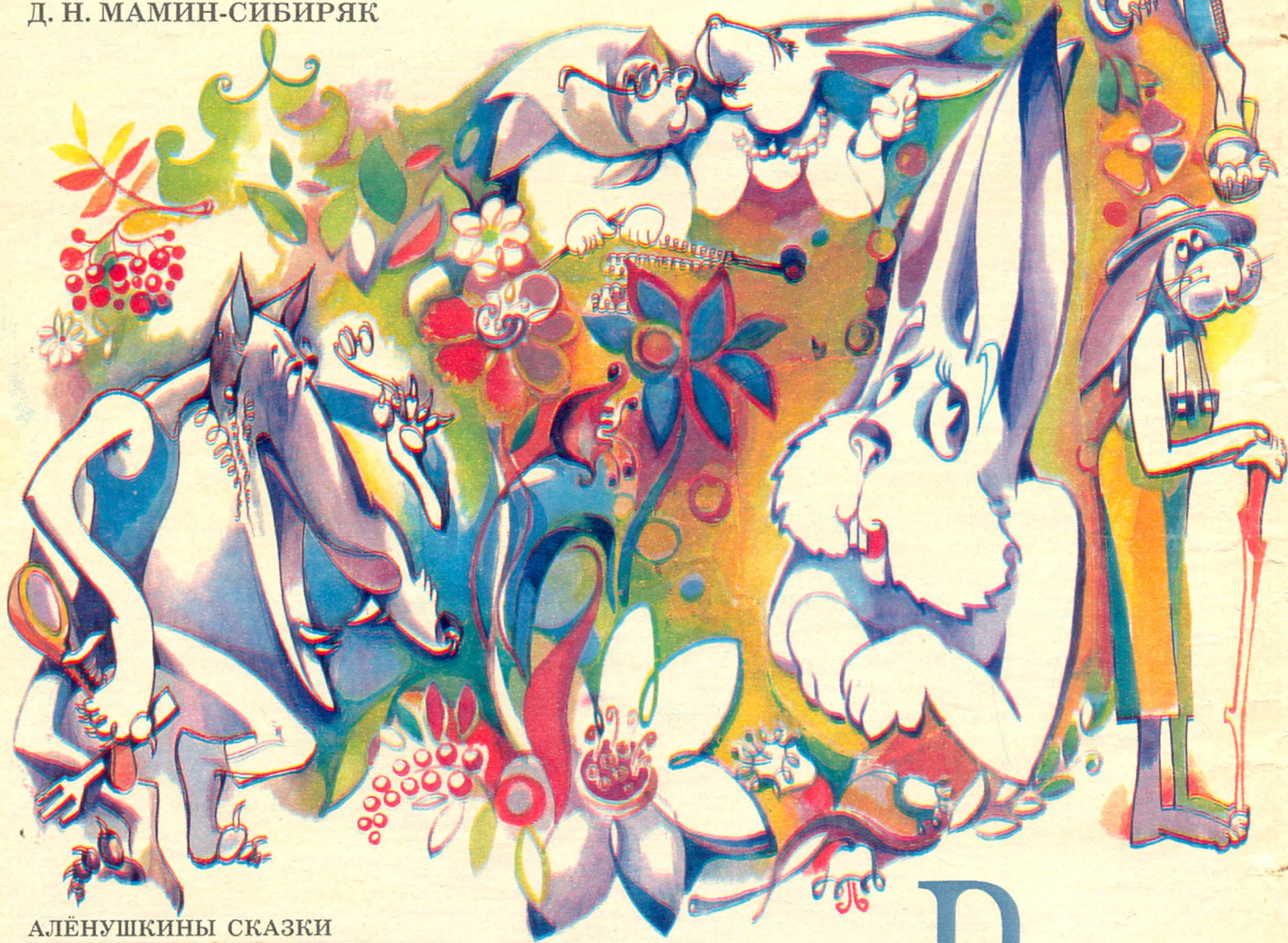
Сегодня дети взросле-ют быстро. И нужно вове-мя давать им реальные знания о реальной жизни, веря, что в нужный мо-мент подросток сумеет распорядиться ими не хуже нас. Нужно честно делиться с ним собствен-ным опытом и с уважени-ем относиться к его опыту. Ведь выбирать-то ему. А уж платить за выбор — точно ему...

Снимок прислал на наш фотоконкурс Б. КРЕМЕР.

Мерлоуз

Сказка про храброго Зайца — длинные уши, косые глаза, короткий хвост

Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК

АЛЁНУШКИНЫ СКАЗКИ

«Один глазок у Алёнушки спит,— другой смотрит, одно ушко у Алёнушки спит,— другое слышит...» У постели малыша собрались герои сказок. «Кажется, все тут: и сибирский кот Васька, и лохматый деревенский пёс Постойка, и серая мышка-норушка, и сверчок за печкой, и пестрый скворец в клетке, и забияка петух. Спи, Алёнушка, спи, отецкая дочь,— сейчас сказка начинается. Вон уж в окно смотрит высокий месяц; вон косой заяц проковылял на своих валенках; волчьи глаза засветились желтыми огоньками; медведь Мишка сосет свою лапу. Подлетел к самому окну старый воробей, стучит носом в окно и спрашивает:

— Скоро ли? Все тут, все в сборе, и все ждут Алёнушкиной сказки».

Так начинается поэтическая присказка к «Алёнушкиным сказкам» писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка. Почти сто лет назад рассказывал он эти сказки своей маленькой дочери. А современные дети их совсем не знают. Работая над составлением сборника сказок писателя для издательства «Детская литература», я снова натолкнулась на эту веселую остроумную историю о жизни обитателей леса. Предлагаю сказку вниманию самых маленьких читателей журнала «Крестьянка».

Н. КРЕМЯНСКАЯ, кандидат филологических наук.

Родился зайчик в лесу и всё боялся. Треснет где-нибудь сушочек, вспорхнёт птичка, упадёт с дерева ком снега,— у зайчика душа в пятки.

Боялся зайчик день, боялся два, боялся неделю, боялся год; а потом вырос он большой, и вдруг надоело ему бояться.

Крестьянка

ОКТАБРЬ 1988 г.

МОСКВА.
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА».

Главный редактор
Г. В. СЕМЕНОВА.

Редакционная коллегия:

Н. И. ГОРШКОВА,
Е. Г. ГРИГОРЬЕВ,
Р. Ф. КАЗАКОВА,
Т. М. КОСТЫГОВА
(ответственный секретарь),
А. В. КУПРИЯНОВА
(заместитель главного редактора),
И. В. НОРКИНА,
А. А. ПИМЕНОВА,
М. Б. РЫЖИКОВ,
Л. И. ШВЕЦОВА.

Главный художник
С. И. ВОРОНЦОВА.
Художественный редактор
Е. Г. НОВИКОВА.
Номер оформлен
с участием Е. В. АНТОНОВА.

Присланные рукописи, фотографии и рисунки редакция не возвращает.

Адрес редакции: 101460, Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, 14. Телефоны для справок: 212-20-79, 212-12-39.

Сдано в набор 12.08.88. Подписано к печати 26.08.88. А 10397. Формат бумаги 60 × 90%. Глубокая печать. Усл. п. л. 6,00. Уч.-изд. л. 8,56. Усл. кр.-отт. 21,00. Тираж 18 900 000 экз. (1—14 630 001 экз.). Зак. № 2960.

Во всех случаях обнаружения полиграфического брака редакция просит обращаться в типографию, печатающую журнал.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

На первой странице обложки — Галина МЕЩЕРЯКОВА, председатель профкома и председатель женсовета колхоза имени Бадаева (см. статью «Под лежачий камень» на стр. 2). Фото Т. МАКЕЕВОЙ. На последней странице — фото А. ГОСТЕВА.

— Никого я не боюсь!— крикнул он на весь лес.— Вот не боюсь нисколько, и всё тут!

Собрались старые зайцы, бежали маленькие зайчата, припелись старые зайчихи — все слушают, как хвастает Заяц — длинные уши, косые глаза, короткий хвост, — слушают и своим собственным ушам не верят. Не было ещё, чтобы заяц не боялся никого.

— Эй ты, косой глаз, ты и волка не боишься?

— И волка не боюсь, и лисицы, и медведя — никого не боюсь!

Это уж выходило совсем забавно. Хихикнули молодые зайчата, прикрыв мордочки передними лапками, засмеялись добрые старушки зайчихи, улыбнулись даже старые зайцы, побывавшие в лапах у лисы и отведавшие волчьих зубов. Очень уж смешной заяц!.. Ах, какой смешной! И всем вдруг сделалось весело. Начали кувиркаться, прыгать, скакать, перегонять друг друга, точно все с ума сошли.

— Да что тут долго говорить!— кричал расхрабрившийся окончательно Заяц.— Ежели мне попадет волк, так я его сам съем...

— Ах, какой смешной Заяц! Ах, какой он глупый!..

Все видят, что и смешной и глупый, и все смеются.

Кричат зайцы про волка, а волк — тут как тут.

Ходил он, ходил в лесу по своим волчьим делам, проголодался и только подумал: «Вот бы хорошо зайчиком закусить!» — как слышит, что где-то совсем близко зайцы кричат и его, серого волка, поминают. Сейчас он остановился, понюхал воздух и начал подкрадываться.

Совсем близко подошёл Волк к разыгравшимся зайцам, слышит, как они над ним смеются, а всех больше — хвостун Заяц — косые глаза, длинные уши, короткий хвост.

«Э, брат, погоди, вот тебя-то я и съем!» — подумал серый волк и начал выглядывать, который заяц хвастает своей храбростью. А зайцы ничего не видят и веселятся пуще прежнего.

Кончилось тем, что хвостун Заяц взобрался на пенёк, уселся на задние лапки и заговорил:

— Слушайте вы, труссы! Слушайте и смотрите на меня. Вот я сейчас покажу вам одну штуку. Я... я... я...

Тут язык у хвостуна точно примерз.

Заяц увидел глядевшего на него Волка. Другие не видели, а он видел и не смелдохнуть.

Дальше случилась совсем необыкновенная вещь.

Заяц-хвостун подпрыгнул кверху, точно мячик, и со страха упал прямо на широкий волчий лоб, кубарем прокатился по волчьей спине, перевернулся ещё раз в воздухе и потом задал такого стрекача, что, кажется, готов был выскочить из собственной кожи.

Долго бежал несчастный Заячик, бежал пока совсем не выбился из сил.

Ему всё казалось, что Волк гонится по пятам и вот-вот схватит его своими зубами.

Наконец совсем обессилел бедняга, закрыл глаза и замертво свалился под куст.

А Волк в это время бежал в другую сторону. Когда заяц упал на него, ему показалось, что кто-то в него выстрелил.

И Волк убежал. Мало ли в лесу других зайцев можно найти, а этот был какой-то бешеный...

Долго не могли прийти в себя остальные зайцы. Кто удрал в кусты, кто спрятался за пенёк, кто завалился в ямку.

Наконец надоело всем прятаться, и начали понемногу выглядывать, кто похрабрее.

— А ловко напугал Волка наш Заяц, — решили все. — Если бы не он, так не уйти бы нам живыми... Да где же он, наш бесстрашный Заяц?..

Начали искать.

Ходили, ходили, нет нигде храброго Заяца. Уж не съел ли его другой волк? Наконец-таки нашли: лежит в ямке под кустиком и еле жив от страха.

— Молодец, косой! — закричали все зайцы в один голос. — Ай да косой!.. Ловко ты напугал старого Волка. Спасибо, брат! А мы думали, что ты хвастаешь.

Храбрый Заяц сразу приободрился. Вылез из своей ямки, встряхнулся, прищурил глаза и проговорил:

— А вы бы как думали? Эх вы, труссы...

С этого дня храбрый Заяц начал сам верить, что он действительно никого не боится.

Баю-баю-баю...
рис.

М. БОЙЦОВОЙ.

**СВЕТ
ОТЕЧЕСТВА**

*«Город Таруса стоит на
высоких горах над Окой и над
удивительными по своей
широте и прелести луговыми
и лесными заокскими далями.
Пожалуй, нигде поблизости от
Москвы нет мест, таких
типично*

*и трогательно русских по своему пейзажу.
...Места вокруг Тарусы поистине прелестны.
...У нас имеется много людей, которые не
променяют скромное очарование средней
России ни на какой ослепительный юг», —
писал замечательный русский прозаик
Константин Паустовский об этом старинном
городе, который любил он нежно и верно.
Главной темой творчества писателя была
родная земля, полная, как и его проза,
кристальной чистоты, неторопливости
и неброской красоты.*

*Здесь, в простом деревянном доме, среди
яблоневого сада, провел он последние годы
своей жизни.*